

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ
THE NEW YORK TIMES

ПИТЕР
ФРАНКОПАН

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

ДОРОГА ТКАНЕЙ, РАБОВ,
ИДЕЙ И РЕЛИГИЙ

Путешественники во времени

Питер Франкопан

**Шелковый путь. Дорога
тканей, рабов, идей и религий**

«ЭКСМО»

2015

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Франкопан П.

Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий /
П. Франкопан — «Эксмо», 2015 — (Путешественники во
времени)

ISBN 978-5-699-95706-4

«Шелковый путь» – больше чем книга, это настоящее исследование британского историка и преподавателя Оксфордского университета Питера Франкопана. В книге рассматривается вся история человечества за последние 2000 лет. Вы узнаете, как возник шелковый путь из Азии в Европу, какие войны велись за контроль над ним, а также поймете его истинное значение для всего мира. Вы увидите, что история развивалась совсем не так, как мы привыкли изучать в школе. Так, столетия назад интеллектуальные центры мира, «Оксфорды» и «Кембриджи», «Гарварды» и «Йели», находились не в Европе, а в городах Средней Азии, куда и съезжалась вся просвещенная молодежь в поисках успеха.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-95706-4

© Франкопан П., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Заметки о транслитерации	6
Предисловие	7
1. Создание Шелкового пути	12
2. Путь веры	32
3. Путь к христианскому Востоку	45
4. Путь к революции	59
5. Путь согласия	72
6. Путь мехов	90
7. Путь рабов	101
8. Путь на небеса	116
9. Путь в ад	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Питер Франкопан Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий

Peter Frankopan

The Silk Roads: A New History of the World

© Peter Frankopan, 2015

© В. Шаршукова, перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Катарине, Флоре, Френсису и Люку

Заметки о транслитерации

Историки очень много дискутируют о вопросах транслитерации. В таких книгах, как эта, основанных на первичных источниках, написанных на разных языках, невозможно вывести единое правило. Такие имена, как Жоау и Иван, остались неизменными, в то время как Фернандо и Николай превратились в Фердинанда и Николаса. Лично я предпочитаю говорить Чингиз-хан, Троцкий, Каддафи и Тегеран, даже несмотря на то что другие варианты могут быть более точными. В то же время я избегаю западных вариантов названия Бейджина (Пекина) и Гуанчжоу. Особенно сложно иметь дело с местами, которые меняли название. Лично я называю великий город на Босфоре Константинополем вплоть до конца первой мировой войны и только с этого момента начинаю называть его Стамбулом. Я говорю Персия до тех пор, пока название страны не изменилось официально на Иран в 1935 году. Я прошу снисходительности от тех читателей, которые всюду хотят единообразия.

Предисловие

Когда я был еще ребенком, одним из самых ценных моих сокровищ была большая карта мира. Она висела на стене над моей кроватью, и я разглядывал ее каждую ночь перед сном. Вскоре я выучил названия всех стран, их столиц, а также океанов, морей и рек, которые в них впадают, названия основных горных гряд и пустынь, которые были написаны интригующим курсивом. Все это говорило об опасностях и приключениях.

К тому времени как я стал подростком, я с неудовольствием отметил узость изучения географии в школе. Мы изучали в основном Западную Европу и Соединенные Штаты Америки, в то время как остальной мир оставался для нас сплошным белым пятном. Нам рассказывали о римлянах в Британии, о норманнских завоеваниях 1066 года, о Генрихе VIII и Тюдорах, об Американской войне за независимость, индустриализации в Викторианскую эпоху, о битве на Сомме и возникновении и падении нацистской Германии. Я смотрел на свою карту и видел огромные области, о которых нам не рассказывали ничего.

На мой четырнадцатый день рождения родители подарили мне книгу антрополога Эрика Вульфа, которая стала для меня путеводной звездой. Принятая обществом ленивая история, писал Вульф, говорит, что Древняя Греция породила Рим, Рим породил христианскую Европу, христианская Европа положила начало Возрождению, Возрождение привело к Просвещению, которое, в свою очередь, привело к демократии и индустриальной революции. Промышленность, скрещенная с демократией, породила Соединенные Штаты, где и родились право на жизнь, свободу и стремление к счастью¹. Я моментально узнал ту самую историю, которую мне преподавали: мантру политиков, культурный и моральный триумф Запада. Но она уже дала трещину. Появились альтернативные способы рассматривать историю не с точки зрения недавних победителей.

Я попался. Стало совершенно ясно, что те регионы, о которых нам ничего не рассказывали, стали жертвами расцвета Европы. Я убедил отца отвезти меня взглянуть на Херефордскую карту мира, на которой Иерусалим расположен в центре, а Англия и другие западные страны в стороне, как будто они совсем не при делах. Когда прочитал про арабских географов, чьи работы сопровождалась графикой и казались перевернутыми из-за того, что Каспийское море на них располагалось в центре, я просто остолбенел. Такое же впечатление на меня произвели средневековые турецкие карты, которые я отыскал в Стамбуле. В самом центре этих карт был город под названием Баласагун, город, о котором я никогда не слышал прежде и которого никогда не видел ни на одной карте. Город, местоположение которого до недавних пор было неизвестно. И все же его считали центром мира².

Я хотел узнать больше о России и Центральной Азии, о Персии и Месопотамии. Я хотел узнать об истоках христианства в Азии, о Крестовых походах с точки зрения азиатов и как видели крестоносцев жители таких великих городов Средневековья, как Константинополь, Иерусалим, Багдад и Каир. Я хотел узнать больше о великих империях Востока, о монголах и их завоеваниях; я хотел понять обе мировые войны не с точки зрения Фландрии или Восточного фронта, а с точки зрения афганцев или индусов.

Мне очень повезло. В школе я изучал русский язык. Нас обучал блистательный Дик Хаддон, который в свое время служил в военно-морской разведке и считал, что лучший спо-

¹ E. Wolf, *Europe and the People without History* (Berkeley, 1982), p. 5.

² A. Herrman, 'Die älteste türkische Weltkarte (1076 n. Chr)', *Imago Mundi* 1.1 (1935), pp. 21–28; а также Ma#mud al-Kashghari, *Dīwān lughāt al-turk: Compendium of the Turkic Dialects*, ed. and tr. R. Dankhoff and J. Kelly, 3 vols (Cambridge, MA, 1982–1985), 1, pp. 82–83. О местоположении города – В. Горячева. *Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии*. – Фрунзе, 1983. – С. 54–61.

соб изучить русский язык и русскую душу – это прекрасная русская литература и народная музыка. Еще одной удачей стало его предложение обучать желающих арабскому языку. Он показал нам культуру ислама, его историю, постепенно погружая нас в красоту исламского мира. Изучение этих языков помогло мне приоткрыть завесу тайны неизведанного мира, который только ждал, чтобы его открыли в западном мире.

Сейчас много внимания уделяется влиянию экономического роста Китая, где спрос на предметы роскоши вырос примерно в четыре раза, или социальным переменам в Индии, где практически у всех есть мобильные телефоны, но зато современные унитазы – далеко не у каждого³. Но ни один из подходов не предлагает лучшей точки для изучения прошлого и настоящего нашего мира. На протяжении тысячелетий область между Востоком и Западом, соединяющая Европу и Тихий океан, была осью, на которой вращался этот мир.

Место точно между Востоком и Западом, которое простирается от восточных берегов Средиземного и Черного морей до Гималайских гор, может показаться неудачным для изучения мира. Сейчас здесь находятся страны, которые навевают мысли об экзотике и... периферии: Казахстан, Узбекистан, Киргизстан и Туркменистан, Таджикистан и страны Кавказа. Этот регион считается нестабильным, жестоким, угрожающим мировому спокойствию. К нему относятся такие страны, как Афганистан, Иран, Ирак и Сирия. Здесь же находятся страны, отставшие от передовых практик демократии, – Россия и Азербайджан. Более того, здесь располагаются «неудавшиеся», «развалившиеся» страны, где у власти стоят диктаторы, которые набирают большинство голосов на выборах. Их семьи и друзья контролируют основные бизнес-процессы в стране и обладают огромной политической властью. Это места, где не соблюдают права человека, где ограничивается свобода слова в вопросах вероисповедания, совести и секса, где средства массовой информации контролируют поступающую информацию⁴.

Хотя данные страны могут показаться нам дикими, это не глушь, не темные, забытые земли. Это мост между Востоком и Западом, перекресток цивилизации. Располагаясь вдалеке от основных мировых событий, в то же самое время эти страны находятся в самом центре, так же как и в начале. Они были здесь, когда появилась цивилизация. Есть теории, согласно которым именно здесь возникло человечество – в Райском саду, «высаженном самим Господом Богом», где каждое дерево приятно на вид и пригодно в пищу». По общему мнению, этот сад находился на плодородных полях между Тигром и Евфратом⁵.

Именно здесь 5000 лет назад были основаны величайшие мегаполисы; именно здесь, в долине реки Инд, появились города Хараппа, Мохенджо-Даро – чудеса Древнего мира. Их население исчислялось десятками тысяч, их улицы соединяла сложная система канализации, которая появится в Европе лишь спустя тысячелетия⁶. Другие величайшие центры цивилизации – Вавилон, Ниневия, Урук и Аккад в Месопотамии славились своим величием и архитектурными инновациями. Китайский географ, живший более двух тысяч лет назад, отмечал, что жители Бактрии, которая находилась на реке Оксус (теперь это Северный Афганистан), были непревзойденными переговорщиками и торговцами. В их столице располагался рынок, где можно было найти самые разнообразные товары с разных концов света⁷.

³ Что касается растущего спроса на предметы роскоши в Китае, см. например, Credit Lyonnais Securities Asia, *Dipped in Gold: Luxury Lifestyles in China* (2011); для Индии см. Ministry of Home Affairs, *Houselisting and Housing Census Data* (New Delhi, 2012).

⁴ Transparency International, *Corruption Perception Index 2013* (www.transparency.org); Reporters without Borders, *World Press Freedom Index 2013–2014* (www.rsf.org); Human Rights Watch, *World Report 2014* (www.hrw.org).

⁵ Genesis 2:8–9. Чтобы понять месторасположение Райского сада, см. J. Dulumeau, *History of Paradise: The Garden of Eden in Myth and Tradition* (New York, 1995).

⁶ Мохенджо-Даро см. J. Kenoyer, *Ancient Cities of the Indus Valley* (Oxford, 1998).

⁷ *Records of the Grand Historian by Sima Qian, Han Dynasty*, tr. B. Watson, 2 vols (rev. edn, New York, 1971), 123, 2, pp.

Именно здесь зародились мировые религии. Это то самое место, где иудаизм, христианство, ислам, буддизм и индуизм буквально «терлись боками». Это котел, в котором готовилось варево из различных языковых групп – индоевропейские, семитские и сино-тибетские языки можно было услышать наряду с алтайскими, тюркскими и кавказскими. Это место, где создавались и разрушались целые империи, где столкновение различных культур и соперников влияло на судьбы народов на тысячи миль вокруг. Отсюда открываются новые способы изучения прошлого и видны все взаимосвязи этого мира. События на одном континенте глубоко влияют на другой. Последствия того, что происходило в Центральной Азии, могли проявиться в Северной Африке, события в Багдаде сказывались на Скандинавии, а открытия в обеих Америках влияли на цену товаров в Китае и приводили к повышению спроса на лошадей на севере Индии.

Сотрясения распространялись по разветвленной сети, которая простиралась повсюду, где странствовали пилигримы и воины, кочевники и купцы, где производились, продавались и покупались товары, где обменивались идеями, принимали или даже улучшали их. Однако эти сети несли не только процветание, по ним также распространялись смерть и жестокость, болезни и катастрофы. В конце девятнадцатого века именитый немецкий геолог Фердинанд фон Рихтгофен (дядя знаменитого аса времен Первой мировой войны «Красного барона») дал этой обширной сети название, которое сохранилось до нашего времени, – *Seidenstraßen* – Шелковый путь⁸.

Эти пути являются центральной нервной системой мира. Они соединяют народы и города. При этом данные связи находятся в глубине и недоступны для невооруженного взгляда. Так же как анатомия объясняет функции организма, правильное рассмотрение этих связей позволит понять основные механизмы работы целого мира. И все же, несмотря на всю важность этой части мира, она была забыта в рамках основного курса истории. Частично это произошло из-за того, что называют «ориентализмом» – из-за резко негативного взгляда на Восток как на периферийную часть мира, которой нечего противопоставить Западу и, следовательно, которая не стоит серьезного изучения⁹. Также это связано с тем, что повествование о прошлом настолько укоренилось в умах, что Восток рассматривается исключительно как фон для истории о подъеме Европы и западного мира.

Сегодня Джелалабад и Герат в Афганистане, Эль-Фаллуджа и Мосул в Ираке, Хомс и Алеппо в Сирии – синонимы религиозного экстремизма и жестокости сектантов.

Настоящее полностью уничтожило прошлое, забыты те дни, когда название Кабул вызывало в воображении образы садов, посаженных великим Бабуром, основателем империи Великих Моголов в Индии. В *Bagh-i-Wafa* («Сад верности») был пруд, окруженный апельсиновыми и гранатовыми деревьями, и клеверные луга, которыми Бабур был особенно горд: «Это лучшая часть сада. Он особенно прекрасен, когда зацветают апельсины. Воистину, этот сад расположен в прекрасном месте!»¹⁰

Точно так же современные представления об Иране затмили славу его исторического предка – Персии и все ее достижения: прекрасный вкус персов буквально во всем, начиная с сервировки фруктов к обеду и заканчивая потрясающими миниатюрными портретами, написанными прекрасными художниками, и бумагой, на которой писали свои труды ученые.

234–235.

⁸ F. von Richthofen, 'Über die zentralasiatischen Seidenstrassen bis zum 2. Jahrhundert. n. Chr.', *Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin* 4 (1877), pp. 96–122.

⁹ E. Said, *Orientalism* (New York, 1978). Также обратите внимание на положительную и в подавляющем большинстве случаев весьма романтизированную реакцию французских мыслителей, таких как Фуко, Сартр и Годар, на Восток и Китай, в частности R. Wolin, *French Intellectuals, the Cultural Revolution and the Legacy of the 1960s: The Wind from the East* (Princeton, 2010).

¹⁰ Bābur-Nāma, tr. W Thackston, *Memoirs of Babur, Prince and Emperor* (London, 2006), pp. 173–174.

В прекрасной работе, написанной Сими Нишапури, библиотекарем из Машада, города на востоке Ирана, около 1400 года, даются подробные советы тем, кто разделяет его любовь к книгам. Всем, кто думает о писательстве, он советует иметь в виду, что лучшую бумагу производят в Дамаске, Багдаде и Самарканде. Бумага, произведенная в других местах, – «грубая, с посторонними вкраплениями и неоднородная». Также он отмечает, что, перед тем как начать писать, лучше придать бумаге легкий оттенок, «потому что белый цвет не очень приятен для глаз. Практически все шедевры каллиграфии были созданы на тонированной бумаге»¹¹.

Те места, названия которых теперь забыты, когда-то возвышались над целым миром. Например, Мерв был описан географом десятого века как «приятный глазу, элегантный, блестящий город», «мать народов»; Рей, который находится недалеко от современного Тегерана, был столь прекрасен, что, по словам другого автора, жившего примерно в то же время, его можно было назвать «женихом Земли», ее «самым прекрасным творением»¹². Эти города, как жемчужины, нанизанные на ось Азии, соединяют Тихий океан со Средиземным морем.

Городские центры стимулировали друг друга за счет соперничества их правителей или постройки все более грандиозных зданий и памятников. Библиотеки, места поклонения, церкви и огромные обсерватории, имеющие огромное культурное влияние, разбросаны по всему региону, соединяя Константинополь с Дамаском, Исфаханом, Самаркандом, Кабулом и Кашгаром. Эти города стали домом для блестящих ученых, которые раздвинули рамки изучаемых ими предметов. Сегодня мы знаем лишь о немногих из них: об ибн Сине, известном как Авиценна, аль-Бируни и аль-Хорезми – блестящих ученых в области астрономии и медицины.

Но кроме них были многие другие. Столетия назад интеллектуальные центры мира, «Оксфорды» и «Кембриджи», «Гарварды» и «Йели» прошлого, находились не в Европе и на Западе, а в Багдаде и Балхе, Бухаре и Самарканде.

Была веская причина, почему культуры, города и народы, находящиеся вдоль Шелкового пути, так сильно продвинулись в своем развитии. Во время торговли они также обменивались идеями, обучались друг у друга, стимулируя развитие философии, наук, языкознания и религии. Прогресс был очень важен, один из правителей королевства Чжао на северо-востоке Китая понимал это уже 2000 лет назад. «Талант следовать вчерашними путями, – говорил король Ву Лин в 307 году до нашей эры, – недостаточен, чтобы улучшить сегодняшний мир»¹³. Правители прошлого отлично понимали, как важно идти в ногу со временем.

Покровы тайны прогресса были сорваны уже во время двух знаменитых морских экспедиций в конце пятнадцатого века. В 1490-х годах в течение шести лет стройная система обмена знаниями начала разрушаться. Сначала Христофор Колумб пересек Атлантику, открыв путь к двум массивам суши, которые до сих пор были не тронуты, и «присоединил» их к Европе, затем, через несколько лет, Васко да Гама успешно обогнул южное окончание Африки по пути к Индии, одновременно открывая новые морские пути. Открытия изменили традиции взаимодействия и торговли, что привело к значительным изменениям в расстановке мировых политических и экономических сил. Неожиданно Западная Европа

¹¹ W. Thackston, 'Treatise on Calligraphic Arts: A Disquisition on Paper, Colors, Inks and Pens by Simi of Nishapur', in M. Mazzaoui and V. Moreen (eds), *Intellectual Studies on Islam: Essays Written in Honor of Martin B. Dickinson* (Salt Lake City, 1990), p. 219.

¹² Al-Muqaddasī, *Aḥsanu-t-taqāsīm fī marifati-l-aqālīm*, tr. B. Collins, *Best Division of Knowledge* (Reading, 2001), p. 252; Ibn al-Faqīh, *Kitāb al-buldān*, tr. P. Lunde and C. Stone, 'Book of Countries', in *Ibn Fadlan and the Land of Darkness: Arab Travellers in the Far North* (London, 2011), p. 113.

¹³ Цитируется по N. di Cosmo, *Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History* (Cambridge, 2002), p. 137.

превратилась из незначительного региона в центр коммуникаций и логистики, она стала новой точкой соединения Востока и Запада.

Подъем Европы вызвал ожесточенную борьбу за власть и даже за контроль над прошлым. В то время как соперники сводили счеты друг с другом, история была изменена таким образом, чтобы подчеркнуть значение тех событий, тем, идей, которые могли быть использованы в идеологических столкновениях, бушевавших наряду с борьбой за ресурсы и контроль над морскими путями. Были сделаны бюсты ведущих политиков и генералов в тогах, чтобы они напоминали римских героев прошлого, были построены новые прекрасные здания в классическом стиле. Таким образом, политические деятели присваивали заслуги героев прошлого и делали их своими прямыми предшественниками.

История была полностью перекроена, чтобы обосновать идею того, что подъем Запада не только был логичен и неизбежен, но и явился продолжением событий прошлого.

Многие рассказы заставили меня посмотреть на мировую историю по-новому. Особенно мне запомнился один из них. Зевс, отец богов в греческой мифологии, выпустил двух орлов, по одному с каждого конца мира, и велел им лететь навстречу друг другу. Священный камень Омфалос – Пуп Земли – должен был быть помещен там, где они встретятся, чтобы обеспечить миру коммуникацию с богами. Позже я узнал, что этот камень стал предметом долгих дискуссий среди философов и психоаналитиков¹⁴.

После того как я впервые услышал эту историю, я глазел на карту и гадал, где же встретились орлы. Я представлял, как они взлетают с западного побережья Атлантики и с берега Тихого океана в Китае и устремляются в глубь континента. Точное положение менялось в зависимости от того, откуда именно с востока и запада я измерял дистанцию, но всегда это была область между Черным морем и Гималаями. Я часами лежал без сна, разглядывая карту, размышляя о Зевсе, орлах и истории региона, который никогда не упоминали в книгах, которые я читал, у которого не было названия.

Не так давно европейцы поделили Азию на три обширные части – Ближний, Средний и Дальний Восток. Тем не менее когда я слышал или читал о проблемах современности, меня не отпускала мысль, что понятие Среднего Востока поменяло свой смысл и даже географическая привязка изменилась. Его используют, когда говорят об Израиле, Палестине и сопредельных территориях, иногда о Персидском заливе. Я не мог понять, почему мне говорили о важности Средиземноморья как колыбели цивилизации, когда мне было предельно ясно, что эта теория сфабрикована. Настоящий тигель цивилизации, «Средиземноморье» в изначальном его смысле – не море, которое отделяет Европу от Северной Африки, а самое сердце Азии.

Я надеюсь, что мне удастся сподвигнуть людей изучать народы, места, которые игнорировались учеными на протяжении поколений, задавать вопросы, открывать для себя новые области для изучения. Я верю, что у вас появятся новые вопросы о мировой истории, что прописные истины будут оспорены. Кроме того, я рассчитываю вдохновить тех, кто читает эту книгу, взглянуть на историю по-новому.

Вустер-колледж, Оксфорд, апрель 2015 года

¹⁴ Например, S. Freud, *The Interpretation of Dreams*, ed. J. Strachey (New York, 1965), p. 564; J. Derrida, *Résistances de la psychanalyse* (Paris, 1996), pp. 8–14.

1. Создание Шелкового пути

С начала времен в центре Азии возникали великие империи. Аллювиальные равнины Месопотамии, орошаемые Тигром и Евфратом, – сами по себе прекрасная база для возникновения цивилизации. В этом регионе возникли первые поселения и даже крупные города. Систематизированное сельское хозяйство появилось в Месопотамии и по всему «плодородному полумесяцу». Плодородные земли, где есть доступ к воде, простираются от Персидского залива до побережья Средиземного моря. Именно здесь 4000 лет назад были записаны первые законы. Хаммурапи, царь Вавилона, создал для своих подданных свод законов, который предусматривал суровые наказания за нарушения¹⁵.

Хотя многие королевства и империи вышли именно из этой колыбели, величайшей из них была империя персов. Начиная с шестого века до нашей эры, Персия (сейчас это южная часть Ирана) быстро захватила своих соседей, достигнув берегов Эгейского моря, покорила Египет и устремилась на восток, к самым Гималаям. Согласно греческому историку Геродоту, своим успехом персы были обязаны в основном своей открытости. «Персы охотно принимают обычаи других народов», – писал Геродот. Так, например, они были готовы изменить стиль одежды, когда поняли, что поверженные ими враги одеваются лучше. Именно это и сподвигло их перенять стиль мидийцев, а затем и египтян¹⁶.

Благодаря готовности персов воспринимать новые идеи и подходы, они смогли построить такую административную систему, которая позволила создать империю, объединившую различные народы. Грамотное и эффективное управление, в свою очередь, дало возможность наладить повседневную жизнь государства. Учтено было все, начиная с размера выплат работникам, обслуживающим правящую семью, и заканчивая количеством и качеством проданных и купленных товаров. Персы также тщательно следили за поддержанием и ремонтом дорожной сети, пересекающей всю империю, – предмет зависти античного мира¹⁷.

Дорожная сеть, которая соединяла побережье Малой Азии с Вавилоном, Сузой и Персеполем, покрывала площадь около 1600 миль, которые можно было преодолеть всего за неделю. Это чудесное достижение было отмечено Геродотом, который говорил, что ни снег, ни дождь, ни жара, ни тьма не сказываются на скорости доставки сообщений по этим дорогам¹⁸. Инвестиции в сельское хозяйство и развитие ирригационных систем для повышения урожайности привели к более активному росту городов и их населения. Жители городов могли питаться с окружающих их полей, расположенных не только на берегах Тигра и Евфрата, но и в долинах рек Оксус и Яксартес (которые сейчас известны как Амударья и Сырдарья), а после захвата персами в 525 году до нашей эры – в дельте Нила. Персидская империя – плодородная земля, которая соединяла Средиземноморье с самым сердцем Азии.

Персия представляла собой оплот стабильности и справедливости. Именно об этом говорит надпись на скале Бехистун, которая на персидском, эламском и аккадском языках и повествует о том, как Дарий Великий, один из самых известных правителей Персии, подавлял революции и восстания, защищал империю от иноземных вторжений и не обижал ни бедных, ни богатых. «Защищайте страну, – гласит надпись, – управляйте людьми

¹⁵ C. Renfrew, 'Inception of Agriculture and Rearing in the Middle East', C. R. Palevol 5 (2006), pp. 395–404; G. Algaze, *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape* (Chicago, 2008).

¹⁶ Herodotus, *Historiai*, 1.135, in *Herodotus: The Histories*, ed. and tr. A. Godley, 4 vols (Cambridge, MA, 1982), 1, pp. 174–176.

¹⁷ J. Curtis and St J. Simpson (eds), *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East* (London, 2010).

¹⁸ Herodotus, *Historiai*, 8.98, 4, p. 96; D. Graf, 'The Persian Royal Road System', in H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt and M. Root (eds), *Continuity and Change* (Leiden, 1994), pp. 167–189.

справедливо – это и есть основа основ любого государства»¹⁹. Терпимость народа была просто потрясающей. К одному из правителей Персии обращались «Мессия, благословенный небесами». Именно во время его правления евреи были освобождены из Вавилонского плена²⁰.

В древней Персии процветала торговля, благодаря которой персы получали доходы, позволяющие финансировать военные экспедиции и тем самым приобретать еще больше ресурсов. Также это давало персам возможность удовлетворять свои неординарные запросы – например, строить великолепные здания в Вавилоне, Персеполе, Пасаргадах. В Сузе король Дарий построил великолепный дворец из высококачественного черного дерева и серебра, доставленных из Египта, кедра, привезенного из Ливана, чистого золота из Бактрии, лазурита и киновари из Согдианы, бирюзы из Хорезма и слоновой кости из Индии²¹. Персы были большими охотниками до разнообразных удовольствий. По словам Геродота, им было достаточно просто узнать о новых развлечениях, чтобы захотеть немедленно побаловать себя²².

При поддержке коммерческого сообщества также существовала военная структура, которая расширяла границы империи, но в то же время защищала их. Персия постоянно испытывала угрозу с севера, где господствовали кочевники, которые пасли свой скот в полупустынных степях, простиравшихся от Черного моря через Центральную Азию до самой Монголии. Эти племена славились своей жестокостью – по слухам, они пили кровь своих врагов и снимали с них скальпы. В некоторых случаях они даже поедали плоть своих отцов. Взаимодействие с кочевниками было чрезвычайно сложным, хотя, несмотря на все вышеописанное и то, что они были абсолютно непредсказуемы, они являлись одними из важнейших поставщиков животных, особенно прекрасных лошадей. Но все равно кочевники могли стать большой проблемой. Так, например, Кир Великий, основатель империи персов в шестом веке до нашей эры, был убит, когда пытался подчинить скифов. Его голову поместили в сосуд, полный крови. По свидетельству одного из авторов, это символизировало то, что, наконец, его жажда власти была удовлетворена²³.

Однако даже этот удар не затормозил развитие Персии. Греческое командование смотрело на Восток со смесью страха и восхищения. Греки стремились перенять тактику персов на поле боя, их технологии. Такие авторы, как Эсхил, использовали успехи в борьбе против персов, чтобы воспеть воинскую силу и продемонстрировать благоволение богов, напомнить о вторжениях в Грецию в эпических произведениях литературы²⁴.

«Я пришел в Грецию, – говорит Дионис в первых строках «Вакханок» – с прекрасного, богатого Востока», места, где равнины Персии купаются в солнечных лучах, города Бактрии надежно защищены стенами, где прекрасно сконструированные башни возвышаются над побережьем. Азия и Восток – земли, которые Дионис основал во время «божественного танца» задолго до Греции²⁵.

Прилежнее всех эти труды изучал Александр Македонский. Когда в 336 году до нашей эры после убийства отца, короля Филиппа, он занял трон, ни у кого не было ни малейших сомнений, по какому пути молодой генерал пойдет к славе. В сторону Европы он даже не

¹⁹ H. Rawlinson, 'The Persian Cuneiform Inscription at Behistun, Decyphered and Translated', *Journal of the Royal Asiatic Society* 11 (1849), pp. 1–192.

²⁰ Ezra, 1:2. Также см. Isaiah, 44:24, 45:3.

²¹ R. Kent, *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon* (New Haven, 1953), pp. 142–144.

²² Herodotus, *Historiae*, 1.135, 1, pp. 174–176.

²³ Там же, 1.214, 1, p. 268.

²⁴ Aeschylus, *The Persians*. P. Briant, 'History and Ideology: The Greeks and "Persian Decadence"', in T. Harrison (ed.), *Greeks and Barbarians* (New York, 2002), pp. 193–210.

²⁵ Euripides, *Bakhai*, in Euripides: *Bacchae, Iphigenia at Aulis, Rhesus*, ed. and tr. D. Kovacs (Cambridge, MA, 2003), p. 13.

смотрел. Европа не сулила ничего. Там не было городов, культуры, славы, богатства. Для Александра, как и для всех древних греков, культура, идеи и возможности, а также угрозы происходили с Востока. Неудивительно, что его внимание было приковано к величайшей силе античности – к Персии.

Когда персидские правители Египта были низложены после удара молнии в 331 году до нашей эры, Александр отправился на завоевание самого сердца империи. Решающее столкновение произошло позже, в октябре 331 года, на пыльных равнинах вблизи Гавгамел, недалеко от современного города Эрбиль в Иракском Курдистане. Там он нанес сокрушительное поражение превосходящим силам армии персов под командованием Дария III. Возможно, это произошло из-за того, что он хорошенько выпался. Согласно Плутарху, Александр настаивал на обязательном отдыхе перед сражением, и сам спал так крепко, что его приходилось потрясти, чтобы разбудить. Одевшись в свое любимое воинское облачение, он надел шлем, отполированный до состояния чистого серебра, взял в правую руку верный меч и повел свое войско на битву, которая открыла для него врата империи²⁶.

На воспитанника Аристотеля Александра всегда возлагали большие надежды. И он не разочаровал. После того как армия персов была разбита при Гавгамелах, Александр направился на восток. Город за городом покорялись ему, он захватывал все больше территорий. Обширные местности, славящиеся необычайной красотой и богатством, сдавались юному герою. Вавилон открыл свои ворота, его жители украсили дорогу, ведущую к городу, цветами и гирляндами, расставили вдоль нее серебряные алтари с благовониями. В качестве даров были преподнесены клетки со львами и леопардами²⁷. Вскоре практически все города вдоль Королевской дороги, которая соединяла все основные города Персии, а также побережье Малой Азии с Центральной Азией, были захвачены Александром.

Несмотря на то что современные ученые характеризуют его как «пьяного головореза-подростка», Александр проявил себя на удивление деликатным завоевателем²⁸. Зачастую он очень мягко относился к местным верованиям и обычаям, тем самым проявляя толерантность и уважение. Например, он был очень раздосадован разорением могилы Кира Великого.

Он не только повелел восстановить могилу, но и наказал виновных²⁹. Когда Дарий III был найден в повозке, убитый одним из своих собственных лейтенантов, Александр повелел, чтобы он был похоронен согласно обычаям своего народа и высокому статусу среди других правителей Персии³⁰.

Александр завоевал обширные территории, и чтобы держать их под контролем, он пользовался поддержкой местной элиты. Ему приписывают следующие слова: «Если мы хотим не только пройти через всю Азию, но и удержать ее, мы должны выказать милосердие этим людям; их поддержка сделает нашу империю стабильной и вечной»³¹. Местные чиновники и представители элиты покоренных городов остались на своих местах. Сам Александр перенял местные традиции и стал носить персидские одежды, чтобы подчеркнуть свою погруженность в культуру. Он хотел позиционировать себя не столько как завоевателя,

²⁶ Plutarch, *Bioi Paralleloi: Alexandros*, pp. 32–33, in *Plutarch's Lives*, ed. and tr. B. Perrin, 11 vols (Cambridge, MA, 1914–1926), 7, pp. 318–326. Согласно известной мозаике, он носил счастливую одежду, A. Cohen, *Alexander Mosaic: Stories of Victory and Defeat* (Cambridge, 1996).

²⁷ Quintus Curtius Rufus, *Historiae Alexandri Magni Macedonis*, 5.1, in *Quintus Curtius Rufus: History of Alexander*, ed. and tr. J. Rolfe, 2 vols (Cambridge, MA, 1946), 1, pp. 332–334.

²⁸ M. Beard, 'Was Alexander the Great a Slav?', *Times Literary Supplement*, 3 July 2009.

²⁹ Arrian, *Anabasis*, 6.29, in *Arrian: History of Alexander and Indica*, ed. and tr. P. Brunt, 2 vols (Cambridge, MA, 1976–1983), 2, pp. 192–194; Плутарх говорил и о важности мирного и щедрого подхода Александра. *Alexandros*, 59, 1, p. 392.

³⁰ Arrian, *Anabasis*, 3.22, 1, p. 300.

³¹ Quintus Curtius Rufus, *Historiae*, 8.8, 2, p. 298.

сколько как наследника древних династий. Однако, несмотря на это, нашлись те, кто утверждал, что он принес несчастье и залил землю кровью³².

Важно помнить, что большая часть доступной нам информации о кампаниях Александра, его успехах и политике исходит от историков более позднего периода. Их суждения зачастую идеализированы, так как их восхищали подвиги молодого генерала³³. В связи с этим следует быть осторожнее с источниками, в которых описывается крах Персии. Скорость, с которой Александр расширял границы своих владений, говорит сама за себя. Он основал множество городов, часто называя их в честь самого себя, например Герат (Александрия в Арии), Кандагар (Александрия в Арахозии) и Баграм (Александрия на Кавказе). Появились новые перевалочные пункты и укрепления к северу до самой Ферганской долины – они образовали так называемую ось Азии.

Новые города с мощными оборонительными системами и укреплениями были построены для защиты от угрозы со стороны степных племен, которые нападали на сельские поселения. Александр разработал план фортификации для защиты земель, которые были недавно завоеваны. Примерно в это же время подобные проблемы возникали и в регионах, расположенных восточнее. Китайцы уже разработали концепцию общности «хуася», в которой цивилизованный мир противопоставлялся варварам из степи. Интенсивная программа постройки сети фортификаций, которая позже стала известна как Великая китайская стена, была разработана по тому же принципу, что и у Александра. Расширение без защиты бесполезно³⁴.

В четвертом веке до нашей эры Александр продолжил свою кампанию, через Гиндукуш продвигаясь к Инду. Там он также повелел построить укрепления и форты. Однако здесь он столкнулся с проблемой жалоб своей уставшей и соскучившейся по дому армии. С военной точки зрения, достижения Александра к моменту его смерти в тридцать два года в Вавилоне в 323 году до нашей эры, обстоятельства которой так и остались тайной, не представляли из себя ничего сенсационного³⁵. И все же скорость и размах его завоеваний были ошеломляющими. Не менее впечатляющим, хотя это часто игнорируется, является оставленное им наследие, а также влияние греческой культуры на персидскую, индийскую и даже китайскую.

Несмотря на то что внезапная смерть Александра повлекла за собой раздоры среди его старших генералов, вскоре на Востоке появился новый лидер. Офицер по имени Селевк, рожденный в северной Македонии, который принимал участие почти во всех крупных походах. Через несколько лет после смерти своего патрона он стал правителем земель, которые простирались от Тигра до Инда. Эти территории были такими большими, что напоминали не столько королевство, сколько империю. Селевк основал династию Селевкидов, которая правила около трех столетий³⁶.

³² A. Shahbazi, 'Iranians and Alexander', *American Journal of Ancient History* 2.1 (2003), pp. 5–38. Также см. M. Olbryct, *Aleksander Wielki i świat iranski* (Gdansk, 2004); M. Brosius, 'Alexander and the Persians', in J. Roitman (ed.), *Alexander the Great* (Leiden, 2003), pp. 169–193.

³³ См., главным образом, P. Briant, *Darius dans l'ombre d'Alexandre* (Paris, 2003).

³⁴ О концепции «хуася» см. C. Holcombe, *A History of East Asia: From the Origins of Civilization to the Twenty-First Century* (Cambridge, 2010); информацию о стене см. здесь: Waldron, 'The Problem of the Great Wall of China', *Harvard Journal of Asiatic Studies* 43.2 (1983), pp. 643–663, и, главным образом, di Cosmo, *Ancient China and its Enemies*.

³⁵ См. J. Romm, *Ghost on the Throne: The Death of Alexander the Great and the War for Crown and Empire* (New York, 2011). Существуют различные точки зрения, говорят, что Александр умер от тифа, малярии, алкогольного отравления (или болезни, похожей на это), инфекции, раны и даже что он был убит. См. A. Bosworth, 'Alexander's Death: The Poisoning Rumors', in J. Romm (ed.), *The Landmark Arrian: The Campaigns of Alexander* (New York, 2010), pp. 407–411.

³⁶ См. R. Waterfield, *Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire* (Oxford, 2011).

Походы Александра очень часто характеризуют как серию быстрых побед, а его наследие – как нечто эфемерное и временное. Но это были не временные достижения, это стало началом новой главы для местности между Средиземным морем и Гималаями.

В последующие десятилетия после смерти Александра можно было наблюдать несомненную эллинизацию. Идеи, концепции и символы древней Греции проникли на Восток. Потомки генералов Александра помнили о своих греческих корнях и всячески подчеркивали их. Примером могут служить монеты, отчеканенные в городах, расположенных в стратегически важных точках торговых путей и сельскохозяйственных центрах. Эти монеты оформлялись по единому образцу.

На них изображался текущий правитель местности, как правило, с венком или диадемой на голове. Правители на монетах всегда смотрели вправо, по примеру Александра. На обратной стороне изображался Аполлон, о чем свидетельствовала надпись на греческом языке³⁷.

Греческий язык можно было услышать по всей Центральной Азии и в долине Инда. В Ай-Хануме, городе на севере Афганистана, который был основан Селевком, на одном из монументов были выгравированы дельфийские максимы. Они гласили:

Ребенком будь послушен.
Юношей будь сдержан.
Взрослым будь справедлив.
В старости будь мудр.
Настанет время умирать, умирай без боли³⁸.

Чиновники пользовались греческим языком в работе еще более столетия после смерти Александра. Так, например, на греческом языке выписывали налоги и зарплату солдатам. По крайней мере так было в Бактрии около 200 года до нашей эры³⁹. Греческий язык проник глубоко в Индийский субконтинент. Некоторые эдикты правителя империи Маурьев Ашоки, величайшего властителя раннеиндийского периода, были написаны с параллельным переводом на греческий язык, по всей видимости, в интересах местного населения⁴⁰.

Резонанс, который вызвал культурный обмен между Европой и Азией, оказался просто потрясающим. Статуи Будды стали появляться только после того, как в долине Гандхары и Восточной Индии установился культ Аполлона. Буддисты почувствовали угрозу со стороны новой успешной религии и стали создавать свои собственные визуальные образы. Взаимосвязь прослеживается не только по времени появления ранних статуй Будды, но и в их внешнем виде и дизайне. Можно предположить, что прототипом для них стали изображения Аполлона. Таково было влияние греческой культуры. Ранее буддисты воздерживались от визуальных средств отображения, теперь же конкуренция заставила их быстро реагировать, перенимать чужой опыт и изобретать что-то новое⁴¹.

³⁷ K. Sheedy, 'Magically Back to Life: Some Thoughts on Ancient Coins and the Study of Hellenistic Royal Portraits', in K. Sheedy (ed.), *Alexander and the Hellenistic Kingdoms: Coins, Image and the Creation of Identity* (Sydney, 2007), pp. 11–16; K. Erickson and N. Wright, 'The "Royal Archer" and Apollo in the East: Greco-Persian Iconography in the Seleukid Empire', in N. Holmes (ed.), *Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress* (Glasgow, 2011), pp. 163–168.

³⁸ L. Robert, 'De Delphes à l'Oxus: inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane', *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions* (1968), pp. 416–457. Перевод можно найти здесь: F. Holt, *Thundering Zeus: The Making of Hellenistic Bactria* (London, 1999), p. 175.

³⁹ J. Jakobsson, 'Who Founded the Indo-Greek Era of 186/5 BCE?', *Classical Quarterly* 59.2 (2009), pp. 505–510.

⁴⁰ D. Sick, 'When Socrates Met the Buddha: Greek and Indian Dialectic in Hellenistic Bactria and India', *Journal of the Royal Asiatic Society* 17.3 (2007), pp. 253–254.

⁴¹ J. Derrett, 'Early Buddhist Use of Two Western Themes', *Journal of the Royal Asiatic Society* 12.3 (2002), pp. 343–355.

Каменные алтари, украшенные греческими письменами, изображения Аполлона и изысканные миниатюры из слоновой кости, изображающие Александра, найденные на юге Таджикистана в наше время, показывают, насколько сильным оказалось влияние западной культуры⁴². Понятие о культурном превосходстве пришло оттуда же. Греков уважали в Индии, в частности за их познания в науках: «Они варвары, – гласит книга, известная как «Шри Гарга-самхита», – но наука астрономия пошла от них, и только за это их можно почитать как богов»⁴³.

Согласно Плутарху, Александр убедился, что греческая теология распространилась до самой Индии. В результате Олимпийские боги почитались по всей Азии. Молодежь в Персии и за ее пределами воспитывалась на трудах Гомера и трагедиях Софокла и Еврипида. В долине Инда изучали греческий язык⁴⁴. Может быть, поэтому заимствования наблюдаются и в литературе. Было высказано предположение, что основой для создания «Рамаяны», санскритского эпоса, выступали «Илиада» и «Одиссея», а тема похищения Ситы Раваной содержит прямую отсылку к бегству Елены с Парисом из Трои. Влияние культур могло наблюдаться и в обратном направлении. Некоторые ученые считают, что «Энеида», в свою очередь, была навеяна индусскими текстами, в частности «Махабхаратой»⁴⁵. Идеи, темы и истории путешествовали по дорогам, распространялись путешественниками, купцами и паломниками. Завоевания Александра положили начало расширению сознания населения тех стран, которые он покорял, а также тех, с которыми происходил обмен идеями и новыми концепциями.

Даже народы диких степей подверглись этому влиянию. Об этом свидетельствуют найденные захоронения высокопоставленных лиц в Тилля-тепе на севере Афганистана. В их украшениях прослеживается греческий след. Аналогичные захоронения были найдены в Сибири, Индии и других местах. Предметы роскоши кочевники обменивали на домашний скот и лошадей, а иногда получали в качестве дани, в обмен на мирное существование⁴⁶.

Процесс мирового взаимовлияния ускорился благодаря растущим амбициям Китая. Новые волны экспансии во время правления династии Хань (206 год до нашей эры – 220 год нашей эры) раздвинули границы до самой провинции Сиюй, название которой в переводе обозначает «Западный регион». Сегодня мы знаем ее под названием Синьцзян – «Новая пограничная земля». Данная область располагалась за пределами Ганьсуйского коридора – пути примерно в 600 миль, соединяющего внутреннюю часть Китая с городом-оазисом Дуньхуан, перекресток на краю пустыни Такла-Макан. В этой точке можно было выбрать, по какому пути двигаться – северному или южному, причем оба они могли быть опасны. Эти пути сходились в Кашгаре, который являлся узловым пунктом Гималайских гор, гор Памира, гряды Тянь-Шань и Гиндукуша⁴⁷.

Политика экспансии Китая позволила объединить Азию. До этого связи были блокированы юэцжи и прежде всего хунну, кочевыми племенами, которые, подобно, скифам являлись большой проблемой в Центральной Азии, но в то же время были важными партнерами и поставщиками домашнего скота. Китайские авторы во втором веке до нашей эры отмечали,

⁴² B. Litvinsky, 'Ancient Tajikistan: Studies in History, Archaeology and Culture (1980–1991)', *Ancient Civilisations* 1.3 (1994), p. 295.

⁴³ S. Nath Sen, *Ancient Indian History and Civilisation* (Delhi, 1988), p. 184. также см. R. Jairazbhoy, *Foreign Influence in Ancient India* (New York, 1963), pp. 48–109.

⁴⁴ Plutarch, *Peri tes Alexandrou tukhes he arête*, 5.4 in Plutarch: *Moralia*, ed. and tr. F. Babitt et al., 15 vols (Cambridge, MA, 1927–1976), 4, pp. 392–396; J. Derrett, 'Homer in India: The Birth of the Buddha', *Journal of the Royal Asiatic Society* 2.1 (1992), pp. 47–57.

⁴⁵ J. Frazer, *The Fasti of Ovid* (London, 1929); J. Lallemand, 'Une Source de l'Énéide: le Mahabharata', *Latomus* 18 (1959), pp. 262–287; Jairazbhoy, *Foreign Influence*, p. 99.

⁴⁶ C. Baumer, *The History of Central Asia: The Age of the Steppe Warriors* (London, 2012), pp. 290–295.

⁴⁷ V. Hansen, *The Silk Road* (Oxford, 2012), pp. 9–10.

что у людей из степи покупалось до десяти тысяч голов скота⁴⁸. Огромный спрос на лошадей со стороны китайцев подогревался острой необходимостью поддерживать эффективную армию, способную сохранять порядок на территории Китая и отражать атаки хунну или других кочевых племен. Лошади из западной части Синьцзяна ценились достаточно высоко и могли принести вождям племен целое состояние. Однажды вождь юэцжи сторговал лошадей за очень крупную партию товаров, которые впоследствии перепродал, увеличив свое состояние в десять раз⁴⁹.

Самых знаменитых скаковых лошадей разводили в Ферганской долине, на противоположной стороне живописного Памира, который располагается на территории восточной части Таджикистана и северо-восточной части Афганистана. Их очень ценили за их силу. Китайские авторы называли их «рожденными драконами» и «хансюэ ма» («лошади, потеющие кровью») из-за свойственного для них красноватого пота, причиной появления которого могли быть местные паразиты или то, что у этих лошадей необычайно тонкая кожа и кровеносные сосуды лопались при большой физической нагрузке. Некоторые особенно хорошие особи стали настоящими звездами. Их воспевали в поэмах, изображали в скульптурах и на картинах. Их же называли *tianta* – небесными, божественными лошадьми⁵⁰. Некоторые из них даже отправлялись «к лучшей жизни» вслед за своими хозяевами. Один из императоров был захоронен вместе с восемьюдесятью самыми любимыми скакунами – место их погребения охранялось статуями двух жеребцов и одним терракотовым воином⁵¹.

Взаимоотношения с хунну, которые господствовали в степях Монголии и на лугах на севере Китая, не всегда были простыми. Современные историки описывали это племя как варварское, склонное к употреблению сырого мяса и крови. По словам одного из писателей, это люди, которых «отринули небеса»⁵². Китайцы доказали, что они предпочтут заплатить дань, чем подвергнуть свои города угрозе нападения. Посланники регулярно отправлялись к кочевникам (которые с детства обучались охоте на крыс и птиц, а затем на лис и зайцев), и император вежливо осведомлялся о здоровье верховного лидера⁵³. Была разработана целая система дани, и кочевники получали предметы роскоши, такие как рис, вино и ткани, в обмен на мир. Самым ценным подношением был шелк – ткань, которая высоко ценилась кочевниками за текстуру, легкость. Они использовали его для изготовления одежды и постельного белья. Кроме того, это был символ политической и социальной власти: многослойные одежды из драгоценного шелка – важный признак статуса шаньюя (верховного лидера племени)⁵⁴.

Уплаченные в качестве дани суммы были существенными. В 1 году до нашей эры хунну получили 30 000 рулонов шелка, такой же объем сырья, а также 370 предметов одежды⁵⁵. Некоторые чиновники полагали, что любовь племени к роскоши не доведет до добра. «Вы одержимы вещами из Китая», – смело заявил один из посланников лидеру племени. Он отме-

⁴⁸ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 123, 2, p. 238.

⁴⁹ Там же, 129, 2, p. 440.

⁵⁰ H. Creel, 'The Role of the Horse in Chinese History', *American Historical Review* 70 (1965), pp. 647–672. В пещерах Дуньхуан на стенах можно найти много изображений небесных лошадей, см. T. Chang, *Dunhuang Art through the Eyes of Duan Wenjie* (New Delhi, 1994), pp. 27–28.

⁵¹ Recent excavations of the Emperor Wu's mausoleum in Xi'an in 2011, *Xinhua*, 21 February 2011.

⁵² Huan Kuan, Yan Tie Lun, цитируется по Y. Yu, *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations* (Berkeley, 1967), p. 40.

⁵³ Например, Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 110, 2, pp. 145–146. Некоторые комментарии относительно образования, обычаев и моды хунну см. на стр. 129–130.

⁵⁴ См. Yu, *Trade and Expansion in Han China*, pp. 48–54.

⁵⁵ Там же, p. 47, n. 33; также см. R. McLaughlin, *Rome and the Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China* (London, 2010), pp. 83–85.

тил, что обычаи хунну постепенно меняются и Китай «в конце концов, покорит всю нацию хунну»⁵⁶.

Но он всего лишь выдавал желаемое за действительное. На самом деле такая стратегия, которая помогала поддерживать мир и добрососедские отношения, приводила к потерям, как финансовым, так и политическим. На выплату дани необходимо было много денег, кроме того, она свидетельствовала о политической слабости Китая. Со временем династия Хань пришла к выводу, что с хунну нужно бороться и решить этот вопрос раз и навсегда. Согласованные усилия позволили освободить богатые сельскохозяйственные земли региона Сиюй, кочевники были отброшены, и китайцы взяли под контроль коридор Ганьсу в результате кампании, длившейся десять лет и закончившейся в 119 году до нашей эры. К западу находятся горы Памира, а за ними – новый мир. Китай открыл дверь, ведущую к трансконтинентальным связям. Именно тогда и появился Шелковый путь.

В ходе экспансии Китай стал проявлять живой интерес к землям, лежащим за его пределами. Чиновников обязывали исследовать регионы за горами и писать отчеты. Один из таких отчетов – «Ши цзи» («Исторические записки») – принадлежит перу историографа империи Хань Сымы Цяня. Он продолжил работу даже после того, как был опозорен и кастрирован за то, что осмелился встать на защиту импульсивного молодого генерала, который привел свое войско к поражению⁵⁷. Он аккуратно записал все, что узнал об истории, экономике и военной силе народов долины Инда, Персии и Центральной Азии. Он отмечал, что королевства Центральной Азии были слабы, так как кочевники, отброшенные китайскими войсками, устремились в другие места. Цянь писал, что жители этих королевств не столь успешны в воинском искусстве, но мудры в торговле. Рынки в Бактрии процветают, и там можно купить и продать все, что угодно⁵⁸.

Торговля между Китаем и остальным миром развивалась достаточно медленно. Переговоры, для которых использовались торговые пути вдоль края пустыни Гоби, были непростыми, особенно переговоры касавшиеся Нефритовых ворот, через которые торговые караваны проходили на запад. Переход от одного оазиса к другому через коварные земли был труден, вне зависимости от того, пролегал путь через пустыню Такла-Макан, горы Тянь-Шань или Памир. Экстремальные температуры также должны были стать предметом обсуждения, и одной из причин стала высокая ценность бактрийских верблюдов. Они с трудом справлялись с тяжелыми условиями пустыни, но могли предугадывать появление смертоносных песчаных бурь задолго до их начала. Один из писателей отмечал: «Внезапно они сбились в кучу и сердито зарычали». Для торговцев такое поведение было точным признаком того, что нужно прикрыть носы и рты, обернув голову войлоком. Верблюды, конечно, были не самым надежным инструментом, источники говорят о том, что по пути встречается множество мертвых животных и скелетов⁵⁹. В таких тяжелых обстоятельствах награда должна была быть высока, так как риски были немаленькими. При этом бамбук и ткань из Сычуаня можно было найти за тысячи миль на рынках Бактрии. Это был редкий и ценный товар, так как везли его издавна⁶⁰.

Ключевое место занимала торговля шелком. Кроме его несомненной ценности для кочевых племен, шелк выполнял еще несколько важных функций. Во время правления династии Хань шелк использовали наряду с монетами для выплат армии. В некоторой степени это была самая надежная валюта: производство монет в необходимых количествах было свя-

⁵⁶ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 110, 2, p. 143.

⁵⁷ S. Durrant, *The Cloudy Mirror: Tension and Conflict in the Writings of Sima Qian* (Albany, NY, 1995), pp. 8–10.

⁵⁸ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 123, 2, p. 235.

⁵⁹ E. Schafer, *The Golden Peaches of Samarkand: A Study of Tang Exotics* (Berkeley, 1963), pp. 13–14.

⁶⁰ Hansen, *Silk Road*, p. 14.

зано с определенными трудностями, кроме того, еще не во всех провинциях Китая были введены денежные отношения. Это представляло проблему, когда дело доходило до оплаты труда военных, так как военные действия по большей части осуществлялись в отдаленных регионах, где монеты были просто бессмысленны. Зерно же через какое-то время портилось. В результате рулоны шелка-сырца часто использовались как валюта для оплаты товаров и услуг или для взыскания штрафов, как, например, в одном из буддистских монастырей⁶¹. Шелк стал такой же международной валютой, как и предметы роскоши.

Китайцы регулировали торговлю путем создания специального органа для контроля пришедших извне торговцев. Примечательная коллекция из 35 000 текстов, найденная в гарнизонном городе Сюантюане, недалеко от Дуньхуаня, позволяет восстановить картины повседневной жизни города в перешейке коридора Ганьсу.

Из этих текстов, написанных на бамбуковых и деревянных табличках, мы узнаем, что приезжающие в Китай должны были придерживаться определенных маршрутов. Им выдавали специальные пропускные документы, которые регулярно проверяли чиновники, чтобы убедиться, что все приезжие вернулись домой. Так же, как и в современных отелях, в то время велись записи о каждом госте, включая его имя и звание, а также данные о том, сколько он потратил на еду, откуда приехал и куда следует⁶².

Эти меры не имели своей целью слежку, они использовались для того, чтобы точно знать, кто и зачем приезжает в Китай или выезжает из него, а также для того, чтобы зафиксировать, какие товары были куплены и проданы. Усложнение методов и их скорое воплощение показывают, как имперский двор в столице Чанане (современный Сиань) и, начиная с I века нашей эры, в Лояне видел мир вокруг, который, казалось, сужался прямо на глазах⁶³. Мы полагаем, что глобализация – уникальный современный феномен, но он наблюдался уже 2000 лет назад, предоставляя новые возможности, создавая проблемы и подталкивая технологический прогресс.

Развитие стимулировало спрос на предметы роскоши и увеличивало возможность платить за них. В Персии около 247 года до нашей эры потомков Селевка сверг Арсак, человек с темным прошлым. Его потомки, известные как Арсакиды, консолидировали власть и затем стали расширять ее, умело экспроприируя историю, чтобы смешать идеи персов и греков и создать нечто новое. Результатом стало время стабильности и процветания⁶⁴.

Самым большим стимулом стало то, что происходило в Средиземноморье. Небольшой город в бесперспективном месте на полпути к западному побережью Италии постепенно смог превратиться из захолустья в настоящую силу. Захватывая один прибрежный город за другим, Рим стал доминировать в западной части Средиземноморья. К середине первого века до нашей эры его амбиции невероятно выросли, а внимание сконцентрировалось на Востоке.

Рим превратился в мощное, конкурентоспособное государство, которое прославило военное искусство и провозгласило эру насилия и убийств. Гладиаторские игры стали основой общественных развлечений, а арены для этих боев – местом, где с особой жестокостью празднуют превосходство над чужеземцами и природой.

Триумфальные арки, расположенные повсюду, ежедневно напоминали шумному, суетливому городу о военных достижениях. Милитаризм, бесстрашие и любовь к славе тщательно культивировались как основа амбициозного города, влияние которого будет вечным⁶⁵.

⁶¹ T. Burrow, A Translation of Kharoshthi Documents from Chinese Turkestan (London, 1940), p. 95.

⁶² Hansen, Silk Road, p. 17.

⁶³ R. de Crespigny, Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD) (Leiden, 2007).

⁶⁴ M. R. Shayegan, Arsacids and Sasanians: Political Ideology in Post-Hellenistic and Late Antique Persia (Cambridge, 2011).

⁶⁵ N. Rosenstein, Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic (Berkeley,

Основой римской власти была армия, тщательно подобранная и отвечающая стандартам времени. Солдаты должны были проходить больше двадцати миль за пять часов. При этом их доспехи весили не менее пятидесяти фунтов. Браки для солдат не только не поощрялись, они были запрещены, чтобы связи в армии были крепче. Хорошо обученные, подготовленные молодые люди, уверенные в себе и в своем назначении, были краеугольным камнем, на котором строился Рим⁶⁶.

Завоевание Галлии (территория современной Франции, стран Бенилюкса и части Западной Германии) в 52 году до нашей эры принесло много трофеев, что привело к корректировке курса золота в Римской империи⁶⁷. В Европе было еще много стран, которые можно было захватить, но только некоторые из них были перспективными. Великими империи делало наличие городов, приносящих большие доходы за счет налогов. Они являлись культурными центрами, здесь ремесленники и мастера воплощали в жизнь новаторские идеи, а их могущественные покровители старались перещеголять друг друга и, конечно же, щедро награждали мастеров. Было маловероятно, что такие места, как, например, Британия, станут выгодным дополнением к Римским территориям. Согласно письмам солдат, расквартированных в Британии, эта провинция была исключительно мрачным и бесплодным местом⁶⁸.

Становление Рима как империи имело мало общего с Европой или установлением власти на континенте, где ситуация с ресурсами была не столь хороша, в том числе в городах, привлекающих потребителей и налогоплательщиков. В новую эру Рим вывела переориентация на Восточное Средиземноморье и находящиеся за ним земли. Слава Рима начала формироваться в первую очередь после завоевания Египта и устремления на восток – в Азию.

Египет, которым более трехсот лет правили потомки Птолемея, один из главных форпостов Александра Великого, славился своим богатством, которые дарил ему Нил. Благодаря его широкому разливам египтяне получали щедрый урожай зерна. Это было достаточно для того, чтобы обеспечить местное население, а излишков хватало на то, чтобы Александрия, находящаяся в устье реки, превратилась в самый большой город в мире. Согласно одному из современных авторов, к I веку до нашей эры население этого города составляло около 300 000 человек⁶⁹.

Поставки зерна тщательно контролировались. Капитаны должны были давать королевскую клятву каждый раз, когда собирались загрузить свои баржи. После этого королевский представитель выдавал им необходимые бумаги. Только получив их, зерно можно было грузить⁷⁰.

Рим уже давно бросал жадные взгляды в сторону Египта и воспользовался шансом, когда королева Клеопатра была занята борьбой за власть после убийства Юлия Цезаря. После того как она присоединилась к Марку Антонию в битве при Акциуме в 30 году до нашей эры, перед правителем Египта встала армия Рима во главе с Октавианом, масте-

1990); а также S. Phang, *Roman Military Service: Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate* (Cambridge, 2008).

⁶⁶ P. Heather, *The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians* (Oxford, 2006), p. 6. О запрете на вступление в брак см., главным образом, Phang, *Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235): Law and Family in the Imperial Army* (Leiden, 2001).

⁶⁷ C. Howgego, 'The Supply and Use of Money in the Roman World 200 b.c. to a.d. 300', *Journal of Roman Studies* 82 (1992), pp. 4–5.

⁶⁸ A. Bowman, *Life and Letters from the Roman Frontier: Vindolanda and its People* (London, 1994).

⁶⁹ Diodorus Siculus, *Bibliothèque Historique*, 17.52, in *The Library of History of Diodorus of Sicily*, ed. and tr. C. Oldfather, 12 vols (Cambridge, MA, 1933–1967), 7, p. 268. Современные ученые предполагают, что численность населения Александрии составляла до полумиллиона человек, например, R. Bagnall and B. Frier, *The Demography of Roman Egypt* (Cambridge, 1994), pp. 54, 104.

⁷⁰ D. Thompson, 'Nile Grain Transport under the Ptolemies', in P. Garnsey, Hopkins and C. Whittaker (eds), *Trade in the Ancient Economy* (Berkeley, 1983), pp. 70–71.

ром политической интриги. Он неотвратимо надвигался на Александрию. После проведения ряда оборонительных мероприятий, которые сочетали в себе небрежность с поразительной некомпетентностью, Клеопатра покончила жизнь самоубийством, причиной смерти стал укус змеи или же сильнодействующий яд. Египет пал, как переспелый фрукт⁷¹. Октавиан уехал из Рима генералом, а вернулся верховным правителем, которому вскоре благодарный Сенат даровал новый титул – Август. Рим стал империей.

Захват Египта полностью изменил судьбу Рима. Теперь, когда Рим контролировал огромные угодья в долине Нила, цены на зерно сильно упали, что позволило существенно повысить покупательную способность. Процентные ставки резко снизились, упав с 12 до 4 %. Это, в свою очередь, породило бум, который возникает из-за обилия дешевого капитала, – всплеск цен на недвижимость⁷². Располагаемый доход поднялся настолько, что Август смог поднять имущественный ценз для членов Сената на 40 %⁷³. Как любил хвалиться сам Август, он вошел в Рим, построенный из кирпича, а оставил его в мраморе⁷⁴.

Такое увеличение капиталов стало результатом беспощадной политики Рима в отношении экспроприации налоговых поступлений Египта, а также его обширных ресурсов. Команды сборщиков налогов прочесывали Египет, чтобы установить новый подушный налог, который должны были уплачивать все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Исключение составляли только отдельные категории граждан, например священники, которые могли избежать уплаты налогов, но только в том случае, если их имена были занесены в храмовые реестры⁷⁵. Установилась система, которую один из ученых назвал «античным апартейдом», целью которого был максимальный отток денег в Рим⁷⁶.

Процесс присвоения доходов наблюдался во всех местах, куда дотягивались хищные щупальца Рима во время экономической и военной экспансии. Вскоре после присоединения Египта оценщики отправились в Иудею, чтобы еще раз провести перепись населения и удостовериться в том, что налоги посчитаны правильно. В Египте использовалась такая же модель, которая подразумевала запись данных обо всех рожденных, умерших, а также указание имен всех взрослых мужчин. В этой связи приход в мир Иисуса Христа мог быть зафиксирован чиновником, которого интересовала отнюдь не личность ребенка и его родителей, а появление дополнительной рабочей силы и источника налогов для империи⁷⁷.

Римляне обратили все свое внимание на Восток. Азия уже приобрела репутацию места, где царит ленивая и роскошная жизнь. «Азия чрезвычайно богата, – писал Цицерон, – урожаям здесь велики, количество товаров, которое они производят, просто немыслимо, стада обширны». Экспорт из Азии был просто колоссальным⁷⁸. Богатство Азии было столь велико,

⁷¹ Strabo, *Geographika*, 17.1, in *The Geography of Strabo*, ed. and tr. H. Jones, 8 vols (Cambridge, MA, 1917–1932), 8, p. 42.

⁷² Cassius Dio, *Historia Romana*, 51.21, in *Dio's Roman History*, ed. and tr. Cary, 9 vols (Cambridge, MA, 1914–1927), 6, p. 60; Suetonius, *De Vita Caesarum. Divus Augustus*, 41, in *Suetonius: Lives of the Caesars*, ed. and tr. Rolfe, 2 vols (Cambridge, MA, 1997–1998), 41, 1, p. 212; R. Duncan-Jones, *Money and Government in the Roman Empire* (Cambridge, 1994), p. 21; M. Fitzpatrick, 'Provincializing Rome: The Indian Ocean Trade Network and Roman Imperialism', *Journal of World History* 22.1 (2011), p. 34.

⁷³ Suetonius, *Divus Augustus*, 41, 1, pp. 212–214.

⁷⁴ Там же, 28, 1, p. 192; Утверждение Августа подтверждается археологическими данными, см. Zanker, *The Power of Images in the Age of Augustus* (Ann Arbor, 1989).

⁷⁵ Информация о налогах на караванные маршрутах: J. Thorley, 'The Development of Trade between the Roman Empire and the East under Augustus', *Greece and Rome* 16.2 (1969), p. 211. Jones, *History of Rome*, pp. 256–257, 259–260; R. Ritner, 'Egypt under Roman Rule: The Legacy of Ancient Egypt', in *Cambridge History of Egypt*, 1, p. 10; N. Lewis, *Life in Egypt under Roman Rule* (Oxford, 1983), p. 180.

⁷⁶ См. Lewis, *Life in Egypt*, pp. 33–34; Ritner, 'Egypt under Roman Rule', in *Cambridge History of Egypt*, 1, pp. 7–8; A. Bowman, *Egypt after the Pharaohs 332 BC – AD 642: From Alexander to the Arab Conquest* (Berkeley, 1986), pp. 92–93.

⁷⁷ О регистрации рождений и смертей в римском Египте см. R. Ritner, 'Poll Tax on the Dead', *Enchoria* 15 (1988), pp. 205–207. О переписи, включая даты караванных маршрутов, см. J. Rist, 'Luke 2:2: Making Sense of the Date of Jesus' Birth', *Journal of Theological Studies* 56.2 (2005), pp. 489–491.

⁷⁸ Cicero, *Pro lege Manilia*, 6, in *Cicero: The Speeches*, ed. and tr. H. Grose Hodge (Cambridge, MA, 1927), p. 26.

что римляне полагали, что азиаты могут посвятить всю свою жизнь удовольствиям. «Удивительно, но именно на Востоке римские солдаты достигли зрелости», — пишет историк Саллюстий. Именно там римские солдаты научились заниматься любовью, напиваться допьяна, наслаждаться статуями и картинами. Едва ли это было хорошо, по крайней мере так считал Саллюстий. Азия так и «звала предаться сладострастным удовольствиям», но «они смягчили воинственные души солдат»⁷⁹. Таким образом, Восток был антиподом всему, что лежало в основе Римской империи.

Сам Август попытался понять, что за земли находятся за новыми границами на востоке. Разведка была отправлена в Аксумское царство, которое находилось на территории современной Эфиопии, и Сабейское царство. В то же время изучался залив Акаба, так как римское господство в Египте только укреплялось⁸⁰. Затем, в первом веке до нашей эры, Август повелел тщательно исследовать весь Персидский залив, доложить, как обстоят дела с торговлей в регионе, и зафиксировать, как морские пути связаны с Красным морем. Он также курировал исследование наземных путей в глубь Центральной Азии через Персию. Текст, известный как «Парфянские стоянки», был написан примерно в это время. В нем указаны точные расстояния между ключевыми точками на Востоке, а также описаны все важные места между Евфратом и Александруполисом, современным Кандагаром в Афганистане⁸¹.

Горизонты торговли значительно расширились. Согласно историку Страбону, за несколько лет оккупации Египта 120 римских кораблей ежегодно отправлялись в Индию из порта Миос-Гормос в Красном море.

Торговый обмен с Индией не был таким большим, как это представлялось, — это ясно из множества археологических записей, найденных на субконтиненте. Римские амфоры, лампы, зеркала и статуи богов находили во многих городах, включая Паттанэм, Колхапур и Коимбатур⁸². Также на западном побережье Индии и Лаккадивских островов было найдено множество монет периода правления Августа и его преемников. Некоторые историки считают, что местные правители пользовались римскими золотыми и серебряными монетами в качестве местной валюты или же переплавляли их для повторного использования⁸³.

В тамильской литературе того периода содержится история о прибытии римских торговцев. В одном из стихов говорится о «прохладном, ароматном вине», которое привозят римляне на «прекрасных кораблях», в то время как в другом, более восторженном, упоминается о «прекрасных, больших кораблях», которые «приходят, привозят золото, взбивая воды реки Перияр в белую пену, а затем возвращаются, нагруженные перцем. Здесь музыка бушующего моря не стихает никогда, а великие короли презентуют гостям редкие дары моря и гор»⁸⁴. Другой источник дает нам представление о европейских торговцах, обосновавшихся в Индии: «Солнце освещает открытые террасы, склады возле гавани и башенки с окнами, похожими на глаза оленя. В разных местах... внимание смотрящего приковывают жилища

⁷⁹ Sallust, *Bellum Catilinae*, 11.5–6, in Sallust, ed. and tr. J. Rolfe (Cambridge, MA, 1931), p. 20; A. Dalby, *Empire of Pleasures: Luxury and Indulgence in the Roman World* (London, 2000), p. 162.

⁸⁰ F. Hoffman, M. Minas-Nerpel and S. Pfeiffer, Die dreisprachige Stele des C. Cornelius Gallus. Übersetzung und Kommentar (Berlin, 2009), p. 5ff. G. Bowersock, 'A Report on Arabia Provincia', *Journal of Roman Studies* 61 (1971), p. 227.

⁸¹ W. Schoff, *Parthian Stations of Isidore of Charax: An Account of the Overland Trade between the Levant and India in the First Century BC* (Philadelphia, 1914). Текст часто рассматривался как имеющий отношение к торговым маршрутам, но Миллар показывает, что это неверно ('Caravan Cities', p. 119ff). О местоположении Александруполиса см. P. Fraser, *Cities of Alexander the Great* (Oxford, 1996), pp. 132–140.

⁸² Strabo, *Geographica*, 2.5, 1, p. 454; Parker, 'Ex Oriente', pp. 64–66; Fitzpatrick, 'Provincializing Rome', pp. 49–50.

⁸³ Parker, 'Ex Oriente', pp. 64–66; M. Vickers, 'Nabataea, India, Gaul, and Carthage: Reflections on Hellenistic and Roman Gold Vessels and Red-Gloss Pottery', *American Journal of Archaeology* 98 (1994), p. 242; E. Lo Cascio, 'State and Coinage in the Late Republic and Early Empire', *Journal of Roman Studies* 81 (1981), p. 82.

⁸⁴ Цитируется по G. Parker, *The Making of Roman India* (Cambridge, 2008), p. 173.

(людей с Запада), чей блеск никогда не угаснет»⁸⁵. В «Парфянских стоянках» рассказывается о том, какие товары привлекали римлян в Западной Индии, указывается, где торговцы могут найти ценные минералы, такие как олово, медь, свинец и топаз, а также описываются места, где можно приобрести слоновую кость, драгоценные камни и специи⁸⁶.

Торговля с Индией, однако, не ограничивалась товарами, произведенными на субконтиненте. Как показали раскопки в Красном море, а именно в порту Береники в Египте, в Средиземноморье поставлялся целый ряд товаров из Вьетнама и с Явы⁸⁷. Порты как на западном, так и на восточном побережье Индии служили в качестве «торговых центров», откуда товары, стекающиеся со всей Восточной и Юго-Восточной Азии, отправлялись на Запад⁸⁸. Также там встречались товары, произведенные на Красном море, в оживленной торговой зоне, которая связывала Средиземноморье с Индийским океаном⁸⁹.

Теперь богатые граждане Рима могли удовлетворить свои самые экзотические и экстравагантные вкусы. Многие жаловались на то, что расходы на модные излишества граничат с непристойностью⁹⁰. Это прекрасно показано в «Сатириконе» Петрония, где одна из лучших сцен – обед у Трималхиона, бывшего раба, получившего свободу и сколотившего состояние. Сатира заключается в едком изображении вкусов новоявленного богача. Трималхиону требовалось только самое лучшее, что можно купить за деньги: фазан с восточного побережья Черного моря; цесарки из Африки; редкая, дорогая рыба; павлин в перьях и другие деликатесы, представленные в изобилии. Гротескная картина – блюда, подаваемые одно за другим, живые птицы, зашитые внутри целого поросенка и вылетающие в момент, когда свинину разрезают; серебряные зубочистки, которые подавали гостям, – это безжалостная пародия на вульгарность и излишества, присущие жизни римских богачей. Одно из крупных событий, произошедших в античном мире, породило заметные литературные произведения, полные горькой зависти к нуворишам⁹¹.

Новое богатство позволило Риму и его жителям вступить в контакт с новым миром, новыми вкусами. Поэт Марциал точно отразил тенденции интернационализма и расширения кругозора, свойственный этому периоду, в произведении, в котором оплакивается молодая рабыня. Он сравнивает ее с нетронутой лилией, отполированной индийской слоновой костью, жемчужиной Красного моря. Он пишет, что ее волосы прекраснее испанской шерсти и белокурых локонов Рейна⁹². Ранее, когда пары хотели зачать красивых детей, они занимались сексом в окружении эротических изображений, теперь же, как пишет один испуганный еврейский писатель, «они приводят рабов из Израиля и привязывают к изножью кровати» для вдохновения, потому что могут себе это позволить⁹³. Не все были впечатлены новыми вкусами: Тибр переполнен водами Оронта, реки, которая течет через Сирию и юг Турции, – так позже жаловался Ювенал в своей «Сатире». Другими словами, азиатский декаданс уни-

⁸⁵ In H. Kulke and D. Rothermund, *A History of India* (London, 2004), pp. 107–108.

⁸⁶ L. Casson (ed.), *The Periplus Maris Erythraei: Text with Introduction, Translation and Commentary* (Princeton, 1989), 48–49, p. 80; 56, p. 84.

⁸⁷ W. Wendrich, R. Tomber, S. Sidebotham, J. Harrell, R. Cappers and R. Bagnall, 'Berenike Crossroads: The Integration of Information', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 46.1 (2003), pp. 59–62.

⁸⁸ V. Begley, 'Arikamedu Reconsidered', *American Journal of Archaeology* 87.4 (1983), pp. 461–481; Parker, 'Ex Oriente', pp. 47–48.

⁸⁹ См. T. Power, *The Red Sea from Byzantium to the Caliphate, AD 500–1000* (Cairo, 2012).

⁹⁰ Tacitus, *Annales*, ed. H. Heubner (Stuttgart, 1983), 2.33, p. 63.

⁹¹ Petronius, *Satyricon*, ed. K. Müller (Munich, 2003), 30–38, pp. 23–31; 55, p. 49.

⁹² Martial, *Epigrams*, 5.37, in *Martial: Epigrams*, ed. and tr. D. Shackleton Bailey, 3 vols (Cambridge, MA, 1993), 1, p. 388.

⁹³ *Talmud Bavli*, цитируется по Dalby, *Empire of Pleasures*, p. 266.

чтожил традиционную римскую добродетель. «Убирайся, – писал Ювенал, – если ты находишь удовольствие в проститутках в варварских головных уборах»⁹⁴.

Консервативных наблюдателей потрясло только одно новшество – китайский шелк⁹⁵. Увеличившийся объем поставок этой ткани в Средиземноморье обеспокоил традиционалистов. Сенека был напуган популярностью шелка, утверждая, что одежда из этой тонкой, струящейся ткани не может ни скрыть ни изгибы фигуры, ни защитить честь римских женщин.

Основы брака были подорваны, когда мужчины узнали, что могут видеть женское тело через тонкую ткань, которая облегала фигуру и оставляла мало простора для воображения. Для Сенеки шелк был олицетворением экзотики и эротики. Он считал, что женщина не могла абсолютно честно сказать, что она не обнажена, если была одета в шелк⁹⁶. Другие чувствовали примерно то же самое. Были предприняты попытки, в том числе на законодательном уровне, запретить мужчинам носить эту ткань. Некоторые считали, что такая одежда просто неприлична, однако уважаемые граждане Рима согласились, что во время занятий спортом мужчины могут носить шелковые одежды с Востока⁹⁷.

Другие видные деятели были обеспокоены распространением шелка по различным причинам. Плиний старший, который писал свои труды во второй половине I века нашей эры, возмущался высокой стоимостью роскошного материала, тем, сколько тратится на то, «чтобы римские женщины блистали в обществе»⁹⁸. Он жаловался, что завышение цен породило скандал, шелк продавали по цене, выше реальной стоимости в сто раз⁹⁹. Огромные суммы денег ежегодно тратились на предметы роскоши из Азии. 100 миллионов сестерциев в год уходили из Рима за границу¹⁰⁰.

Эта поразительная сумма составляла примерно половину годового объема производства монетного двора империи и более чем 10 % годового бюджета. Удивительно, но не похоже, что эти данные были преувеличены. Недавно был обнаружен папирус, на котором был записан контракт и условия отгрузки товаров из Музириса (Индия) в римский порт на Красном море. Он является свидетельством того, каких объемов достигла торговля ко II веку нашей эры. Контракт устанавливает ряд взаимных обязательств, четко определяющих, когда именно товар должен оказаться в руках владельца или перевозчика, и санкции в случае, если оплата не произведена в конкретный срок¹⁰¹. Международный бизнес требует строгости и опыта.

Римские торговцы расплачивались не только деньгами. Они также предлагали прекрасное стекло, серебряные и золотые изделия, кораллы из Красного моря и топазы, ладан из Аравии в обмен на ткани, специи и краски, например индиго¹⁰². Какую бы форму ни приняла торговля, отток капитала имел далеко идущие последствия. Одно из них – укрепление местных экономик по всему торговому пути. Деревни превратились в города, а города стали

⁹⁴ Juvenal, *Satire 3*, in *Juvenal and Persius*, ed. and tr. S. Braund (Cambridge, MA, 2004), pp. 172–174.

⁹⁵ Casson, *Periplus Maris Erythraei*, 49, p. 80; 56, p. 84; 64, p. 90.

⁹⁶ Seneca, *De Beneficiis*, 7.9, in *Seneca: Moral Essays*, ed. and tr. J. Basore, 3 vols (Cambridge, MA, 1928–1935), 3, p. 478.

⁹⁷ Tacitus, *Annales*, 2.33, p. 63.

⁹⁸ Pliny the Elder, *Naturalis Historia*, 6.20, in *Pliny: The Natural History*, ed. and tr. H. Rackham, 10 vols (Cambridge, MA, 1947–1952), 2, p. 378.

⁹⁹ Там же, 6.26, p. 414.

¹⁰⁰ Там же, 12.49, p. 62.

¹⁰¹ Harrauer and P. Sijpesteijn, 'Ein neues Dokument zu Roms Indienhandel, P. Vindob. G40822', *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, phil. – hist.Kl.* 122 (1985), pp. 124–155; также см. L. Casson, 'New Light on Maritime Loans: P. Vindob. G 40822', *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 84 (1990), pp. 195–206 и F. Millar, 'Looking East from the Classical World', *International History Review* 20.3 (1998), pp. 507–531.

¹⁰² Casson, *Periplus Maris Erythraei*, 39, p. 74.

мегаполисами; бизнес процветал, а коммуникации и деловые связи расширились и стали прочнее. В таких местах, как Пальмира, расположенная на краю Сирийской пустыни, где находился центр торговли, соединяющий Запад и Восток, были воздвигнуты потрясающие памятники.

Не зря Пальмиру называли Венецией песков¹⁰³. Города, находящиеся на оси «юг – север», преобразились. Ярким примером может служить Петра, которая стала одним из чудес античного мира благодаря своему расположению на пути между Аравией и Средиземноморьем. В разных местах проводились ярмарки, которые привлекали торговцев за сотни, если не тысячи миль в удобные торговые точки по пути. Каждый сентябрь такие ярмарки проводились в Батне, близ Евфрата: «Город был заполнен богатыми торговцами, целые толпы собирались на ярмарке, чтобы покупать и продавать товары из Индии и Китая, а также другие товары, которые доставляли по земле и по морю»¹⁰⁴.

Покупательная способность Рима была такова, что она даже влияла на чеканку монет в Восточной Азии. После того как китайцы вытеснили племя юэджи из Таримского бассейна, кочевники сумели захватить власть на востоке Персии, заняв территории, находившиеся под управлением потомков генералов Александра Великого. Со временем образовалась процветающая империя, названная в честь одной из лидирующих группировок племени, – Гуйшан, или Кушан. И вследствие этого потребовалось чеканить огромное количество монет наподобие тех, что чеканили в Риме¹⁰⁵.

Римские монеты попали на территорию Кушанского царства через порты северной Индии, Барбарикум и прежде всего Баригазу. Подход к последнему порту был крайне опасен для тех, кто был незнаком с местными течениями, поэтому приходилось посылать знающих людей, которые сопровождали корабли¹⁰⁶. В этих городах торговцы могли найти перец, другие специи, слоновую кость и ткани, включая готовую шелковую ткань и шелковую пряжу. В Кушанское царство свозились товары со всей Индии, Центральной Азии и Китая, что приносило огромное богатство его правителям, которые контролировали города-оазисы и караванные пути, их соединяющие¹⁰⁷.

Доминантное положение Кушанского царства было обусловлено следующим: несмотря на то что товарооборот между Средиземноморьем и Китаем все возрастал, сам Китай играл в процессе транспортировки через Индийский океан незначительную роль. Когда же великий генерал Бан Чао предпринял ряд экспедиций в конце I века нашей эры, доведя войска до самого Каспийского моря, он принес новости о «высоком и прославленном» народе могущественной империи Запада.

Считалось, что Да Цин, или Великая Цин, как называли Римскую империю, обладает огромными запасами золота, серебра и чистейших драгоценных камней¹⁰⁸.

Отношения Китая и Персии становились все более тесными. Посольства отправлялись несколько раз в год, как отмечает китайский источник, по крайней мере по десять миссий были направлены в Персию, а в более спокойные времена около пяти или шести – на

¹⁰³ J. Teixidor, *Un Port roman du désert: Palmyre et son commerce d'Auguste à Caracalla* (Paris, 1984); E. Will, *Les Palmyréniens, la Venise des sables (Ier siècle avant-IIIème siècle après J. – C.)* (Paris, 1992).

¹⁰⁴ Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum Libri Qui Supersunt*, 14.3, in *Ammianus Marcellinus*, ed. and tr. J. Rolfe, 3 vols (Cambridge, MA, 1935–1940), 1, p. 24.

¹⁰⁵ J. Cribb, 'The Heraeus Coins: Their Attribution to the Kushan King Kujula Kadphises, c. ad 30–80', in M. Price, A. Burnett and R. Bland (eds), *Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins* (London, 1993), pp. 107–134.

¹⁰⁶ Casson, *Periplus Maris Erythraei*, 43, pp. 76–78; 46, pp. 78–80.

¹⁰⁷ Там же, 39, p. 76; 48–49, p. 81. Про кушанов см. V. Masson, B. Puris, C. Bosworth et al. (eds), *History of Civilizations of Central Asia*, 6 vols (Paris, 1992), 2, pp. 247–396.

¹⁰⁸ D. Leslie and K. Gardiner, *The Roman Empire in Chinese Sources* (Rome, 1996), pp. 131–162; также см. R. Kauz and L. Yingsheng, 'Armenia in Chinese Sources', *Iran and the Caucasus* 12 (2008), pp. 157–190.

Запад¹⁰⁹. Дипломатические посланники, как правило, сопровождали большие торговые караваны, которые, в свою очередь, возвращались домой, груженные товарами, которые требовались дома, включая жемчуг из Красного моря, нефрит, лазурит и такие товары, как лук, огурцы, кориандр, гранаты, фисташки и абрикосы¹¹⁰. Очень востребованными были ладан и смирна, которые на самом деле привозили из Йемена и Эфиопии. В Китае их называли Поссу, или персидские товары¹¹¹. Как известно из одного, более позднего источника, персики из Самарканда ценились особенно высоко: «большие, как гусиные яйца», знаменитые своим насыщенным цветом. В Китае они были известны как «золотые персики»¹¹².

Китайцы имели не так много контактов с Римом, а Средиземноморский регион, в свою очередь, имел небольшое представление о мире, располагающемся за Гималаями и Индийским океаном. Единственное римское посольство прибыло к императору Хуань-ди около 166 года нашей эры. Интересы Рима и его знания о Дальнем Востоке были фрагментарными. Внимание Рима было сконцентрировано на Персии¹¹³, которая выступала не просто соперником, но и возможной целью. После того как был установлен контроль над Египтом, такие авторы, как Вергилий и Проперций, с волнением говорили о расширении римского влияния. В поэме, восхваляющей Августа и его достижения, Гораций писал не о римском господстве над Средиземноморьем, но о господстве над всем миром, включая покорение Индии и Китая¹¹⁴. Это предполагало также и поход против Персии, что привело к череде сменяющих друг друга правителей. Были разработаны грандиозные планы, чтобы раздвинуть границы империи до горного перевала, известного как Каспийские ворота, глубоко внутри территории Персии: Риму необходимо было контролировать сердце мира¹¹⁵.

Был предпринят ряд усилий, чтобы мечта стала реальностью. В 113 году император Траян лично повел огромную экспедицию на Восток. Быстро миновав Кавказ, следуя течению Евфрата, он покорил Нусайбин и Батну и ввел в обращение монеты, на которых значилось, что Месопотамия теперь «подчиняется власти народа Рима».

Соппротивление таяло на глазах, и император усилил давление, разделив войска на две части. Великие города империи персов были захвачены достаточно быстро. Аденистра, Вавилон, Селевкия и Ктесифон пали в результате блестящей кампании, длившейся несколько месяцев. Тут же были отчеканены монеты, которые бескомпромиссно заявляли — *Persia capta* («Персия захвачена»)¹¹⁶. Затем Траян прошел до Хараксы (современный город Басра) в устье Персидского залива. Он прибыл как раз тогда, когда одно торговое судно отправлялось в Индию. Он смотрел на судно с печалью. Если бы он был молод, как Александр Великий, непременно пошел бы к Инду¹¹⁷.

¹⁰⁹ Sima Qian, *Records of the Grand Historian of China*, 123, 2, p. 241.

¹¹⁰ См. еще B. Laufer, *Sino-Iranica: Chinese Contributions to the History of Civilisation in Ancient Iran* (Chicago, 1919) и R. Ghirshman, *Iran: From the Earliest Times to the Islamic Conquest* (Harmondsworth, 1954).

¹¹¹ Power, *Red Sea*, p. 58.

¹¹² Schafer, *Golden Peaches of Samarkand*, p. 1.

¹¹³ То, что посольство принесло панцирь черепахи, рог носорога и слоновую кость, говорит о том, что посол был хорошо проинформирован о вкусах китайцев F. Hirth, *China and the Roman Orient* (Leipzig, 1885), p. 42, 94; R. McLaughlin, *Rome and the Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China* (London, 2010).

¹¹⁴ Fitzpatrick, 'Provincializing Rome', 36; Horace, *Odes*, 1.12, in *Horace: Odes and Epodes*, ed. and tr. N. Rudd (Cambridge, MA, 2004), p. 48.

¹¹⁵ B. Isaac, *The Limits of Empire: The Roman Army in the East* (Oxford, 1990), p. 43; S. Mattern, *Rome and the Enemy: Imperial Strategy in the Principate* (Berkeley, 1999), p. 37.

¹¹⁶ Cassius Dio, 68.29, 8, pp. 414–416; H. Mattingly (ed.), *A Catalogue of the Coins of the Roman Empire in the British Museum*, 6 vols (London, 1940–1962), 3, p. 606. О троянской кампании см. J. Bennett, *Trajan: Optimus Princeps* (London, 1997), pp. 183–204.

¹¹⁷ Jordanes, *Romana*, in *Iordanis Romana et Getica*, pp. 34–35.

С разработки планов по созданию новых провинций в Ассирии и Вавилоне Рим хотел начать новую главу и расширить границы до самой долины Инда и «ворот» к Китаю. Однако успехи Траяна оказались недолговечными. В городах Месопотамии уже набирало обороты яростное сопротивление, император страдал от отека мозга, который в итоге и убил его, а в Иудее начался бунт, который быстро распространился и требовал немедленного внимания. Тем не менее наследники престола все так же обращали свой взор на Персию: именно сюда устремлялись основные военные расходы, здесь, на границе и за ней, были сосредоточены интересы Рима.

В отличие от европейских провинций, римские императоры регулярно навещали Азию, пусть и не всегда удачно. Например, в 260 году нашей эры император Валериан был захвачен в плен как жалкий раб, после чего жестоко унижен. Его использовали как человеческое подножие, для того чтобы персидскому правителю было удобнее сесть верхом на лошадь. С тела императора содрали кожу, покрасили киноварью, затем его поместили в храм варварских богов как напоминание о том, что такое может повториться с любым из послов¹¹⁸. Из тела императора было сделано чучело, чтобы все могли видеть глупость и позор Рима.

Как ни странно, именно амбиции Римской империи помогли оживить саму Персию. Во-первых, Персия получала выгоду от дальних сообщений между Востоком и Западом, что также отразилось на смещении политического и экономического центра Персии с севера. Ранее этот центр находился вблизи степи, где было удобнее вести переговоры с кочевыми племенами о поставках лошадей и домашнего скота и контролировать дипломатические контакты, необходимые для избегания нежелательного внимания со стороны грозных народов степи. Именно поэтому такие города, как Ниса, Абивар и Дара, играли такую важную роль¹¹⁹.

Центральная казна просто ломилась от налогов и транзитных пошлин, так как объемы местной и международной торговли все увеличивались и появлялись крупные инфраструктурные проекты. Одним из таких преобразований стало превращение Ктесифона, который находился на восточном берегу Тигра в Центральной Месопотамии, в процветающий город. Крупные инвестиционные проекты в портах, например в Харакене, в Персидском заливе помогли увеличить объемы морской торговли, причем далеко не все товары предназначались для отправок в Рим. Оживленная торговля гончарными изделиями велась с обеими Индиями и Шри-Ланкой в течение I и II веков¹²⁰.

Но самое существенное влияние военного вмешательства Рима заключалось в том, что оно вызвало политическую революцию. Столкнувшись с давлением со стороны непосредственного соседа, Персия претерпела значительные изменения. Новая правящая династия, Сасаниды, появилась около 220 года нашей эры. Совершенно новое видение ее представителей заключалось в том, что они хотели забрать власть у местных правителей, которые были самостоятельны, но не имели официальной должности, и сконцентрировать всю власть в центре. Серия административных реформ сопровождалась усилением контроля буквально над каждым аспектом жизни государства: отчетность была в наивысшем приоритете, персидские чиновники ставили свои печати на документах, чтобы исполнение можно было

¹¹⁸ Lactantius, *De Mortibus Persecutorum*, ed. and tr. J. Creed (Oxford, 1984), 5, p. 11.

¹¹⁹ A. Invernizzi, 'Arsacid Palaces', in I. Nielsen (ed.), *The Royal Palace Institution in the First Millennium BC* (Athens, 2001), pp. 295–312; 'The Culture of Nisa, between Steppe and Empire', in J. Cribb and G. Herrmann (eds), *After Alexander: Central Asia before Islam: Themes in the History and Archaeology of Western Central Asia* (Oxford, 2007), pp. 163–177. В. Пилипко, *Роснучи старої Низи* (Ташкент, 1992); P. Bernard and F. Grenet (eds), *Histoire des cultes de l'Asie Centrale préislamique* (Paris, 1991).

¹²⁰ О Харакене – L. Gregoratti, 'A Parthian Port on the Persian Gulf: Characene and its Trade', *Anabasis* 2 (2011), pp. 209–229. О керамике см., например, H. Schenk, 'Parthian Glazed Pottery from Sri Lanka and the Indian Ocean Trade', *Zeitschrift für Archäologie Außereuropäischer Kulturen* 2 (2007), pp. 57–90.

отследить на любом уровне. Как далеко зашла эта реорганизация, видно по многим тысячам сохранившихся печатей¹²¹.

Купцы обнаружили, что их всецело контролируют. Производителям и торговцам, зачастую объединенным в гильдии, были отведены места на базаре. Таким образом, инспекторам было гораздо легче проследить за качеством предоставляемой продукции и уплатой всех налогов и пошлин¹²². В центре внимания оказалось благоустройство городов. Были созданы специальные места для заключения сделок, улучшена система водоснабжения – она была расширена, чтобы обеспечить дальнейший рост городов. Было основано огромное количество новых городов. О массовой застройке Центральной Азии, Иранского плато и Ближнего Востока свидетельствуют персидские записи более позднего периода¹²³.

Крупномасштабные ирригационные проекты в Хузестане и Ираке стали частью программы по улучшению сельского хозяйства, которые должно было привести к снижению цен на продукты питания¹²⁴. Археологические находки показывают, что перед отправкой на экспорт товары тщательно проверялись. Также были обнаружены проштампованные контракты. Обычно они хранились в регистрационных офисах¹²⁵. Присоединение городов и территорий, которые около двух веков находились в подчинении Кушанского царства, обратно к Персии способствовало увеличению интенсивности торговли на Востоке¹²⁶.

В то время как Персия начала подниматься, Рим покачнулся. Сасаниды были не единственной проблемой. К 300 году нашей эры под давлением оказались все территории на восточном побережье от Северного до Черного моря и от Кавказа до южной границы Йемена. Империя нацелилась на расширение границ и была защищена хорошо обученной армией. Когда территориальный рост империи замедлился в результате достижения естественных границ – Рейна и Дуная, а также хребта Тавра и Антитавра на востоке Малой Азии, – Рим стал классической жертвой собственного успеха: теперь сама Римская империя была целью тех, кто проживал за ее пределами.

Были предприняты отчаянные шаги для устранения тревожного дисбаланса, обусловленного сокращением налоговых доходов и увеличением расходов на защиту рубежей империи. Все это вело к неминуемому протесту. Один из комментаторов заметил, что император Диоклетиан, который пытался справиться с ситуацией в агрессивной манере, скорее создавал новые проблемы, чем решал старые, и «из-за жадности и страхов переворачивал весь мир с ног на голову»¹²⁷. В рамках подготовки к реконструкции налоговой системы была проведена основательная проверка всех активов. Чиновники были отправлены во все уголки империи. В целях увеличения доходов эксперты посчитали каждую виноградную лозу и каждое фруктовое дерево¹²⁸. Был издан общеимперский эдикт, устанавливающий цены на товары потребления, а также на предметы роскоши, такие как кунжутное семя, тмин, хрен и корица.

¹²¹ F. Rahimi-Laridjani, *Die Entwicklung der Bewässerungslandwirtschaft im Iran bis in Sasanidisch-frühislamische Zeit* (Weisbaden, 1988); R. Gyselen, *La Géographie administrative de l'empire sasanide: les témoignages sigilo-graphiques* (Paris, 1989).

¹²² A. Taffazoli, 'List of Trades and Crafts in the Sassanian Period', *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* 7 (1974), pp. 192–196.

¹²³ T. Daryaee, *Šahrestānīhā-ī Ērānšahr: A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic, and History* (Costa Mesa, CA, 2002).

¹²⁴ M. Morony, 'Land Use and Settlement Patterns in Late Sasanian and Early Islamic Iraq', in A. Cameron, G. King and J. Haldon (eds), *The Byzantine and Early Islamic Near East*, 3 vols (Princeton, 1992–1996), 2, pp. 221–229.

¹²⁵ R. Frye, 'Sasanian Seal Inscriptions', in R. Stiehl and H. Stier (eds), *Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben*, 2 vols (Berlin, 1969–1970), 1, pp. 77–84; Choksy, 'Loan and Sales Contracts in Ancient and Early Medieval Iran', *Indo-Iranian Journal* 31 (1988), p. 120.

¹²⁶ T. Daryaee, 'The Persian Gulf Trade in Late Antiquity', *Journal of World History* 14.1 (2003), pp. 1–16.

¹²⁷ Lactantius, *De Mortibus Persecutorum*, 7, p. 11.

¹²⁸ Там же, 23, p. 36.

Фрагмент этого распоряжения, который был недавно обнаружен в Бодруме, показывает, чего хотели добиться власти. В нем было перечислено не менее двадцати шести пар позолоченных женских сандалий – «пурпурные, низкие, в вавилонском стиле», и налоговые инспекторы установили цену на каждую пару¹²⁹.

В такой напряженный момент, когда предпринимались попытки восстановить былое величие, император Диоклетиан предпочел удалиться в Хорватию, чтобы заняться более приятными делами, чем государственные заботы.

«Я хотел бы, чтобы ты приехал в Салону, – писал он одному из бывших коллег, – и увидел капусту, которую я вырастил сам». «Это настолько впечатляет, – продолжал он, – что никого и никогда больше не прельстила бы перспектива обретения власти»¹³⁰. В то время как Август изображался как солдат, о чем свидетельствует великолепная статуя, найденная в Прима-Порта, пригороде Рима, Диоклетиан предпочел преподнести себя как фермера. Именно это подвело логический итог под 300-летним курсом Римской империи и его изменением, от планирования экспансии в Индию до культивации призовых овощей.

Римляне выглядели достаточно нервными, и над ними собиралось внушительное грозное облако. Император Константин начал действовать. Сын одного из наиболее уважаемых людей империи был честолюбив и деятелен. К тому же он обладал талантом находиться в нужное время в нужном месте. Константин понимал, что необходимо Риму, настолько ясно, что это было просто поразительно. Империя нуждалась в сильном лидере, и это было очевидно для всех. План Константина был более радикален, чем простая узурпация власти. Он хотел построить новый город, новую жемчужину на оси, соединяющей Средиземноморье с Востоком. И для этого города он выбрал точку, где соединялись Европа и Азия.

Уже достаточно давно ходили слухи о том, что римские правители собираются перенести свой трон в другое место. Согласно одному из римских авторов, Юлий Цезарь считал правильным поместить столицу в Александрии или же на месте древней Трои в Малой Азии, чтобы земли, которыми интересовался Рим, были на виду¹³¹. В начале IV века это наконец произошло. На стыке Европы и Азии был возведен прекрасный город, а Римская империя во всеуслышание заявила о сфере своих интересов.

Прекрасный новый город был построен на месте старого византийского города на берегах Босфора. Со временем он не только стал соперничать с Римом, но и превзошел его во многом. Здесь были построены огромные дворцы и ипподром для гонок на колесницах. В центре города была возведена колонна невероятных размеров, вырезанная из куска порфира, с вершины которой на окрестности взирал император. Новый город называли Новым Римом, однако очень скоро он стал известен по имени его основателя Константина как Константинополь. В новый город были перенесены общественные организации, которые ранее располагались в Риме, включая Сенат, члены которого насмехались над нуворишами – детьми медников, колбасников и им подобных¹³².

Константинополь должен был стать самым большим и значимым городом в Средиземноморье, намного превосходя своих конкурентов по размеру и значимости. Хотя многие современные ученые уверенно отвергают идею о том, что новый город должен был стать столицей империи, щедрость, с которой тратились ресурсы при его постройке, говорит сама за себя¹³³. Константинополь располагался в стратегическом месте, где проходили основные

¹²⁹ Бодрумский музей подводной археологии. Насколько я знаю, надпись, обнаруженная в 2011 году, еще не опубликована.

¹³⁰ Pseudo-Aurelius Victor, *Epitome de Caesaribus*, ed. M. Festy, *Pseudo-Aurelius Victor: Abrégé de Césars* (Paris, 1999), 39, p. 41.

¹³¹ Suetonius, *Divus Julius*, 79, in *Lives of the Caesars*, 1, p. 132.

¹³² Libanius, *Antioch as a Centre of Hellenic Culture as Observed by Libanius*, tr. Norman (Liverpool, 2001), pp. 145–167.

¹³³ О развенчивании «мифа о переносе столицы империи» см. L. Grig and G. Kelly (eds), *Two Romes: Rome and*

пути, в том числе и морские, ведущие в Черное море. Кроме того, именно отсюда можно было следить за развитием событий на Востоке и на Севере – на Балканах и равнинах Паннонии, где уже назревали проблемы.

Для большей части представителей античного мира кругозор ограничивался местной торговлей и взаимодействием с людьми, проживающими неподалеку. Тем не менее паутина разных общин, переплетаясь, формирует сложный мир, в котором вкусы и идеи определяются продуктами и художественными концептами и распространяются на тысячи миль.

Два тысячелетия назад шелка, сотканые вручную в Китае, носили богатые и влиятельные жители Карфагена и других городов Средиземноморья, а гончарные изделия, сделанные на юге Франции, можно было найти в Англии и в районе Персидского залива. Специи и приправы, выращенные в Индии, использовались на кухнях Синьцзяна и Рима. На зданиях, построенных в Северном Афганистане, красовались надписи на греческом языке, а на лошадях, выращенных в Центральной Азии, ездили за тысячи миль на востоке.

Представим себе жизнь золотой монеты два тысячелетия назад. Вполне возможно, она была изготовлена на провинциальном монетном дворе и затем была использована молодым солдатом для оплаты товаров на южной границе Англии. Затем монета попала обратно в Рим вместе с имперским чиновником, посланным собирать налоги, после чего перешла в руки купца, направляющегося на Восток, и послужила для того, чтобы расплатиться с торговцами, которые прибыли в Баригазу, чтобы продать свои товары. Монета, конечно же, произвела впечатление и была подарена правителям Гиндукуша, которых удивили ее дизайн, форма и размер и которые, скорее всего, отдали монету граверу для копирования. Гравер же вполне мог быть римлянином, или индусом, или китайцем, или, вполне возможно, местным жителем, который обучился искусству чеканки. Это был сложный мир, пронизанный множеством связей, жадный до разнообразного обмена.

Очень просто облекать прошлое в ту форму, которая кажется нам удобной. Но древний мир был куда более сложным и полным взаимосвязей, чем мы привыкли думать. Мы считаем Рим прародителем Западной Европы, совершенно не учитывая тот факт, что он испытывал сильное влияние Востока. Античный мир был предвестником современного мира – живой, конкурентный, эффективный и энергичный. Пояс городов сформировал цепь, охватывающую всю Азию. Запад обратил внимание на Восток, а Восток на Запад. Вместе с увеличением интенсивности движения по пути между Индией, Персидским заливом и Красным морем античный Шелковый наполнялся жизнью.

Внимание Рима было сконцентрировано на Азии с тех пор, как он превратился из республики в империю. И как оказалось, у нее была своя душа. Константин, и вся Римская империя, обрел бога; и новая религия также пришла с востока. Удивительно, но она зародилась не в Персии или Индии, а в абсолютно бесперспективной провинции, где тремя столетиями ранее Понтий Пилат нашел бесчестье на посту губернатора. Христианство собиралось распространиться повсюду.

2. Путь веры

В древности не только товары перемещались по артериям, которые соединяли Тихий океан, Центральную Азию, Индию, Персидский залив и Средиземноморье, но и идеи. И среди самых мощных идей были те, которые касались божественного. Интеллектуальный и религиозный обмен между регионами всегда был достаточно оживленным. Теперь он стал более сложным и конкурентным. Местные культы и верования вошли в контакт с прочно установившейся космологией. Все эти идеи буквально сплавлялись, перемешивались друг с другом, как в огромном котле.

В то время как Александр Великий и его кампании принесли греческие идеи на Восток, мысли и идеи с Востока двигались в обратном направлении. Идея буддизма быстро прошла через всю Азию, особенно после того, как ее приверженцем стал император Ашока, который якобы обратился в буддизм, придя в ужас от огромных сумм, затраченных на ведение военных кампаний, в результате которых была создана великая империя в Индии в III веке до нашей эры. Надписи того времени свидетельствуют о том, что очень много людей соблюдали принципы и догмы буддизма в то время. Их можно было найти на всем пути до самой Сирии и даже дальше. Верования секты, известной как «Терапевты», которая процветала в Александрии в Египте на протяжении многих веков, имели определенные сходства с буддизмом, включая использование аллегорических высказываний, преданность просветлению, достигаемому через молитву, и отстранение от себя самого для достижения внутреннего спокойствия¹³⁴.

Неоднозначность источника материала затрудняет определение степени распространения буддизма. Тем не менее удивительно, какое количество литературы, описывающей, как религия была привезена из Индии и распространилась по другим странам, существует в наше время. Местные правители должны были решить: терпеть новую религию, искоренить ее или принять и поддерживать. Одним из последних свой выбор сделал бактрийский царь Менандр в I веке до нашей эры, потомок одного из людей Александра Великого. Согласно тексту под названием «Вопросы Милинды», правитель решил следовать новому духовному пути благодаря заступничеству вдохновившего его монаха, ум которого, проявленное им сострадание и смирение были выше и сильнее в современном мире. Этого было вполне достаточно, чтобы убедить правителя искать просветления через буддистские практики¹³⁵.

Все интеллектуальные и теологические пространства Шелкового пути были полны народа. Божества, культы, священники и местные правители буквально «толкались» друг с другом. Ставки были высоки. Это было время, когда общество было весьма восприимчиво к объяснениям разного рода, от мирских до сверхъестественных, а религия предлагала решение множества проблем. Борьба между различными конфессиями носила политический характер. Во всех религиях, независимо от их происхождения – были ли они родом из Индии, как индуизм, джайнизм и буддизм, или из Персии, как зороастризм и манихейство, или появились западнее, как иудаизм и христианство, а со временем и ислам, – триумф на поле боя или за столом переговоров сопровождался демонстрацией культурного превосходства и божественного благословения. Уравнение было столь же простым, сколь и могу-

¹³⁴ H. Falk, *Asókan Sites and Artefacts: A Source-book with Bibliography* (Mainz, 2006), p. 13; E. Seldeslachts, 'Greece, the Final Frontier? – The Westward Spread of Buddhism', in A. Heirman and S. Bumbacher (eds), *The Spread of Buddhism* (Leiden, 2007), esp. pp. 158–160.

¹³⁵ Sick, 'When Socrates Met the Buddha', p. 271; о современной палийской литературе – T. Hinüber, *A Handbook of Pali Literature* (Berlin, 1996).

ществом: общество, защищенное и благословленное правильным богом, процветало; те же, кто чтил фальшивых идолов и пустые обещания, были обречены на страдания.

У правителей были достаточно сильные стимулы, чтобы инвестировать в правильную духовную инфраструктуру, например строительство роскошных мест отправления культа. Это давало им рычаг внутреннего контроля и позволяло укреплять отношения с духовенством, которое в любых основных религиях имело как духовную, так и политическую власть. Это вовсе не означало, что светское правительство было пассивным, следующим доктринам, заданным независимым классом (или в некоторых случаях кастой). Напротив, целеустремленные правители могли утвердить свою власть, привнеся новые религиозные практики.

Кушанская империя, которая простиралась от северной Индии и занимала большую часть Центральной Азии в первых веках нашей эры, может послужить отличным примером. Ее правители взяли под свое покровительство буддизм, но в то же время приветствовали постоянное развитие буддистских идей. Для правящей династии это было важно, поскольку было необходимо дать обоснование превосходства чуждых для данной местности идей.

Для этого пришлось перемешать несколько разных источников, чтобы сформировать единый концепт, к которому захотят обратиться как можно больше людей. В результате династия Кушан спонсировала постройку храмов, которые назывались *devakula*, или «храмы святого семейства». Они способствовали развитию мысли, которая уже укоренилась в регионе: правители являются связующим звеном между небесами и землей¹³⁶.

Чуть ранее Менандр отчеканил монеты, на которых значилось, что он не только временный правитель, но еще и спаситель – личность настолько значимая, что на его монетах это было записано сразу на двух языках: греческом (*soteros*) и хинди (*tratasā*)¹³⁷. Династия Кушан пошла гораздо дальше. Ее представители установили культ, который утверждал их божественное происхождение и создавал огромную дистанцию между правителями и подданными. Это подтверждается надписями, найденными в Таксиле в Пенджабе. Правитель, как смело утверждается в рамках этого культа, был «великим королем, королем королей и сыном Бога»¹³⁸. Эта фраза перекликается со Старым и Новым Заветом в отношении того, что правитель является спасителем и проводником в следующую жизнь¹³⁹.

Буддизм был сродни революции для I века нашей эры: преобразование происходило таким образом, что вера формировала повседневную жизнь своих приверженцев. Основы учения Будды в традиционной форме очень просты. Они пропагандируют уход от страданий (на санскрите *duhkha*), что должно привести к состоянию покоя (нирваны) путем следования благородному восьмеричному пути. Путь к просветлению не требовал привлечения третьих лиц и не затрагивал материальный и физический мир каким-либо значимым образом. Путь был исключительно духовным, метафизическим и исключительно индивидуальным.

Все изменилось кардинальным образом, когда появились новые способы достижения состояния измененного сознания. То, что раньше было внутренним путешествием, свободным от внешних влияний, теперь было дополнено советами и помощью. Организовывались специальные места, в которых достижение просветления и сам буддизм выглядели более убедительно. Были построены ступы, или святыни, якобы связанные с Буддой. Они стали объектами паломничества, а тексты, в которых говорилось, как следует вести себя в

¹³⁶ G. Fussman, 'The Mat *Devakula*: A New Approach to its Understanding', in D. Srivasan (ed.), *Mathurā: The Cultural Heritage* (New Delhi, 1989), pp. 193–199.

¹³⁷ Например, P. Rao Bandela, *Coin Splendour: A Journey into the Past* (New Delhi, 2003), pp. 32–35.

¹³⁸ D. MacDowall, 'Soter Megasthenes, the King of Kings, the Kushana', *Journal of the Numismatic Society of India* (1968), pp. 28–48.

¹³⁹ Обратите внимание, например, на описание в «Книге Псалмов» – «Бог Бога ... Господь господствующих» (Пс. 136: 2–3, или «Бог богов и Господь господствующих» (Второзаконие 10:17). «Книга откровений» рассказывает, как зверь будет побежден, потому что Агнец – «Господь господствующих и Царь царей» (Откр. 17:14).

таких местах, делали буддизм более реальным и осязаемым. В *Saddharmapundarīka*, также известной как «Лотосовая сутра», – сочинении, относящемся к тому же периоду, отмечалось, что подношения при посещении святыни в виде цветов или благоуханий способствуют скорому спасению. С теми же целями часто нанимали музыкантов, играющих на «барабанах, рожках и раковинах, свирелях, флейтах, лютнях, гонгах, арфах, гитарах и цимбалах»: это должно было помочь преданному приверженцу достичь Будды¹⁴⁰. Это были преднамеренные попытки сделать буддизм более заметным и более конкурентоспособным в «шумной» религиозной обстановке.

Еще одной новой идеей стали пожертвования, особенно в пользу вновь построенных монастырей, которые появлялись на путях, веером расходившихся из Индии по всей Центральной Азии. Пожертвования в виде денег, драгоценностей и других даров стали обычной практикой. Бытовало мнение, что дарители будут «перенесены через океаны страданий» в награду за их щедрость¹⁴¹. В «Лотосовой сутре» даже были перечислены ценные предметы, наиболее подходящие для жертвования: жемчуг, хрусталь, золото, серебро, лазурит, коралл, бриллианты и изумруды – такие дары приветствовались¹⁴².

Крупномасштабные ирригационные проекты в долинах, где сейчас находятся Таджикистан и южная часть Узбекистана, реализованные на рубеже эпох, показывают, что это был период достатка и процветания, а также расширения и улучшения культурного обмена¹⁴³. Пропагандой религии занялись богатые и влиятельные люди, и очень скоро монастыри стали приютом для ученых, которые занимались компиляцией буддистских текстов, их копированием и переводом на местные языки, что делало их доступнее для более широкого круга. Это также было частью программы распространения религии в ее более доступном формате. Коммерция позволила вере свободно распространяться¹⁴⁴.

Около I века нашей эры буддизм быстро распространился из северной Индии по торговым путям вместе с торговцами, монахами и паломниками. К югу, на плато Декан, было построено множество пещерных храмов, которые буквально усеяли индийский субконтинент¹⁴⁵. На севере и востоке буддизм весьма энергично распространяли согдийские купцы, которые сыграли важную роль в соединении Китая с долиной Инда. Это были странствующие торговцы из самого сердца Центральной Азии. С учетом того, что у них были хорошие связи и они рационально использовали средства, эти торговцы были идеальными посредниками¹⁴⁶.

Ключом к их коммерческому успеху была целая сеть надежных перевалочных пунктов. Чем больше согдийцев становились буддистами, тем больше пещерных храмов было построено вдоль основных торговых путей, как, например, в долине реки Хунза на севере Пакистана. Проходящие тут согдийцы вырезали на камне свои имена, а также изображения Будды в надежде, что их длительное путешествие будет успешным и безопасным – горькое напоминание о необходимости душевного комфорта для путешественника вдали от дома¹⁴⁷.

¹⁴⁰ The Lotus of the Wonderful Law or The Lotus Gospel: *Saddharma Pundarīka Sūtra Miao-Fa Lin Hua Chung*, tr. W. Soothill (London, 1987), p. 77.

¹⁴¹ X. Liu, *Ancient India and Ancient China: Trade and Religious Exchanges AD 1–600* (Oxford, 1988), p. 102.

¹⁴² *Sukhāvātī-vyūha: Description of Sukhāvātī, the Land of Bliss*, tr. F. Müller (Oxford, 1883), pp. 33–34; *Lotus of the Wonderful Law*, pp. 107, 114.

¹⁴³ D. Schlumberger, M. Le Berre and G. Fussman (eds), *Surkh Kotal en Bactriane*, vol. 1: *Les Temples: architecture, sculpture, inscriptions* (Paris, 1983); V. Gaibov, 'Ancient Tajikistan Studies in History, Archaeology and Culture (1980–1991)', *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 1.3 (1995), pp. 289–304.

¹⁴⁴ R. Salomon, *Ancient Buddhist Scrolls from Gandhara* (Seattle, 1999).

¹⁴⁵ J. Harle, *The Art and Architecture of the Indian Subcontinent* (New Haven, 1994), pp. 43–57.

¹⁴⁶ См., главным образом, E. de la Vaissière, *Sogdian Traders: A History* (Leiden, 2005).

¹⁴⁷ K. Jettmar, 'Sogdians in the Indus Valley', in P. Bertrand and F. Grenet (eds), *Histoire des cultes de l'Asie centrale préislamique* (Paris, 1991), pp. 251–253.

Но о распространении буддизма говорят не только мелкие царапины на камне. Кабул был буквально окружен сорока монастырями, включая тот, который позже был с благоговением описан одним из посетителей. Он писал, что красота монастыря была сравнима с весной: «...тротуары из оникса, стены из прекрасного мрамора, двери сделаны из литого золота, в то время как полы – из чистого серебра. Повсюду храм украшен звездами, а у входа – золотой идол, прекрасный как луна, восседающий на украшенном драгоценными камнями троне»¹⁴⁸.

Вскоре идеи и практики буддизма через горы Памира распространились на восток и достигли Китая. К началу IV века нашей эры буддистские святилища стали встречаться по всей провинции Синьцзян на северо-востоке Китая, примером могут служить пещеры Кизил в бассейне Тарима, которые включают в себя залы поклонения, места для медитаций и просторные жилые помещения. До тех пор Западный Китай был буквально усеян местами, которые превратили в святилища, например, в Кашгаре, Куче и Турфане¹⁴⁹. К 460 году буддистские практики и искусство стали частью культуры Китая, вполне успешно конкурируя с традиционным для данной страны конфуцианством, представлявшим собой обширное учение, которое в основном затрагивало вопросы личной этики и духовных убеждений, и имевшим тысячелетнюю историю. Этому способствовало агрессивное продвижение новой религии представителями новой правящей династии, которые, как завоеватели из степи, были аутсайдерами. Так же как и в случае с Кушанским царством до этого, династия Северная Вэй могла получить многое, продвигая новое и покровительствуя идеям, которые подтверждали ее легитимность. Огромные статуи Будды были возведены в Пинчене и Лояне, далеко на востоке страны. Вместе с ними возникли хорошо обеспеченные монастыри и святилища. Вне всякого сомнения, Северная Вэй стала триумфатором, и произошло это потому, что ее представители стали частью божественного замысла, а не просто варварами-завоевателями¹⁵⁰.

Буддизм также сильно продвинулся по торговым путям в западном направлении. Целые скопления пещер вокруг Персидского залива, наряду с находками около Мерва в современном Туркменистане и надписями в самом сердце Персии, говорят о способности буддизма конкурировать с местными верованиями¹⁵¹.

Засилье заимствованных слов в Парфянском царстве говорит об интенсивном обмене идеями в этот период¹⁵².

Разница, однако, в том, что углубление экономического сотрудничества заставило Персию пойти по другому пути. Для ее экономики, политики и культуры настала пора возрождения. Когда самосознание персов вновь заявило о себе, буддисты обнаружили, что их не сильно жалуют и даже преследуют. Жестокость такого преследования привела к тому, что святыни в Персидском заливе остались покинутыми, а ступы, построенные вдоль дорог на персидской территории, разрушены¹⁵³.

¹⁴⁸ C. Huart, *Le Livre de Gerchāsp, poème persan d'Asadī junior de Toūs*, 2 vols (Paris, 1926–1929), 2, p. 111.

¹⁴⁹ R. Giès, G. Feugère and A. Coutin (eds), *Painted Buddhas of Xinjiang: Hidden Treasures from the Silk Road* (London, 2002); T. Higuchi and G. Barnes, 'Bamiyan: Buddhist Cave Temples in Afghanistan', *World Archaeology* 27.2 (1995), p. 282ff.

¹⁵⁰ M. Rhie, *Early Buddhist Art of China and Central Asia*, vol. 1 (Leiden, 1999); Wei, *Ancient Chinese Architecture: Buddhist Buildings* (Vienna, 2000).

¹⁵¹ G. Koshelenko, 'The Beginnings of Buddhism in Margiana', *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 14 (1966), pp. 175–183; R. Foltz, *Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization* (2nd edn, Basingstoke, 2010), pp. 47–48; R. Foltz, 'Buddhism in the Iranian World', *Muslim World* 100.2–3 (2010), pp. 204–214.

¹⁵² N. Sims-Williams, 'Indian Elements in Parthian and Sogdian', in R. Röhrborn and W. Veenker (eds), *Sprachen des Buddhismus in Zentralasien* (Wiesbaden, 1983), pp. 132–141; W. Sundermann, 'Die Bedeutung des Parthischen für die Verbreitung buddhistischer Wörter indischer Herkunft', *Altorientalische Forschungen* 9 (1982), pp. 99–113.

¹⁵³ W. Ball, 'How Far Did Buddhism Spread West?', *Al-Rāfidān* 10 (1989), pp. 1–11.

По всей Евразии возникали и исчезали религиозные верования. Их представители сражались друг с другом за аудиторию, лояльность и авторитет. Общение с божественными силами было чем-то большим, нежели необходимость вмешательства в повседневную жизнь, – это стало вопросом спасения или вечного проклятья. Конкуренция стала жесткой. Первые четыре столетия первого тысячелетия, когда из Палестины по Средиземноморью и Азии стало стремительно распространяться христианство, ожесточенные религиозные войны велись повсеместно.

Решающий момент наступил, когда власть захватила династия Сасанидов, свергнув правящую династию в Персии в ходе восстания. Они убивали соперников и искусно поддерживали сумятицу, возникшую после военных неудач на границе с Римом и по всему Кавказу¹⁵⁴. После захвата власти в 224 году нашей эры Ардашир I и его преемники приступили к полномасштабной трансформации государства. Помимо прочего, они утвердили четкую линию национального самосознания и особенно выделили крепкие связи государства с великой империей персов древности¹⁵⁵.

Это было достигнуто путем сплавления современных физических и символических реалий с прошлым. Ключевые места древнего Ирана, такие как Персеполис, столица империи Ахменидов, некрополь Накше-Рустам, который ассоциировался с великими царями Дарием и Киром, были использованы для культурной пропаганды. Новые надписи, монументальная архитектура и резьба на камне – они игнорировали новый режим, заменяя его воспоминаниями о славном прошлом¹⁵⁶. Была восстановлена система чеканки, и греческие надписи и изображения Александра Великого, которые были представлены на монетах столетиями, были заменены на царский профиль с одной стороны и жертвенник с другой¹⁵⁷.

Последнее было намеренной провокацией, заявлением о новой самоидентификации и отношении к религии. Хотя источники достаточно скудные, они показывают, что правители этого региона столетиями проявляли толерантность в вопросах веры, что позволяло разным конфессиям сосуществовать достаточно мирно¹⁵⁸.

Возникновение новой династии привело к ужесточению отношения к религии. Учение Заратустры (или Зарадушты) продвигалось за счет остальных. Древним грекам он был известен как Зороастр – великий персидский пророк, который жил около 1000 года до нашей эры, если не раньше. Его учение гласило, что во Вселенной существуют два основных начала (духа) – Ахура Мазда (Господь мудрый) и Ангра-Майнью (враждебный дух), которые находятся в постоянной борьбе. Было важно поклоняться первой силе, которая отвечала за порядок. Разделение мира на благотворные и нежелательные силы распространялось на все аспекты жизни, в том числе классификацию животных¹⁵⁹. Ритуальное очищение, прежде всего через огонь, – важная часть зороастрийского поклонения. Ахура Мазда как символ веры может принести «добро от зла, свет от тьмы» и спасение от демонов¹⁶⁰.

¹⁵⁴ T. Daryaei, *Sasanian Persia: The Rise and Fall of an Empire* (London, 2009), pp. 2–5.

¹⁵⁵ Многие ученые писали о переменах. См. Canepa, *The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran* (Berkeley, 2009).

¹⁵⁶ M. Canepa, 'Technologies of Memory in Early Sasanian Iran: Achaemenid Sites and Sasanian Identity', *American Journal of Archaeology* 114.4 (2010), pp. 563–596; Weber, 'Wahram II: König der Könige von Eran und Aneran', *Iranica Antiqua* 44 (2009), pp. 559–643.

¹⁵⁷ О сасанидской чеканке в целом – R. Göbl, *Sasanian Numismatics* (Brunswick, 1971).

¹⁵⁸ M. Boyce, *Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices* (London, 1979).

¹⁵⁹ R. Foltz, 'Zoroastrian Attitudes toward Animals', *Society and Animals* 18 (2010), pp. 367–378.

¹⁶⁰ *The Book of the Counsel of Zartusht*, pp. 2–8, in R. Zaehner, *The Teachings of the Magi: A Compendium of Zoroastrian Beliefs* (New York, 1956), pp. 21–22. См. также M. Boyce, *Textual Sources for the Study of Zoroastrianism* (Manchester, 1984).

Эта космология позволила Сасанидам связать свое правление с золотыми временами древней Персии, когда великие цари заявляли о своей преданности Ахуре Мазде¹⁶¹. Но также это дало возможность задать настрой на военную и экономическую экспансию: постоянный акцент на борьбе подготовил умы для битвы, в то время как сфокусированность на порядке и дисциплине подчеркнула необходимость административных реформ, которые стали основой возрождающегося государства. Зороастризм включал целый набор верований, которые отлично сочетались с военным характером обновления империи¹⁶².

Реализуя политику агрессивной экспансии, Ардашир I и его сын Шапур I присоединили к империи города-оазисы, торговые пути и даже целые регионы или же принуждали их к сотрудничеству. Такие важные города, как Систан, Мерв и Балх, были захвачены в ходе ряда кампаний, которые начались в 220-х годах. Большая часть территорий Кушанского царства стала вассальной и находилась под управлением чиновников Сасанидов, которые стали называть себя правителями Кушана¹⁶³. Триумфальная надпись на Накше-Рустам показывает масштаб достижений и отмечает, насколько глубоко на восток раскинулись владения Шапура I – они достигали Пешавара и границы Кашгара и Ташкента¹⁶⁴.

Когда Сасаниды захватили власть, приверженцы зороастризма позиционировали себя как приближенных к власти и сделали многое для того, чтобы сосредоточить административную власть в своих руках за счет других, менее многочисленных религиозных верований¹⁶⁵. Такая политика проецировалась и на новые районы, попавшие под контроль персов. Надписи, сделанные первосвященником Кирдиром в середине III века нашей эры, прославляют распространение зороастризма. Религия и ее служители повсеместно почитались, а на землях, захваченных у римлян, процветали «многие религиозные учебные заведения». Для того чтобы распространить свою религию, требовалось проделать большую работу, но, как скромно заметил Кирдир: «Я усердно трудился на благо язат (божеств), земных правителей и на благо моей собственной души»¹⁶⁶.

Продвижение зороастризма сопровождалось подавлением местных культов и враждебных воззрений, которые были отвергнуты как учения зла. Иудеи, буддисты, индуисты, манихейцы и представители прочих религий преследовались; места отправления культа были разграблены, «идолы разрушены, святилища демонов снесены и превращены в храмы богов»¹⁶⁷. Расширение Персии сопровождалось усилением ценностей и верований, которые представлялись как традиционные и необходимые для политической и военной победы. Тех же, кто предлагал другие объяснения или конкурирующие воззрения, преследовали и нередко убивали, как, например, Мани – харизматичного пророка III века, чьи воззрения, представляющие собой смесь идей из западных и восточных источников, когда-то отстаивал Шапур I. Теперь его учение было признано подрывающим основы, вредным и опасным, а его приверженцы жестоко преследовались¹⁶⁸.

¹⁶¹ См., например, M. Boyce, *Textual Sources for the Study of Zoroastrianism* (Manchester, 1984), pp. 104–106.

¹⁶² M. Boyce and F. Grenet, *A History of Zoroastrianism* (Leiden, 1991), pp. 30–33. О зороастрийских верованиях, включая молитвы и вероучения, см. Boyce, *Textual Sources*, pp. 53–61; о ритуалах и практиках – pp. 61–70.

¹⁶³ J. Harmatta, 'Late Bactrian Inscriptions', *Acta Antiqua Hungaricae* 17 (1969), pp. 386–388.

¹⁶⁴ M. Back, 'Die sassanidischen Staatsinschriften', *Acta Iranica* 18 (1978), pp. 287–288.

¹⁶⁵ S. Shaked, 'Administrative Functions of Priests in the Sasanian Period', in G. Gnoli and A. Panaino (eds), *Proceedings of the First European Conference of Iranian Studies*, 2 vols (Rome, 1991), 1, pp. 261–273; T. Daryaee, 'Memory and History: The Construction of the Past in Late Antiquity', *Name-ye Iran-e Bastan* 1.2 (2001–2002), pp. 1–14.

¹⁶⁶ Back, 'Sassanidischen Staatsinschriften', p. 384. Полную надпись см. в M. – L. Chaumont, 'L'Inscription de Kartir à la Ka#bah de Zoroastre: text, traduction et commentaire', *Journal Asiatique* 248 (1960), pp. 339–380.

¹⁶⁷ M.-L. Chaumont, *La Christianisation de l'empire iranien, des origines aux grandes persécutions du IV siècle* (Louvain, 1988), p. 111; G. Fowden, *Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity* (Princeton, 1993), pp. 28–29.

¹⁶⁸ R. Merkelbach, *Mani und sein Religionssystem* (Opladen, 1986); J. Russell, 'Kartir and Mani: A Shamanistic Model of their Conflict', *Iranica Varia: Papers in Honor of Professor Ehsan Yarshater* (Leiden, 1990), pp. 180–193; S. Lieu, *History of*

Среди тех, кто подвергался преследованию и жестокому обращению, в списке Кирдира значатся *nasraye* и *kristyone*, то есть назаряне и христиане. В свое время велись дебаты, какие именно группы населения имелись в виду. Сейчас ученые договорились, что первые – это коренное население империи Сасанидов, которое перешло в христианство, а вторые – христиане, которых массово депортировали на восток при Шапуре I, сразу после завоевания находящейся под римским началом Сирии, которое застало местные и центральные власти врасплох¹⁶⁹.

Одной из причин, почему зороастризм настолько прочно вошел в сознание жителей Персии III века, была реакция на быстрое распространение христианства по торговым путям с Запада, так же как в свое время распространялся буддизм на Востоке. Резкая драматизация зороастрийской философии именно в это время была ускорена враждебной реакцией по отношению к христианским идеям и мыслям, которые привезли торговцы и заключенные, переселившиеся в Персию после депортации из Сирии¹⁷⁰.

Долгое время христианство ассоциировалось со Средиземноморьем и Западной Европой. Отчасти это было связано с тем, что руководство католической, англиканской и православной церквей находилось в Риме, Кентерберии и Константинополе (современный Стамбул) соответственно. Но на самом деле каждый аспект раннего христианства был связан с Азией. Географически христианство происходило из Иерусалима, именно там располагались места, связанные с рождением, жизнью и распятием Иисуса. Изначально отправление культа происходило на арамейском языке, относящемся к семитской группе языков Ближнего Востока. Теологической и духовной базой христианства был иудаизм, возникший в Израиле и во время исхода и распространившийся в Египте и Вавилоне. Его история была сформирована воздействием пустынь, наводнений, засух и голода, что было нехарактерно для Европы¹⁷¹.

Исторические причины распространения христианства по Средиземноморью установлены, но в начале своего пути развитие христианства было куда более многообещающим на Востоке, чем в районе Средиземноморья, где оно распространялось морскими путями¹⁷². Сначала римские власти не трогали христианство. Они были озадачены страстью его самых ранних последователей. Плиний младший, к примеру, писал императору Траяну во II веке, чтобы спросить совета, что делать с христианами, которых привезли ему из Малой Азии. «Я никогда не участвовал в процессах над христианами, – писал он. – Поэтому я не знаю, какой тип наказания к ним применять и насколько тщательно следить за их деятельностью». Некоторых из них он казнил, поскольку полагал, «что независимо от их верований их упрямство должно быть наказано»¹⁷³. В ответ император посоветовал быть терпимым, не искать хри-

Manicheism in the Later Roman Empire and Medieval China: A Historical Survey (Manchester, 1985). О Шапуре и Мани см. M. Hutter, 'Manichaeism in the early Sasanian Empire', *Numen* 40 (1993), pp. 2–15.

¹⁶⁹ P. Gigoux (ed. and tr.), *Les Quatre Inscriptions du mage Kirdir, textes et concordances* (Paris, 1991). А также C. Jullien and F. Jullien, 'Aux frontières de l'iranité: "nasraye" et "kristyone" des inscriptions du mobad Kirdir: enquête littéraire et historique', *Numen* 49.3 (2002), pp. 282–335; F. de Blois, 'Na#rānī Na#zōpa#os and #anīf (#θνικός): Studies on the Religious Vocabulary of Christianity and of Islam', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 65 (2002), pp. 7–8.

¹⁷⁰ S. Lieu, 'Captives, Refugees and Exiles: A Study of Cross-Frontier Civilian Movements and Contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian', in P. Freeman and D. Kennedy (eds), *The Defence of the Roman and Byzantine East* (Oxford, 1986), pp. 475–505.

¹⁷¹ A. Kitchen, C. Ehret, S. Assefa and C. Mulligan, 'Bayesian Phylogenetic Analysis of Semitic Languages Identifies an Early Bronze Age Origin of Semitic in the Near East', *Proceedings of the Royal Society B*, 276.1668 (2009), pp. 2702–2710. Некоторые исследователи говорят о североафриканском происхождении семитских языков, например, D. McCall, 'The Afroasiatic Language Phylum: African in Origin, or Asian?', *Current Anthropology* 39.1 (1998), pp. 139–144.

¹⁷² R. Stark, *The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History* (Princeton, 1996), и R. Stark, *Cities of God: The Real Story of How Christianity Became an Urban Movement and Conquered Rome* (San Francisco, 2006). Взгляды и методология Старка оказались противоречивыми, см. *Journal of Early Christian Studies* 6.2 (1998).

¹⁷³ Pliny the Younger, Letter 96, ed. and tr. B. Radice, *Letters and Panegyricus*, 2 vols (Cambridge, MA, 1969), 2, pp. 284–286.

стиан специально и разбирать каждый случай отдельно, «так как невозможно определить набор правил, которые можно было бы применять независимо от обстоятельств дела».

«Но ни в коем случае нельзя исходить из слухов или анонимных обвинений. Поступая иначе, — писал он несколько надменно, — мы поступаем совсем не в духе нашего времени»¹⁷⁴.

Вскоре после этого отношение ужесточилось, отражая все более глубокое проникновение христианства в римское общество. Имперские военные стали рассматривать новую религию с ее негативным отношением к греху, сексу, смерти и жизни в целом как угрозу традиционным милитаристским ценностям¹⁷⁵. Начиная со II века, в ходе жестокого преследования были убиты тысячи христиан. Зачастую такие убийства были частью развлечения толпы. В память о мучениках, которые потеряли жизнь из-за веры, был создан обширный свод текстов¹⁷⁶. Ранние христиане должны были бороться против предрассудков. В результате появились воззвания, полные страдания. Например, Тертуллиан (160–225 годы нашей эры), которого один из выдающихся ученых сравнивал с Шейлоком Шекспира, буквально умолял: мы, христиане, «живем рядом с вами, делим с вами еду, одежду, обычаи, у нас такие же потребности, как и у вас»¹⁷⁷. «Только потому, что мы не посещаем римские религиозные церемонии, — писал он, — не означает, что мы не люди. Или у христиан другое устройство зубов, другие рты и другие, склонные к кровосмесительному блуду жилы?»¹⁷⁸.

Изначально христианство распространялось на восток через еврейские общины, которые после изгнания из Вавилона жили в Месопотамии¹⁷⁹. Информация о жизни и смерти Иисуса доходила до них не в греческих переводах, которые изучали новообращенные адепты на Западе, а на арамейском языке, языке самого Иисуса и его учеников. Так же, как и в Средиземноморье, торговцы сыграли важную роль в евангелизации на Востоке. Из-за своего расположения на перекрестке дорог особенно значимым в этом процессе стала Эдесса — современный город Урфа на юго-западе Турции¹⁸⁰.

Очень скоро евангелисты добрались до Кавказа. Погребальные ритуалы и надписи на захоронениях в Грузии говорят о том, что там существовала субпопуляция новообращенных евреев¹⁸¹. Вскоре христианские общины появились в районе Персидского залива. Шестидесят захоронений возле Бахрейна, вырезанные прямо в камне на берегу, показывают, как далеко зашли религиозные верования к началу III века¹⁸². В «Книге законов стран», написанной примерно в это же время, говорится, что христиане проживали по всей Персии и дальше на востоке до самого Кушанского царства — на территории современного Афганистана¹⁸³.

Распространению религии способствовал массовый исход христиан из Персии во время правления Шапура I в III веке. Среди ссыльных были известные лица, например Деметрий, епископ Антиохский, которого перевезли в Бет Лапат, современный Гундешапур на юго-западе Ирана. Там он собрал вокруг себя братьев-христиан и основал новое епи-

¹⁷⁴ Там же, Letter 97, 2, pp. 290–292.

¹⁷⁵ J. Helgeland, R. Daly and P. Patout Burns (eds), *Christians and the Military: The Early Experience* (Philadelphia, 1985).

¹⁷⁶ M. Roberts, *Poetry and the Cult of the Martyrs* (Ann Arbor, 1993); G. de Ste Croix, *Christian Persecution, Martyrdom and Orthodoxy* (Oxford, 2006).

¹⁷⁷ Tertullian, *Apologia ad Nationes*, 42, in *Tertullian: Apology: De Spectaculis*, ed. and tr. T. Glover (London, 1931), p. 190; G. Stoumsa, *Barbarian Philosophy: The Religious Revolution of Early Christianity* (Tübingen, 1999), pp. 69–70.

¹⁷⁸ Tertullian, *Apologia*, 8, p. 44.

¹⁷⁹ W. Baum and D. Winkler, *Die Apostolische Kirche des Ostens* (Klagenfurt, 2000), pp. 13–17.

¹⁸⁰ S. Rose, *Roman Edessa: Politics and Culture on the Eastern Fringes of the Roman Empire, 114–242 CE* (London, 2001).

¹⁸¹ T. Mgaloblishvili and I. Gagoshidze, 'The Jewish Diaspora and Early Christianity in Georgia', in T. Mgaloblishvili (ed.), *Ancient Christianity in the Caucasus* (London, 1998), pp. 39–48.

¹⁸² J. Bowman, 'The Sassanian Church in the Kharg Island', *Acta Iranica* 1 (1974), 217–220.

¹⁸³ *The Book of the Laws of the Countries: Dialogue on the Fate of Bardaisan of Edessa*, tr. H. Drijvers (Assen, 1965), p. 61.

скопство¹⁸⁴. В Персии встречались высокопоставленные христиане, например, римлянка по имени Кандида, которая была любимой фавориткой при дворе, но после того как она отказалась отринуть свою веру, она стала мученицей, тем самым подтверждая слухи о кровожадности шаха и его окружения¹⁸⁵.

Упомянутые тексты попадают под категорию литературы, призванной установить превосходство христианских обычаев и верований над традиционными практиками. Источники весьма скудны, но из них мы можем почерпнуть сведения о битвах, которые разворачивались в то время. Один из авторов писал, что, в отличие от других жителей Персии, «ученики Христа» в Азии не «практикуют скверные привычки этих язычников». Другой отмечал, что это следует рассматривать как знак того, что христиане повысили стандарты в Персии и в других восточных странах. «Персы, которые стали Его учениками, больше не вступают в брак со своими матерями», в то время как жители степи больше не «питаются человеческой плотью, потому что слово Христово дошло и до них». И такие изменения нужно горячо приветствовать, подчеркивал данный автор¹⁸⁶.

Увеличение присутствия христиан в Персии в середине III века стало причиной жесткой реакции зороастрийских священнослужителей и повторения событий, которые произошли в Риме¹⁸⁷. Однако слова Кирдира свидетельствуют о том, что в Персии ужесточилось отношение не только к христианам, но и к представителям других религий. Штамповка альтернативных космологий шла рука об руку с процветающим зороастризмом, который был характерен для возрожденной Персии. Стала появляться государственная религия, которая провозглашала зороастрийские ценности синонимом персидских и стала «столпом, поддерживающим империю Сасанидов»¹⁸⁸.

Была запущена целая серия цепных реакций, конкуренция за ресурсы и военное противостояние стимулировали развитие сложных религиозных систем, которые давали только видимость победы и успеха, но напрямую отрицали достижения враждебных соседей. В случае с Персией это означало бы появление еще более самоуверенного духовенства, роль которого в обществе стала бы более политизированной, об этом свидетельствуют тексты того периода.

Такая политика имела негативные последствия, особенно когда государственную религию стали насаждать в приграничных регионах и на вновь завоеванных территориях. Постройка храмов огня была предметом особой гордости Кирдира, однако такое насаждение веры силой приводило к возникновению раздоров среди населения. Зороастризм стал синонимом Персии. Совсем скоро вместо того, чтобы стать способом духовного освобождения, эта религия стала инструментом захвата. Вследствие этого христианство стало рассматриваться как антидот властного насаждения верований персидскими властями.

До сих пор не выяснены точные обстоятельства, при которых правители Кавказа приняли христианство. Условия принятия армянским царем Трдатом III христианства в самом начале IV века были описаны несколько позже. Появление данного описания было обусловлено тем, что христиане хотели поведать хорошую историю¹⁸⁹. Согласно преданию, Трдат

¹⁸⁴ J. Asmussen, 'Christians in Iran', in *The Cambridge History of Iran: The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods* (Cambridge, 1983), 3.2, pp. 929–930.

¹⁸⁵ S. Brock, 'A Martyr at the Sasanid Court under Vahran II: Candida', *Analecta Bollandiana* 96.2 (1978), pp. 167–181.

¹⁸⁶ Eusebius, *Evangelike Proparaskeus*, ed. K. Mras, *Eusebius Werke: Die Praeparatio Evangelica* (Berlin, 1954), 1.4, p. 16; A. Johnson, 'Eusebius' *Praeparatio Evangelica* as Literary Experiment', in S. Johnson (ed.), *Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism* (Aldershot, 2006), p. 85.

¹⁸⁷ P. Brown, *The Body and Society: Men, Women and Sexual Renunciation in Early Christianity* (London, 1988); C. Wickham, *The Inheritance of Rome: A History of Europe from 400 to 1000* (London, 2009), pp. 55–56.

¹⁸⁸ B. Dignas and E. Winter, *Rome and Persia in Late Antiquity* (Cambridge, 2007), pp. 210–232.

¹⁸⁹ См. A. Sterk, 'Mission from Below: Captive Women and Conversion on the East Roman Frontiers', *Church History* 79.1 (2010), pp. 1–39.

обратился в веру после того, как был превращен в свинью, слонялся по полям и был излечен святым Григорием, который оказался брошен в змеиную яму за отказ почитать армянских богов. Григорий излечил Трдата, сделав так, чтобы его рыло, клыки и свиная кожа исчезли, а затем крестил благодарного монарха в Евфрате¹⁹⁰.

Трдат был не единственным влиятельным политиком, который обратился к христианству в этот период. В начале IV века эту веру принял Константин, один из наиболее влиятельных деятелей Рима. Решающий момент наступил во время гражданской войны, когда Константин победил своего соперника Максенция на Мильвийском мосту в Центральной Италии в 312 году нашей эры. Исследователи предполагают, что незадолго до этой битвы Константин смотрел в небо, увидел знак в форме креста прямо над солнцем и услышал слова: «Со знаком этим ты победишь». Полное значение произошедшего стало понятно после того, как он увидел сон, в котором ему явился Иисус и объяснил, что с помощью креста он победит всех своих врагов. По крайней мере, именно так многие предпочитали трактовать произошедшее¹⁹¹.

Христианские источники показывают, с каким энтузиазмом император взялся за развитие христианства за счет других религий. От одного из авторов мы узнаем, например, что новый город Константинополь не был «загрязнен алтарями, греческими храмами или языческими жертвоприношениями», зато обогащен «прекрасными домами молитвы, в которых Бог обещал благословить усилия императора»¹⁹². Другой автор утверждает, что известные центры отправления культов были закрыты императором, а оракулы и прорицатели, очень характерные для римской теологии, были запрещены. Обычные жертвоприношения перед официальными событиями также были объявлены вне закона, а языческие статуи были сброшены и тоже оказались под запретом¹⁹³. Историю, рассказанную последним автором, чтобы показать религиозное рвение Константина, невозможно понять неправильно.

Кстати, преобразования Константина были гораздо сложнее, чем описано в источниках при его жизни и вскоре после смерти. С одной стороны, принятие христианства большим количеством военных было дальновидным ходом, с другой – статуи, монеты и тексты, которые представляют Константина как верного защитника культа Непобедимого Солнца (*Sol Invictus*), говорят о том, что он больше сомневался в принятии новой религии, чем описывается в хвалебных речах. Кроме того, несмотря на то что многие утверждали обратное, империя не изменила свой облик в одночасье. Первые лица Рима, Константинополя и других городов продолжали следовать традиционным верованиям еще достаточно долго после того, как у императора наступило прозрение и он с энтузиазмом взялся за насаждение новой религии¹⁹⁴.

Тем не менее принятие Константином христианства привело к значительным изменениям в Римской империи. Гонения, которые достигли своего пика при правлении Диоклетиана всего десять лет назад, подошли к концу. Гладиаторские бои, которые долгое время являлись одним из основных развлечений римлян, были отменены из-за стойкого отвращения христиан к зрелищам, обесценивающим святость жизни. «Кровавые зрелища нам непри-

¹⁹⁰ О конверсии см. R. Thomson (ed. and tr.), *The Lives of St Gregory: The Armenian, Greek, Arabic and Syriac Versions of the History Attributed to Agathangelos* (Ann Arbor, 2010). W. Seibt, *Die Christianisierung des Kaukasus: The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania)* (Vienna, 2002), и M.-L. Chaumont, *Recherches sur l'histoire d'Arménie, de l'avènement des Sassanides à la conversion du royaume* (Paris, 1969), pp. 131–146.

¹⁹¹ Eusebius of Caesarea, *Bios tou megalou Konstantinou*, ed. F. Winkelmann, *Über das Leben des Kaisers Konstantin* (Berlin, 1992), 1.28–30, pp. 29–30. Об обращении Константина и в целом о ситуации в то время см. сборник эссе N. Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* (rev. edn, Cambridge, 2012).

¹⁹² Sozomen, *Ekklesiastike Historia*, ed. J. Bidez, *Sozomenus: Kirchengeschichte* (Berlin, 1995), 2.3, p. 52.

¹⁹³ Eusebius, *Bios tou megalou Konstantinou*, 2.44, p. 66.

¹⁹⁴ A. Lee, 'Traditional Religions', in Lenski, *Age of Constantine*, pp. 159–180.

ятны», – гласит отрывок из закона, выпущенного в 325 году и сохранившегося при более поздней кодификации имперского законодательства. «Мы (поэтому) полностью запрещаем само существование гладиаторов». Тех, кого раньше посылали на арену в наказание за совершенные преступления или за веру, которую они отказались отринуть, сейчас отправляли «работать в шахтах, чтобы они могли отбыть наказание за свои преступления, не проливая крови»¹⁹⁵.

Поскольку на поддержку развития христианства по всей империи тратилось огромное количество ресурсов, Иерусалим был выделен для проведения грандиозных строительных работ на щедрые пожертвования. Если Рим и Константинополь являлись административными центрами империи, то Иерусалим должен был стать духовным центром.

Некоторые части города разровняли, а земля, на которой стояли языческие храмы, была извлечена и отнесена как можно дальше, так как она была «запятнана, как будто на ней поклонялись дьяволу». При раскопках было найдено множество святынь, включая пещеру Рождества, которая была восстановлена, так же как «возродился Спаситель»¹⁹⁶.

Константин лично контролировал эти работы, указывая, какие материалы надлежит использовать во время постройки храма Гроба Господня. Император делегировал выбор тканей и настенных украшений, но хотел лично выбрать тип мрамора, который будет использоваться при возведении колонн. «Я хотел бы знать ваше мнение, – писал он Макарию, епископу Иерусалимскому, – стоит ли обшить потолок панелями или украсить совсем в другом стиле, и если обшить потолок панелями, следует ли украшать его золотом». «Такой выбор, – продолжал он, – требует личного одобрения»¹⁹⁷.

Знаменитые преобразования Константина положили начало новой главе в истории Римской империи. Хотя христианство и не стало государственной религией, послабления ограничений и наказаний открыли новые возможности для новой веры. Это были отличные новости для христиан на Западе, но привело к катастрофе для христианства на Востоке. Хотя Константин начал с постепенного обращения, при этом он использовал монеты с языческими изображениями и возвел в новом городе статую, изображающую его как Гелиоса-Аполлона, очень скоро он стал жестче¹⁹⁸. Вскоре он стал представлять себя как защитника христианства повсюду, за пределами Римской империи в том числе.

В 330-х годах стали распространяться слухи о том, что Константин собирается напасть на Персию, пользуясь тем, что при римском дворе просил политического убежища недовольный шахом его брат. Должно быть, персы сильно перенервничали, когда получили письмо от Константина, в котором говорилось, что он был очень рад узнать, что в «самых прекрасных провинциях Персии живет огромное количество людей, от имени которых я говорю; я имею в виду христиан». Правителю Персии Шапуру II он послал отдельное послание: «Я вверяю этих людей вам и вашей защите... относитесь к ним с добротой, и вы поймете, что их непоколебимая вера принесет пользу как вам, так и нам»¹⁹⁹. Это должно было стать добрым советом, но прозвучало как угроза.

¹⁹⁵ *Codex Theodosianus*, tr. C. Pharr, *The Theodosian Code and Novels and the Simondian Constitutions* (Princeton, 1952), 15.12, p. 436.

¹⁹⁶ Eusebius, *Bios tou megalou Konstantinou*, 3.27–8, p. 96.

¹⁹⁷ Там же, 3.31–2, p. 99.

¹⁹⁸ P. Sarris, *Empires of Faith* (Oxford, 2012), p. 22–23.

¹⁹⁹ Eusebius, *Vita Constantini*, 4.13, p. 125; перевод в Dodgeon and Lieu (eds), *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars A. D. 226–363: A Documentary History* (London, 1991), p. 152. Даты см. в G. Fowden, *Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity* (Princeton, 1993), pp. 94–99.

Незадолго до этого Рим раздвинул свои границы далеко в глубь персидской территории, и чтобы защитить новые приобретения, там были построены фортификационные сооружения и дороги²⁰⁰.

Когда царь Грузии, еще одного кавказского государства, имеющего коммерческую и стратегическую ценность, решился на крещение, которое, конечно же, было гораздо менее красочным, чем крещение Константина (царь просто узрел свет после того, как тьма поглотила его на охоте), беспокойство превратилось в панику²⁰¹. Воспользовавшись отсутствием Константина на Дунае, Шапур II предпринял внезапную атаку на Кавказе, сместив местного правителя и посадив на его место своего человека. Константин ответил незамедлительно и жестоко. Он собрал огромную армию и велел епископам сопровождать его. Была изготовлена точная копия Скинии, которая использовалась для размещения Ковчега Завета. Затем он объявил, что хочет провести карательную операцию в Персии и креститься в реке Иордан²⁰².

Амбиции Константина не имели пределов. Он заранее отчеканил новые монеты, давая своему племяннику новый королевский титул – правитель Персии²⁰³. После того как было перехвачено письмо Афрата, главы одного из крупных храмов возле Мосула, христианский мир всколыхнулся: «Благодать снизошла на людей божьих». Именно этого он ждал. Похоже, на Востоке могло появиться христианское царство. «Будьте уверены, – писал он в заключении, – чудовище будет убито в предназначенный час»²⁰⁴.

Персы готовились к яростному сопротивлению, и удача повернулась к ним лицом. Еще до начала похода Константин заболел и умер. Шапур II в отместку за агрессию Константина поспешил низвергнуть христианское население Персии в пучину ада. Подстрекаемый верхушкой зороастрийского культа, шах «жаждал крови святых»²⁰⁵. Очень многие стали мучениками, в одном из манускриптов из Эдессы упоминается о казни не меньше, чем шестидцати епископов и пятидесяти священников только в начале V века²⁰⁶. Христиане теперь рассматривались как пятая колонна, которая должна была открыть путь Римской империи в Персию с западной стороны. Епископов обвинили в подстрекательстве последователей шаха и его народа к бунту против царя, чтобы потом превратить их в рабов императора, который разделяет их веру²⁰⁷.

Кровавая баня стала результатом принятия Римом христианства. Гонения, учиненные шахом, напрямую были связаны с тем, что Константин продвигал Римскую империю под христианскими лозунгами. Идеи императора впечатляли таких людей, как Афрат, но они были слишком сложны для правителей Персии. До крещения Константина образ Римской империи был достаточно четким. Но теперь император и его последователи стремились защитить не только Рим и его жителей, но и всех христиан в целом. Эту карту можно было удачно разыграть дома, где диалог нужно было вести лишь с епископами и верующими. Для тех же, кто жил за пределами империи, эта идея обернулась сущей катастрофой, и все ее последствия испытали на себе жертвы Шапура II.

²⁰⁰ J. Eadie, 'The Transformation of the Eastern Frontier 260–305', in R. Mathisen and H. Sivan (eds), *Shifting Frontiers in Late Antiquity* (Aldershot, 1996), pp. 72–82; M. Konrad, 'Research on the Roman and Early Byzantine Frontier in North Syria', *Journal of Roman Archaeology* 12 (1999), pp. 392–410.

²⁰¹ Sterk, 'Mission from Below', pp. 10–11.

²⁰² Eusebius, *Vita Constantini*, 5.56, p. 143; 5.62, pp. 145–146.

²⁰³ T. Barnes, 'Constantine and the Christians of Persia', *Journal of Roman Studies* 75 (1985), p. 132.

²⁰⁴ Aphrahat, *Demonstrations*, M. – J. Pierre, *Aphraate le sage person: les exposés* (Paris, 1988–1989), no. 5.

²⁰⁵ J. Walker, *The Legend of Mar Qardagh: Narrative and Christian Heroism in Late Antique Iraq* (Berkeley, 2006), 6, p. 22.

²⁰⁶ См. в целом J. Rist, 'Die Verfolgung der Christen im spätkirchlichen Sasanidenreich: Ursachen, Verlauf, und Folgen', *Oriens Christianus* 80 (1996), pp. 17–42. Доказательства не без проблем интерпретации – S. Brock, 'Saints in Syriac: A Little-Tapped Resource', *Journal of East Christian Studies* 16.2 (2008), pp. 184–186.

²⁰⁷ J. Wiesehöfer, *Ancient Persia, 500 BC to 650 AD* (London, 2001), p. 202.

Парадоксально: Константин известен тем, что заложил основы христианства в Европе, однако нигде никогда не упоминается, какую цену пришлось заплатить, чтобы упасть в объятия новой религии. Будущее христианства на Востоке оказалось под угрозой. Вопрос заключался в следующем: сможет ли учение Христа пережить испытание, с которым ему пришлось столкнуться в Азии?

3. Путь к христианскому Востоку

С течением времени напряжение между Римом и Персией поутихло, и вместе с тем смягчилось отношение к религии. Это произошло потому, что в IV веке Рим был вынужден постоянно отступать и сражаться за выживание. В ходе целой серии кампаний, которые продолжались до самой смерти Шапура II в 379 году, Персии удалось занять ключевые позиции на торговых и коммуникационных путях, проходящих по Средиземноморью. Нусайбин и Синагра были восстановлены, а большая часть Армении – аннексирована. Хотя такая территорияальная перетряска способствовала тому, что враждебность поутихла, по-настоящему отношения Рима и Персии улучшились только тогда, когда они столкнулись с новыми испытаниями: беда надвигалась со стороны степи.

Начал меняться весь мир. В Европе это выразилось в том, что поднялся уровень моря, а в районе Северного моря разразилась эпидемия малярии. В Азии в начале IV века резко понизилось содержание соли в Аральском море, практически сменилась растительность степи (это стало понятно при изучении пыльцы в высоком разрешении), а движение льдов на Тянь-Шане привело к глобальным климатическим изменениям²⁰⁸.

Исходя из письма согдийского купца начала IV века, найденного недалеко от Дуньхуана на западе Китая, последствия были разрушительными. Торговец поведал коллегам, что продовольствия крайне мало, наступил голод, в результате торговцы понесли большой урон, который сложно описать словами. Такая ситуация наблюдалась по всему Китаю.

Император поджег дворец и сбежал из столицы, в то время как согдийские торговые общины вымерли, в основном от голода. «Не стоит даже и пытаться здесь торговать, – советовал автор, – здесь вам негде извлечь прибыль». По его свидетельству, города подвергались разграблению один за другим. Ситуация все больше напоминала конец света²⁰⁹.

Хаос создал прекрасные условия для объединения различных племен степняков. Эти люди населяли земли, связывающие Монголию с равнинами Центральной Европы, где власть определялась контролем над пастбищами и запасами свежей воды. В то время одно племя позиционировало себя как хозяев степи, сокрушая все на своем пути. Согдийские купцы называли архитекторов апокалипсиса – хунн. Это было племя хунну, более известное на Западе как гунны²¹⁰.

Примерно между 350 и 360 годами большая волна степняков покинула свои земли и двинулась на запад. По большей части это обосновывалось сменой климата, которая делала жизнь в степи исключительно суровой, полной борьбы и испытаний. Последствия ощущались от Бактрии на севере Афганистана до самой границы Рима в районе Дуная, где в больших количествах стали собираться беженцы, которые умоляли позволить им поселиться на имперских землях после того, как по мере продвижения гуннов их согнали с земель к северу

²⁰⁸ O. Knottnerus, 'Malaria in den Nordseemarschen: Gedanken über Mensch und Umwelt', in M. Jakubowski-Tiessen and J. Lorenzen-Schmidt, *Dünger und Dynamit: Beiträge zur Umweltgeschichte Schleswig-Holsteins und Dänemarks* (Neumünster, 1999), pp. 25–39; P. Sorrel et al., 'Climate Variability in the Aral Sea Basin (Central Asia) during the Late Holocene Based on Vegetation Changes', *Quaternary Research* 67.3 (2007), pp. 357–370; H. Oberhänsli et al., 'Variability in Precipitation, Temperature and River Runoff in W. Central Asia during the Past ~2000 Yrs', *Global and Planetary Change* 76 (2011), pp. 95–104; O. Savoskul and O. Solomina, 'Late-Holocene Glacier Variations in the Frontal and Inner Ranges of the Tian Shan, Central Asia', *Holocene* 6.1 (1996), pp. 25–35.

²⁰⁹ N. Sims-Williams, 'Sogdian Ancient Letter II', in A. Juliano and J. Lerner (eds), *Monks and Merchants: Silk Road Treasures from Northern China: Gansu and Ningxia 4th–7th Century* (New York, 2001), pp. 47–49. Также см. F. Grenet and N. Sims-Williams, 'The Historical Context of the Sogdian Ancient Letters', *Transition Periods in Iranian History, Studia Iranica* 5 (1987), pp. 101–122; N. Sims-Williams, 'Towards a New Edition of the Sogdian Letters', in E. Trembert and E. de la Vaissière (eds), *Les Sogdiens en Chine* (Paris, 2005), pp. 181–193.

²¹⁰ E. de la Vaissière, 'Huns et Xiongnu', *Central Asiatic Journal* 49.1 (2005), pp. 3–26.

от Черного моря. Ситуация очень быстро приобрела угрожающую нестабильность. Внушительная армия римлян, которая была призвана восстановить порядок, была разбита на равнинах Фракии в 378 году. Среди многочисленных жертв оказался и император Валент²¹¹. Оборона была прорвана, и степные племена ринулись в западные провинции империи, угрожая Риму. Ранее считалось, что земли у северной губы Черного моря и степи, простирающиеся далеко в глубь Азии, – сугубо варварские территории, где живут свирепые варвары и совершенно нет цивилизации и ресурсов. Римлянам и в голову не могло прийти использовать эти земли для создания артерий, которые бы соединяли Запад и Восток через Персию и Египет. Эти регионы специализировались на доставке в самое сердце Европы смерти и разрушения.

Персия также дрожала перед лицом степного катаклизма. Ее восточные провинции первыми сдались под натиском, города были опустошены, важные ирригационные системы пришли в упадок и были разрушены в ходе налетов²¹². Нападения через Кавказ были ужасающими, и в итоге из городов Месопотамии, Сирии и Малой Азии потянулись пленные и военные трофеи.

В 395 году в результате масштабной атаки были полностью опустошены города Тигра и Евфрата. Волна прошла до самого Ктесифона, столицы империи Сасанидов, и только тогда была отброшена²¹³.

Объединенные общим интересом отбросить орду варваров, Персия и Рим создали союз. Чтобы помешать кочевникам пройти через Кавказ, была построена внушительная стена длиной около 125 миль от Каспийского до Черного моря. Стена защищала Персию от посягательств и служила физическим барьером между миром порядка на юге и миром хаоса на севере. По всей длине стены были равномерно расположены форты, к тому же ее дополнительно защищал пятнадцатифутовый ров. Эта стена представляла собой чудо архитектурной мысли. Она была сложена из стандартизированных кирпичей, изготовленных в десятке печей, установленных тут же на месте. Сооружение было возведено при помощи 30 000 рабочих, которых разместили в гарнизонах, находящихся за стеной²¹⁴. Барьер был всего лишь одним из многих инновационных шагов, предпринятых Сасанидами, чтобы защитить северную границу Персии, а также уязвимые торговые точки, такие как Мерв. Эта локация стала бы первой жертвой при атаке через пустыню Каракумы (современный Туркменистан)²¹⁵.

Рим согласился не только оказывать финансовую поддержку при постройке персидской стены, но и поставлять солдат для ее защиты²¹⁶. В знак того, что в прошлом соперничество было довольно односторонним, император Гонорий в Константинополе назначил опекуном своего сына и наследника самого шаха²¹⁷.

Однако к тому времени для Рима было уже слишком поздно. Смещение диспозиции в степи к северу от Черного моря создало идеальный шторм, который привел к тому, что

²¹¹ P. Heather, *Empires and Barbarians* (London, 2009), pp. 151–188; A. Poulter, 'Cataclysm on the Lower Danube: The Destruction of a Complex Roman Landscape', in N. Christie (ed.), *Landscapes of Change: Rural Evolutions in Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Aldershot, 2004), pp. 223–254.

²¹² См. F. Grenet, 'Crise et sortie de crise en Bactriane-Sogdiane aux IVe – Ve s de n.è.: de l'héritage antique à l'adoption de modèles sassanides', in *La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti dei Convegni Lincei* 127 (Rome, 1996), pp. 367–390; de la Vaissière, *Sogdian Traders*, pp. 97–103.

²¹³ G. Greatrex and S. Lieu, *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, Part II, AD 363–630* (London, 2002), pp. 17–19; O. Maenchen-Helfen, *The World of the Huns* (Los Angeles, 1973), p. 58.

²¹⁴ Ученые долго спорили о датировании этого строения, J. Nokandeh et al., 'Linear Barriers of Northern Iran: The Great Wall of Gorgan and the Wall of Tammishe', *Iran* 44 (2006), pp. 121–173.

²¹⁵ J. Howard-Johnston, 'The Two Great Powers in Late Antiquity: A Comparison', in A. Cameron, G. King and J. Haldon (eds), *The Byzantine and Early Islamic Near East*, 3 vols (Princeton, 1992–1996), 3, pp. 190–197.

²¹⁶ R. Blockley, 'Subsidies and Diplomacy: Rome and Persia in Late Antiquity', *Phoenix* 39 (1985), pp. 66–67.

²¹⁷ Greatrex and Lieu, *Roman Eastern Frontier*, pp. 32–33.

граница империи на Рейне была сметена. В результате целой серии рейдов в конце IV века открылся доступ к западным провинциям Рима. Лидеры племен, одерживая победы, поднимали свой авторитет, а также получали богатую добычу. Это привлекало все новых и новых захватчиков, а также давало импульс к новым атакам. В то время как имперская армия старалась сдерживать натиск орды, по империи проходила одна волна за другой, сокрушая ее защиту. Это привело, в частности, к полному опустошению Галии. Ситуация стала еще хуже, когда Аларих, особенно успешный и амбициозный лидер, прошел вместе со своим племенем вестготов через Италию и разбил лагерь у стен Рима, чтобы запугать его жителей и взять город. Пока Сенат предпринимал отчаянные попытки исправить ситуацию, он устал от ожидания и в 410 году штурмовал и разгромил город²¹⁸.

Это событие получило резонанс по всему Средиземноморью. В Иерусалиме известие встретили с недоверием. «Голос дрогнул, и говоривший всхлипнул, – писал Иероним, – город, который покори́л весь мир, был покоре́н... Кто мог бы поверить в такое? Кто мог бы поверить, что Рим, город, который строился столетиями, чтобы покори́ть мир, пал, что мать народов стала могилой?»²¹⁹. Историк Иордан отмечал, оглядываясь назад на столетие, что по крайней мере город не был сожжен²²⁰.

Сожжен или нет, в любом случае западная часть Римской империи распалась. Вскоре Испания была разорена племенами аланов, родина которых находилась между Каспийским и Черным морем. Упоминания о них появились около двух столетий назад, когда они торговали соболями с китайцами²²¹. Еще одно племенное объединение – вандалы, которые были вытеснены гуннами, к 420 году добралось до римской Северной Африки и взяло под контроль стратегически важный город Карфаген, а также близлежащие провинции, которые снабжали большую часть империи кукурузой²²².

Как будто неприятностей было недостаточно, в середине V века племена тервингов, готов, аланов, вандалов, свевов, гепидов, неуров, бастарнов и многие другие, не говоря уже о гуннах, вошли в Европу под предводительством самого знаменитого лидера поздней античности – Атилы²²³. Появление гуннов вызвало ужас. Это «семя зла», писал один из римских авторов, они «особенно дикие». С самого детства они были натренированы существовать в условиях сильного холода, голода и жажды, они одевались в одежду из сшитых между собой шкурок мышей, они ели коренья и сырое мясо, лишь немного согретое между их бедер²²⁴. «Их совершенно не интересовало сельское хозяйство, – как отмечал другой автор, – все, что они хотели – воровать у своих соседей и поработать их: они были похожи на волков»²²⁵. Гунны шрамировали щеки новорожденных мальчиков, чтобы предотвратить рост волос на лице. Они так много времени проводили верхом, что их тела деформировались, выглядели гротескно, они были похожи на животных, стоящих на задних лапах²²⁶.

²¹⁸ См. Heather, *Fall of the Roman Empire*, pp. 191–250.

²¹⁹ St Jerome, 'Ad Principiam', *Select Letters of St Jerome*, ed. and tr. F. Wright (Cambridge, MA, 1933), 127, p. 462.

²²⁰ Jordanes, *Getica*, 30, in *Iordanis Romana et Getica*, ed. T. Mommsen (Berlin, 1882), pp. 98–99.

²²¹ J. Hill, *Through the Jade Gate to Rome: A Study of the Silk Routes during the Late Han Dynasty, 1st to 2nd Centuries CE: An Annotated Translation of the Chronicle of the 'Western Regions' from the Hou Hanshu* (Charleston, NC, 2009).

²²² Sarris, *Empires of Faith*, pp. 41–43.

²²³ В документе начала четвертого века перечисляются племена, которые влились в Римскую империю, см. A. Riese (ed.), *Geographi latini minores* (Hildesheim, 1964), pp. 1280–1289. Другие примеры см. Sidonius Apollinaris, 'Panegyric on Avitus', in *Sidonius Apollinaris: Poems and Letters*, ed. and tr. W. Anderson, 2 vols (Cambridge, MA, 1935–1956), 1, p. 146.

²²⁴ Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum Libri XXX*, 31.2, 3, p. 382.

²²⁵ Priscus, *Testimonia*, fragment 49, ed. and tr. R. Blockley, *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus, and Malchus*, 2 vols (Liverpool, 1981–1983), 2, p. 356.

²²⁶ Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum Libri XXX*, 31.2, 3, p. 380.

Несмотря на то что было бы очень заманчиво не принимать во внимание их фанатизм, результаты изучения костных останков показывают, что гунны практиковали искусственную деформацию черепа у своей молодежи при помощи бандажа, который сглаживал лобную и затылочную доли черепа. Это приводило к тому, что форма головы становилась конической. Ужас наводило не только поведение гуннов, но и их внешность²²⁷.

Появление гуннов подвергло серьезной опасности восточную часть Римской империи, которая до этого была относительно защищена от набегов и разрушений, с которыми столкнулась Европа. Провинции Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта, в том числе и прекрасный Константинополь все еще были целы. Ни на что не надеясь, император Феодосий II окружил город огромным количеством стен, чтобы защитить его от нападения.

Эти стены и узкая полоска воды, отделяющая Европу от Азии оказались решающим фактором. Добравшись до северной части Дуная, Атила в течение пятнадцати лет опустошал Балканы, получая из Константинополя солидную дань в обмен на обещание не продвигаться дальше. Выжав из имперских властей все возможные ресурсы, он двинулся дальше на запад. В конце концов, его продвижение было остановлено не римской армией, а коалицией многочисленных давних врагов гуннов. Во время битвы на Каталунской равнине (сейчас это Центральная Франция) в 451 году Аттиле было нанесено поражение превосходящими силами народов степи. Вскоре после этого вождь гуннов умер во время брачной ночи, далеко не первой. Как вспоминал один из современников, после чрезмерного празднования он «лег, сморенный вином и сном», у него случилось кровоизлияние в мозг, и он умер во сне. «Таким образом, пьянство положило позорный конец царю, завоевавшему славу в битвах»²²⁸.

Сейчас модно говорить об эпохе перемен и непрерывности событий после разграбления Рима, а не описывать этот период как Темные века. Как, однако, отмечает один из ученых, влияние изнасилований, грабежей и анархии, которыми ознаменовался V век, когда готы, аланы, вандалы и гунны проходили по Европе и Северной Африке, сложно недооценить. Резко упал уровень грамотности, исчезло большое количество построек из камня, что является явным признаком упадка благосостояния и амбиций. Если раньше торговля шла даже между фабриками Туниса, которые поставляли керамику, и островом Айона в Шотландии, то теперь приходилось довольствоваться только местной торговлей, которая включала в себя только обмен мелкими товарами. Как показал замер количества загрязнений в полярных льдах Гренландии, объем выплавки металлов упал до уровня доисторических времен²²⁹.

Современники отчаянно пытались понять смысл творящегося вокруг крушения мирового порядка. «Почему (Бог) позволяет нам быть слабее и несчастнее, чем все эти племенные народы, – взывал христианский писатель V века Сальвиан. – Почему он позволил варварам завоевать нас? Почему он позволяет нашим врагам управлять нами?» Заключение, к которому он пришел, совсем простое: люди грешили, и Господь наказал их²³⁰. Другие авторы пришли к противоположным выводам. Как отмечал Зосима, византийский историк, который и сам был язычником, Рим правил миром, когда был верен своим языческим корням, когда же он отверг свою суть и обратился в новую веру, то сам стал творцом своего конца. И это, по его словам, не предположение, а факт²³¹.

²²⁷ D. Pany and K. Wiltshcke-Schrotta, 'Artificial Cranial Deformation in a Migration Period Burial of Schwarzenbach, Central Austria', *VIAVIAS* 2 (2008), pp. 18–23.

²²⁸ Priscus, *Testimonia*, fragment 24, 2, pp. 316–317. Об успехе гуннов см. Heather, *Fall of the Roman Empire*, pp. 300–348.

²²⁹ B. Ward-Perkins, *The Fall of Rome and the End of Civilization* (Oxford, 2005), p. 91ff.

²³⁰ Salvian, *Œuvres*, ed. and tr. C. Lagarrigue, 2 vols (Paris, 1971–1975), 2, 4.12. Перевод из E. Sanford (tr.), *The Government of God* (New York, 1930), p. 118.

²³¹ Zosimus, *Historias Neas*, ed. and tr. F. Paschoud, *Zosime, Histoire nouvelle*, 3 vols (Paris, 2000) 2.7, 1, pp. 77–79.

Падение Рима позволило христианам в Азии вздохнуть свободнее. Перед лицом опасности со стороны степи отношения с Персией улучшились. Христиане больше не выглядели угрожающе. Они были уже не столь убедительны, как столетие назад, когда Константин готовился напасть на Персию и освободить христиан. В 410 году по инициативе шаха Йездигерда I был проведен ряд встреч для того, чтобы определить статус христианской церкви в Персии и стандартизировать религиозные убеждения.

Здесь, так же как и на Западе, появились разные точки зрения относительно того, что имел в виду Иисус, как должны жить верующие и как они должны проявлять и исповедовать свою веру. Как уже отмечалось ранее, даже тексты Кирдира III века говорят о двух типах христиан – назарянах и христианах. Обычно под этими терминами понимались местные христиане, которые обратились к вере, и те, кто был выслан с территории Римской империи. Различия в обрядах и доктринах были постоянным источником проблем. И это неудивительно, учитывая, что в таких местах, как Рев-Ардашир в Фарсе, на юге Ирана, было две церкви, одна из которых проводила службы на греческом языке, а другая – на сирийском. Нередко соперничество перерастало в физическое насилие. Так, например, в городе Сузы (сейчас это юго-запад Ирана) соперничающие между собой епископы пытались свести счеты с помощью поединка²³². Усилия, предпринятые епископом Селевкии, одного из важнейших городов Персии, Ктесифона, направленные на установление порядка и единства всей христианской общины, были признаны неэффективными, а результаты удручающими²³³.

При условии, что шанс на спасение основывается на правильном вероисповедании, сглаживание всех противоречий раз и навсегда – чрезвычайно важный вопрос, который пытались решить отцы-основатели церкви с самого начала ее существования²³⁴. «Я повторяю еще раз то, что говорил ранее, – обращался апостол Павел к галатам, – если кто проповедует Евангелие не в том варианте, в каком получили вы, пусть он будет изгоем!» (Гал 1:9). В этом контексте все тексты Евангелия должны буквально «нести благую весть», чтобы разъяснить, кто есть сын божий, чему именно он учил, и систематизировать религиозные убеждения²³⁵.

Для того чтобы положить конец спорам, которые так беспокоили раннюю христианскую церковь на Западе, император Константин в 325 году созвал собор в Никее. На собор съехались епископы со всей империи. Приверженцы соперничающих интерпретаций, касающихся взаимоотношений Отца и Сына, одного из самых горячих вопросов, должны были решить свои разногласия. Собор рассмотрел вопросы структуры церкви, установил точную дату Пасхи и кодифицировал постулаты веры, которые до сих пор действуют в христианской церкви, принял Никейский символ веры. Константин был решительно настроен положить конец расколу и подчеркивал важность единства²³⁶.

Епископы из Персии и других регионов за пределами Римской империи не были приглашены на собор в Никее. В Персии в 410 и 424 годах были проведены свои соборы. На них еще раз была предпринята попытка решить вопросы, ответы на которые пытались найти западные коллеги. Эти встречи состоялись при поддержке шаха, которого в одном из источников описывали как «победоносного царя царей, на которого полагается церковь». Шах,

²³² Asmussen, 'Christians in Iran', pp. 929–930.

²³³ S. Brock, 'The Church of the East in the Sasanian Empire up to the Sixth Century and its Absence from the Councils in the Roman Empire', *Syriac Dialogue: First Non-Official Consultation on Dialogue within the Syriac Tradition* (Vienna, 1994), 71.

²³⁴ A. Cameron and R. Hoyland (eds), *Doctrine and Debate in the East Christian World 300–1500* (Farnham, 2011), p. xi.

²³⁵ W. Barnstone, *The Restored New Testament: A New Translation with Commentary, Including the Gnostic Gospels of Thomas, Mary and Judas* (New York, 2009).

²³⁶ N. Tanner, *The Decrees of the Ecumenical Councils*, 2 vols (Washington, DC, 1990), 1; A. Cameron, *The Later Roman Empire, AD 284–430* (London, 1993), pp. 59–70.

как и Константин, хотел получать выгоду от поддержки христианских общин, а не вмешиваться в их разборки²³⁷.

Источники, содержащие результаты обсуждений, не очень надежны и отражают последующую борьбу между престолом и клириками. Тем не менее сама организация церкви говорит о том, что важные решения все-таки были приняты. Якобы было решено, что архиепископ Селевкии Ктесифон должен «возглавлять нас и править всеми нами и всеми братьями епископами по всей (персидской) империи» (хотя и наблюдались значительные разногласия и неприязнь)²³⁸. В рамках соборов обсуждался важный вопрос о механике работы и должностных назначениях, чтобы избежать двойной иерархии в тех местах, в которых проживали представители противоборствующих воззрений.

Были определены даты важных церковных праздников и в то же время постановлено, что обычную практику обращения к «западным епископам» за советом и покровительством пора прекратить, так как это подрывает авторитет руководства церкви на Востоке²³⁹. Наконец, символ веры и каноны собора в Никее были приняты наряду с другими соглашениями, которые были достигнуты в ходе последующих сборов западных синодов в промежуточный период²⁴⁰.

Это должен был быть решающий момент, когда мышцы и мозг христианской религии должны были соединиться и образовать единый организм, простирающийся от Атлантики до Гималаев, с двумя полностью функционирующими руками с центрами в Риме и Персии – двумя великими империями поздней античности, работающими синхронно. При имперской поддержке в Риме и все более возрастающей поддержке персидских властей была заложена мощная основа, опираясь на которую христианство могло стать доминирующей религией не только в Европе, но и в Азии. Однако вместо этого вспыхнули внутренние распри.

Те епископы, которые считали, что эти попытки подрывают устои христианства, обвиняли церковное руководство не только в том, что его представители недостаточно образованы, но и в том, что они не были должным образом рукоположены. Затем начались проблемы, вызванные внезапной вспышкой воинственности христиан. Некоторые зороастрийские храмы огня были разгромлены. Это, в свою очередь, поставило шаха перед необходимостью поиска компромисса. Ему пришлось занять не ту позицию, которую диктовала его вера, а ту, которой придерживалась аристократия. И это нанесло мощный удар по христианству. Вместо того чтобы войти в золотой век, христианская церковь снова впала в немилость и ее последователей стали преследовать²⁴¹.

Яростные споры клириков были характерны для раннего периода становления христианской церкви. Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский IV века и один из лучших ученых раннехристианского периода, описал, как на него наорали его противники. «Недоброжелатели кричали как гигантская стая ворон», – писал он. Когда они накинулись на него, создалось впечатление, что он попал в центр песчаной бури или же подвергся нападению животных: «Они похожи на рой ос, летящих в лицо»²⁴².

²³⁷ См. P. Wood, *The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq* (Oxford, 2013), pp. 23–24.

²³⁸ S. Brock, 'The Christology of the Church of the East in the Synods of the Fifth to Early Seventh Centuries: Preliminary Considerations and Materials', in G. Dagras (ed.), *A Festschrift for Archbishop Methodios of Thyateira and Great Britain* (Athens, 1985), pp. 125–142.

²³⁹ Baum and Winkler, *Apostolische Kirche*, pp. 19–25.

²⁴⁰ Synod of Dadjesus, *Synodicon orientale, ou Recueil de synods nestoriens*, ed. J. Chabot (Paris, 1902), pp. 285–298; Brock, 'Christology of the Church of the East', pp. 125–142; Brock, 'Church of the East', pp. 73–74.

²⁴¹ Wood, *Chronicle of Seert*, pp. 32–37.

²⁴² Gregory of Nazianzus, *De Vita Sua*, in D. Meehan (tr.), *Saint Gregory of Nazianzus: Three Poems* (Washington, DC, 1987), pp. 133–135.

Момент для разлада был выбран неудачно. Горькая вражда назревала уже некоторое время между Нестором, патриархом Константинопольским, и Кириллом, патриархом Александрийским, по вопросам божественной и человеческой природы Иисуса. Такие дебаты велись далеко не всегда честно. Кирилл был прирожденным политиком, безжалостным в своих методах. Для достижения победы и отстаивания своих позиций он щедро давал взятки влиятельным лицам и их женам в виде богатых ковров, кресел из слоновой кости, дорогих скатертей и денег²⁴³.

Некоторые клирики решили, что сам спор и методы решения вопроса сбивают с толку. Они считали, что проблема кроется в некачественном переводе с греческого на сирийский термина, описывающего воплощение. Хотя по большей части спор касался борьбы за власть между церковными иерархами и авторитета, который автоматически получит тот, чья доктрина будет принята. Столкновение произошло при обсуждении статуса Богородицы. По мнению Нестора, ее следовало называть не так (та, что носит Бога), а дать ей имя Христотокос (та, что носит Христа). Это подчеркивало бы человеческую сущность Иисуса²⁴⁴.

Пережитый и побежденный Кириллом, Нестор был низложен. Это сильно дестабилизировало церковь. Епископы поспешно меняли точку зрения, склоняясь как в одну, так и в другую сторону. Решения, принятые на одном соборе, могли быть оспорены на следующем. Противники активно лоббировали свои интересы. Значительная часть споров касалась двойной природы Иисуса Христа – божественной и человеческой, а именно того, как связаны эти две составляющие его сущности. Точные взаимоотношения Иисуса и Бога также были предметом ожесточенных споров: был ли Иисус творением господина и подчинялся ему, или был его проявлением, соответственно, равным ему и таким же вечным. Ответы на эти вопросы были изложены на соборе в Халкидоне в 451 году, там же было установлено правильное определение веры, которое должно было использоваться по всему христианскому миру. Любой, кто был не согласен с таким решением, тут же отлучался от церкви²⁴⁵. Реакция восточной церкви была яростной.

По мнению восточных епископов, это новое учение было не только неверным, но и буквально еретическим. Поэтому был разработан измененный «символ веры», который четко разделял божественную и человеческую натуру Иисуса. Всем, кто «исповедовал другую точку зрения, что страдания определили божественную сущность Иисуса», угрожали вечным проклятием²⁴⁶. В спор оказался втянут император.

Он закрыл школу в Эдессе, которая стала центром христианского Востока. Здесь пользовались текстами о жизни святых не только на сирийском языке, но и на арамейском диалекте, который был в ходу в Эдессе, и на ряде других языков, например персидском и согдийском²⁴⁷. В отличие от Средиземноморья, где языком христиан был греческий, на Востоке с самого начала церковь понимала, что, если она хочет привлечь новых адептов, ее материалы должны быть понятны и доступны различным слоям населения.

Закрытие школы в Эдессе только усугубило разлад между западной и восточной церквями, во многом из-за того, что большая часть ученых была изгнана с территории империи и

²⁴³ Св. Кирилл Александрийский, письмо Павлу Префекту, in J. McEnerney (tr.), *Letters of St Cyril of Alexandria*, 2 vols (Washington, DC, 1985–1987), 2, 96, pp. 151–153.

²⁴⁴ S. Brock, 'From Antagonism to Assimilation: Syriac Attitudes to Greek Learning', in N. Garsoian, T. Mathews and T. Thomson (eds), *East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period* (Washington, DC, 1982), pp. 17–34; также то же самое – 'Christology of the Church of the East', pp. 165–173.

²⁴⁵ R. Norris, *The Christological Controversy* (Philadelphia, 1980), pp. 156–157.

²⁴⁶ Brock, 'Christology of the Church of the East', pp. 125–142; также см. Baum and Winkler, *Apostolische Kirche*, pp. 31–34.

²⁴⁷ F.-C. Andreas, 'Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen aus der Sassanidenzeit', *Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften* (1910), pp. 869–872; J. Asmussen, 'The Sogdian and Uighur-Turkish Christian Literature in Central Asia before the Real Rise of Islam: A Survey', in L. Hercus, F. Kuiper, T. Rajapatirana and E. Skrzypczak (eds), *Indological and Buddhist Studies: Volume in Honour of Professor J. W. de Jong on his Sixtieth Birthday* (Canberra, 1982), pp. 11–29.

им пришлось искать убежища в Персии. С течением времени это стало настоящей проблемой, так как император в Константинополе, по общему мнению, должен был поддерживать православную доктрину и расправляться с девиантными и еретическими учениями. В 532 году после периода нестабильности и конфликтов на Кавказе был заключен мирный договор с Персией. Один из его пунктов гласил: персидские чиновники должны были следить за епископами и священниками и брать под стражу тех из них, чьи взгляды не совпадали с принятыми на соборе в Халкидоне и чья деятельность была признана вредоносной римскими властями²⁴⁸.

Примирить две враждующие стороны в рамках религиозного спора – неблагоприятное занятие, и это наглядно продемонстрировал император Юстиниан. Его неоднократно пытались привлечь на свою сторону обе группы участников конфликта. В 553 году был созван Всемирный собор, чтобы после целого периода упреков собрать как можно больше священнослужителей разных рангов и найти путь к решению проблем²⁴⁹. Тексты, написанные после смерти Юстиниана, показывают, что его попытки найти точки соприкосновения были замечены: «Посеяв всюду, где только можно, смуту, при завершении жизни он перешел в самое ужасное место для отбывания наказаний – в ад»²⁵⁰. Другие императоры, стремясь заглушить какофонию упреков, просто запретили обсуждение религиозных проблем²⁵¹.

В то время как западная церковь была одержима искоренением неугодных взглядов, восточная решила осуществить одну из самых амбициозных миссионерских программ с далеко идущими планами. По масштабу ее можно сравнить с более поздней евангелизацией Америки и Африки.

Христианство распространилось еще на два региона абсолютно без всякой политической поддержки. Перечень мучеников в южной части Аравийского полуострова показывает, насколько далеко протянулись шупальца этой религии, а также доказывает тот факт, что король Йемена стал христианином²⁵². Когда в 550 году грекоговорящий путешественник посетил Шри-Ланку, он обнаружил там сложившуюся общину христиан под руководством священнослужителей, назначаемых «из Персии»²⁵³.

К большому удивлению чиновников из Константинополя, прибывших за заложниками в рамках мирного соглашения, они обнаружили у некоторых степняков на лбу изображение креста черного цвета. Христианство дошло даже до кочевых народов степи. На вопрос, как же это произошло, они ответили, что, когда на их земли пришла чума, несколько христиан, которые оказались среди них, предложили сделать это (для получения божественной защиты) и с тех пор на их земле царит спокойствие²⁵⁴.

²⁴⁸ Sarris, *Empires of Faith*, p. 153.

²⁴⁹ О совете 553 – R. Price, *The Acts of the Council of Constantinople of 553: Edited with an introduction and notes*, 2 vols (Liverpool, 2009). Сирийский текст с переводом – S. Brock, 'The Conversations with the Syrian Orthodox under Justinian (532)', *Orientalia Christiana Periodica* 47 (1981), pp. 87–121, и S. Brock, 'Some New Letters of the Patriarch Severus', *Studia Patristica* 12 (1975), pp. 17–24.

²⁵⁰ Evagrius Scholasticus, *Ekklesiastike historia*, 5.1, *Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus*, tr. M. Whitby (Liverpool, 2005), p. 254.

²⁵¹ О компиляции текстов и датах см. R. Lim, *Public Disputation: Power and Social Order in Late Antiquity* (Berkeley, 1991), p. 227.

²⁵² Sterk, 'Mission from Below', pp. 10–12.

²⁵³ О 300 мучениках Наджрана см. I. Shahid, 'The Martyrdom of Early Arab Christians: Sixth Century Najran', in G. Corey, P. Gillquist, M. Mackoul et al. (eds), *The First One Hundred Years: A Centennial Anthology Celebrating Antiochian Orthodoxy in North America* (Englewood, NJ, 1996), pp. 177–180. О путешествии Козьмы Индикоплова см. S. Faller, *Taprobane im Wandel der Zeit* (Stuttgart, 2000); H. Schneider, 'Kosmas Indikopleustes, Christliche Topographie: Probleme der Überlieferung und Editions-geschichte', *Byzantinische Zeitschrift* 99.2 (2006), pp. 605–614.

²⁵⁴ *The History of Theophylact Simocatta: An English Translation with Introduction and Notes*, ed. and tr. M. Whitby and M. Whitby (Oxford, 1986), 5.10, p. 147.

К середине VI века архиепископства проникли далеко в глубь Азии. В городах Азии, таких как Басра, Мосул и Тикрит, процветало христианское население. Уровень евангелизации был таков, что в городе Кох рядом с Ктесифоном располагалось не менее пяти епархий²⁵⁵. В таких городах, как Мерв, Гундешапур и даже Кашгар, город-оазис, который располагался прямо у «входа» в Китай, архиепископства возникли еще до того, как они появились в Кентербери. Эти города стали крупными христианскими центрами еще до того, как миссионеры добрались до Польши и Скандинавии. Самарканд и Бухара (современный Узбекистан) также стали домом для христианских общин за тысячелетие до того, как христианство добралось до Америки²⁵⁶. На самом деле даже в Средние века в Азии было гораздо больше христиан, чем в Европе²⁵⁷. В конце концов, Багдад находится ближе к Иерусалиму, чем к Афинам, Тегеран ближе к Святой земле, чем Рим, а Самарканд ближе к ней, чем Париж и Лондон. Однако успех христианства на Востоке давно позабыт.

Расширение христианства во многом обусловлено терпением и ловкостью Сасанидов – правителей Персии, которые смогли проводить инклюзивную политику и одновременно усмирить аристократию и зороастрийских священнослужителей. Такой примирительной политики придерживался Хосров I (531–579 годы). Он много общался с иноземными учеными и стал известен в Константинополе как «ценитель литературы и начинающий философ», однако у некоторых авторов это вызывало недоверие. «Мне кажется невероятным, – писал историк Агафий, – что он может быть настолько хорош. У него грубый, примитивный язык, как же он может понять нюансы философии?»²⁵⁸.

Ко второй половине VI века встречи восточной церкви стали начинаться с искренней молитвы о здоровье правителя Персии. Вскоре после этого шах организовал выборы нового патриарха. Он призвал всех епископов прибыть в его владения: «Приезжайте так быстро, как сможете... чтобы выбрать нового лидера и правителя... под его управлением будет каждый алтарь, каждая церковь Господа нашего в империи персов»²⁵⁹. Из гонителя христиан этот представитель династии Сасанидов превратился в их ревностного защитника.

Отчасти это было результатом возрастания уверенности персов, подпитываемой регулярными выплатами со стороны властей Константинополя, военные и политические интересы которых сдвинулись в сторону решения других проблем. Страсти в степи улеглись, и внимание Рима сосредоточилось на стабилизации и восстановлении провинций в Средиземноморье, которые были разгромлены. V и VI века были эпохой роста благосостояния Персии. Религиозная терпимость шла рука об руку с экономическим ростом. В Персии появилось великое множество новых городов. Правительство тратило налоги на развитие в них инфраструктуры²⁶⁰. Обширная ирригационная программа, прежде всего реализуемая в Хузистане и Ираке, в рамках которой строились или значительно удлинялись системы водоснабжения, позволила развивать сельское хозяйство. Разветвленная бюрократическая сеть обеспечивала плавное управление всей Центральной Азией из Леванта²⁶¹. Это был период максимальной централизации государства Сасанидов²⁶².

²⁵⁵ См. Wood, *Chronicle of Seert*, p. 23.

²⁵⁶ B. Spuler, *Iran in früh-Islamischer Zeit* (Wiesbaden, 1952), pp. 210–213; P. Jenkins, *The Lost History of Christianity* (Oxford, 2008), pp. 14, 53; также см. S. Moffett, *A History of Christianity in Asia*, 2 vols (San Francisco, 1998); J. Asmussen, 'Christians in Iran', pp. 924–948.

²⁵⁷ A. Atiya, *A History of Eastern Christianity* (London, 1968), p. 239ff.

²⁵⁸ Agathias, *Historion*, 2.28, *Agathias: Histories*, tr. J. Frendo (Berlin, 1975), p. 77.

²⁵⁹ О молитвах см. Brock, 'Church of the East', p. 76; о выборах – Synod of Mar Gregory I, *Synodicon orientale*, p. 471.

²⁶⁰ T. Daryaee (ed. and tr.), *Šahrestānīhā-ī Ērānšahr: A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic and History* (Costa Mesa, CA, 2002).

²⁶¹ M. Morony, 'Land Use and Settlement Patterns in Late Sasanian and Early Islamic Iraq', in Cameron, King and Haldon, *The Byzantine and Early Islamic Near East*, 2, pp. 221–229; F. Rahimi-Laridjani, *Die Entwicklung der Bewässerungslandwirtschaft im Iran bis Sasanidisch-frühislamische Zeit* (Weisbaden, 1988); R. Gyselen, *La géographie administrative de l'empire sasanide: les*

Контроль достиг такого уровня, что было зафиксировано положение каждого торговца на рынках и базарах Персии. Один из текстов того периода показывает, как были организованы и как регулировались торговые гильдии, а также то, что инспекторы всегда были готовы проконтролировать качество и подсчитать долю выручки, причитающуюся для выплаты в казну²⁶³. Богатство росло, увеличивались масштабы междугородней торговли предметами роскоши. При раскопках было обнаружено огромное количество печатей, использовавшихся для маркировки импортных и экспортных товаров. Также в тот период оформляли соответствующим образом и регистрационные документы, и контракты²⁶⁴. Товары доставляли из Персидского залива, Каспия и Индии, а отправляли в основном в Индию по суше или по морю. Резко возрос уровень обмена с Шри-Ланкой и Китаем, а также с Восточным Средиземноморьем²⁶⁵. Сасаниды обращали пристальное внимание на все, что творилось в их государстве и за его пределами.

Значительную часть торговли регулировали согдийские купцы, знаменитые своими караванами, деловой хваткой и тесными семейными связями, которые позволяли им торговать в основных торговых артериях Центральной Азии, ведущих в Синьцзян и Западный Китай. В начале XX века Аурель Стейн обнаружил интересную подборку писем на сторожевой башне возле Дуньхуана. В них отражены принципы ведения торговли согдийскими купцами, а также перечислены проданные и купленные товары. Кроме всего прочего, в бумагах упоминались золотые и серебряные украшения, такие как заколки для волос, и прекрасно сделанные сосуды, а также пенька, лен, сукно, шафран, перец и камфора. Однако специализировались согдийцы на торговле шелком²⁶⁶. Согдийские купцы стали тем клеем, который соединил города, оазисы и целые регионы. Они сыграли важную роль в том, что китайский шелк попал в Средиземноморье. Там его высоко оценили сам император Рима и местная элита. Точно так же товары двигались в обратном направлении. Монеты, отчеканенные в Константинополе, были найдены по всей Центральной Азии, включая Китай, вместе с предметами престижа: например, серебряный кувшин, на котором изображены сцены Троянской войны, был захоронен в середине VI века со своим могущественным владельцем Ли Сянем²⁶⁷.

Поскольку религии постоянно взаимодействовали, они неизбежно перенимали друг у друга некоторые черты. Хотя отследить такие заимствования очень сложно, можно заметить, что нимб стал общей чертой для индуизма, буддизма, зороастризма и христианства как средство выражения в изобразительном искусстве. Так изображалась связь между земным и божественным, нимб выступал маркером божественного сияния, которое немало значило во

témoignages sigillographiques (Paris, 1989).

²⁶² P. Pourshariati, *Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran* (London, 2009), pp. 33–60. Также см. Z. Rubin, 'The Reforms of Khusro Anushirwān', in Cameron, *Islamic Near East*, 3, pp. 225–297.

²⁶³ A. Taffazoli, 'List of Trades and Crafts in the Sassanian Period', *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* 7 (1974), pp. 192–196.

²⁶⁴ R. Frye, 'Sasanian Seal Inscriptions', in R. Stiehl and H. Stier, *Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben*, 2 vols (Berlin, 1969–1970), 1, pp. 79–84; J. Choksy, 'Loan and Sales Contracts in Ancient and Early Medieval Iran', *Indo-Iranian Journal* 31 (1988), p. 120.

²⁶⁵ Daryaei, 'Persian Gulf Trade', 1–16.

²⁶⁶ E. de la Vaissière, *Histoire des marchands sogdiens* (Paris, 2002), pp. 155–161, 179–231. N. Sims-Williams, 'The Sogdian Merchants in China and India', in Cadonna and L. Lanciotti (eds), *Cina e Iran: da Alessandro Magno alla dinastia Tang* (Florence, 1996), pp. 45–67; J. Rose, 'The Sogdians: Prime Movers between Boundaries', *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 30.3 (2010), 410–419.

²⁶⁷ F. Thierry and C. Morisson, 'Sur les monnaies Byzantines trouvées en Chine', *Revue numismatique* 36 (1994), pp. 109–145; L. Yin, 'Western Turks and Byzantine Gold Coins Found in China', *Transoxiana* 6 (2003); B. Marshak and W. Anazawa, 'Some Notes on the Tomb of Li Xian and his Wife under the Northern Zhou Dynasty at Guyuan, Ningxia and its Gold-Gilt Silver Ewer with Greek Mythological Scenes Unearthed There', *Cultura Antiqua* 41.4 (1989), pp. 54–57.

всех указанных религиях. Прекрасный памятник в Таки-Бустане (современный Ирак) изображает правителя верхом на лошади в окружении крылатых ангелов и с нимбом над головой. Эту сцену узнают последователи всех крупных религий этого региона. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении поз. Буддистская мудра витарка – большой палец одной руки соприкасается с указательным, в то время как остальные пальцы могут быть отставлены, – была перенята другими религиями, чтобы продемонстрировать связь с божественным, и стала особенно популярна среди христианских художников²⁶⁸.

Христианство распространялось по торговым путям, но его успех нельзя назвать неоспоримым. Центр мира всегда был переполнен верованиями, идеями, религиями, которые, с одной стороны, имели нечто общее, а с другой – постоянно сталкивались друг с другом. Борьба за духовное лидерство стала особенно напряженной.

Напряжение в отношениях издавна наблюдалось между христианством и иудаизмом. Лидеры обеих религий стремились максимально отделиться друг от друга. Так, например, христианство в большинстве случаев запрещало браки между родственниками, а дата Пасхи специально была выбрана так, чтобы не совпадать с празднованием праздника Песах²⁶⁹. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, в начале четвертого столетия говорил о том, что литургии должны быть более захватывающими, так как христианам достаточно сложно конкурировать с театральностью синагоги, ее барабанами, лирами, арфами и другими музыкальными инструментами, призванными развлекать во время богослужения, в то время как актеры и танцоры оживляют происходящее²⁷⁰.

Лидеры иудеев, со своей стороны, не питали энтузиазма по поводу новообращенных. «Не верю новообращенным, – заявлял знаменитый раввин Хия Великий, – пока не пройдут двадцать четыре поколения, а до того зло еще сильно в них». «Новообращенные раздражают и досаждают как болячки», – отмечал Хелбо, другой влиятельный раввин²⁷¹. Отношение иудеев к христианам было особенно жестким в Персии, в основном из-за их набегов. Это становится ясно из Вавилонского талмуда – собрания текстов, касающихся интерпретации раввинами законов евреев. В отличие от Палестинского талмуда, в котором Иисус упоминается вскользь, Вавилонское издание демонстрирует крайне неодобрительную позицию касательно христиан. Здесь содержится множество нападок на доктрины, события и персонажей, описанных в Евангелии. Непорочное рождение, например, высмеяли и сравнили с родами у осла, в то время как историю о Воскрешении безжалостно исковеркали. Подробное жизнеописание Иисуса включало пародии на многие сцены из Нового Завета и прежде всего Евангелия от Иоанна. Все это показывает, насколько угрожающие масштабы имело продвижение христианства. Систематически осуществлялись попытки объявить Иисуса лжепророком, а также объявить о законности его распятия и тем самым снять с евреев всю вину и ответственность. Такая бурная реакция была попыткой противостоять успехам христианства, которых оно достигало за счет иудаизма²⁷².

Таким образом, было очень важно, чтобы существовали регионы, в которых преуспевал бы иудаизм. В царстве Химьяр в юго-западной части Аравийского полуострова, там, где

²⁶⁸ D. Shepherd, 'Sasanian Art', in *Cambridge History of Iran*, 3.2, pp. 1085–1086.

²⁶⁹ О Пасхе – Eusebius, *Vita Constantini*, 3.18, p. 90. Примеры законодательства в отношении смешанных браков – *Codex Theodosianus*, 16.7, p. 466; 16.8, pp. 467–468.

²⁷⁰ L. Feldman, 'Proselytism by Jews in the Third, Fourth and Fifth Centuries', *Journal for the Study of Judaism* 24.1 (1993), pp. 9–10.

²⁷¹ Там же, p. 46.

²⁷² P. Schäfer, *Jesus in the Talmud* (Princeton, 2007); P. Schäfer, M. Meerson and Y. Deutsch (eds), *Toledot Yeschu ('The Life Story of Jesus') Revisited* (Tübingen, 2011).

сейчас находятся Саудовская Аравия и Йемен, еврейские общины стали особенно заметны. Это подтвердили недавние находки, сделанные в синагоге IV века в Кане²⁷³.

Действительно, в Химьяре иудаизм был принят в качестве государственной религии. И принят он был с энтузиазмом. К концу V века христиане, включая священников, монахов и епископов, регулярно становились здесь мучениками за веру по приговору совета раввинов²⁷⁴.

Неумелая эфиопская военная экспедиция на побережье Красного моря, проведенная в самом начале VI столетия, целью которой было сместить правителя-иудея и посадить на его место христианскую марионетку, окончилась жестокими репрессиями и попытками уничтожить всех христиан в царстве. Церкви были разрушены и превращены в синагоги. Сотни христиан были арестованы и казнены. Так, например, 200 христиан, которые спрятались в храме, были просто сожжены заживо. Все это было воспринято царем с ликованием. Он разослал множество писем по всей Аравии, радуясь тому, какое страдание он причинил²⁷⁵.

Зороастрийские священники также отреагировали на успехи христиан в империи Сасанидов, особенно после нескольких случаев смены религии правящей элитой. Это выразилось в серии агрессивных нападений на христианские общины, включая случаи мученичества²⁷⁶. В свою очередь, христиане начали распространять истории с моралью. Одной из самых известных стала история о Кардахе, блестящем молодом человеке, который охотился как персидский царь, мог вести дискуссии наравне с греческими философами, но оставил перспективную карьеру губернатора, чтобы принять христианство. Юноша был приговорен к смерти и бежал из плена, но затем увидел сон, смысл которого гласил, что лучше умереть за свою веру, чем сражаться. Его казнь, во время которой его отец бросил в него первый камень, была увековечена в прекрасной, длинной истории, целью которой было воодушевить тех, кто стал бы искать утешения в христианстве²⁷⁷.

Частично успех христианства объясняется энергичной работой евангельской миссии. Энтузиазм ее представителей, правда, был приправлен долей реализма. Тексты, датированные началом VII века, описывают, что священнослужители трудились в поте лица, чтобы согласовать свои идеи с буддистскими, если не в виде выжимки, то по крайней мере в виде отдельных, упрощенных идей. Образ Святого духа, как писал один из миссионеров, добравшихся до Китая, абсолютно соответствовал тому, во что уже верили местные: «Все воплощения Будды витают повсюду вместе с порывами ветра (так же как и Святой дух), и нет в целом мире места, куда ветру нет доступа». Точно так же, продолжал он, Бог отвечал за бессмертие и вечное счастье с сотворения мира. Таким образом, человек всегда будет чтить Будду²⁷⁸. Христианство не просто было совместимо с буддизмом, честно говоря, оно и было буддизмом.

Были предприняты попытки кодифицировать слияние буддистских и христианских идей, создавая новое евангелие, которое было способно просто и доступно объяснить сложные догмы и в то же время содействовало дальнейшему продвижению христианства в Азии. В таком философском подходе проявляется теологическая логика, которую обычно назы-

²⁷³ G. Bowersock, 'The New Greek Inscription from South Yemen', in A. Sedov and J. – F. Salles (eds), *Qāni': le port antique du Ḥaḥramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde: fouilles russes 1972, 1985–1989, 1991, 1993–1994* (Turnhout, 2013), pp. 393–396.

²⁷⁴ J. Beaucamp, F. Briquel-Chatonnet and C. Robin (eds), *Juifs et chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècles: regards croisés sur les sources* (Paris, 2010); C. Robin, 'Joseph, dernier roi de Himyar (de 522 à 525, ou une des années suivantes)', *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 34 (2008), pp. 1–124.

²⁷⁵ G. Bowersock, *The Throne of Adulis: Red Sea Wars on the Eve of Islam* (Oxford, 2013), pp. 78–91.

²⁷⁶ Brock, 'Church of the East', p. 73.

²⁷⁷ Walker, *The Legend of Mar Qardagh*; text, pp. 19–69.

²⁷⁸ Y. Saeki, *The Nestorian Documents and Relics in China* (2nd edn, Tokyo, 1951), pp. 126–127; D. Scott, 'Christian Responses to Buddhism in Pre-Medieval Times', *Numen* 32.1 (1985), pp. 91–92.

вают гностицизмом. Утверждалось, что проповеди должны быть понятны широким слоям населения, в них должны использоваться общедоступные культурные ориентиры и язык, чтобы донести свою мысль²⁷⁹. Неудивительно, что христианство нашло отклик у народа: эти идеи были понятны и знакомы многим.

Другие культы, верования и секты также извлекли из этого пользу. Учение Маздака, харизматичного проповедника, оказалось чрезвычайно популярно в конце V – начале VI века. Конечно же, на его последователей обрушилась резкая критика христиан и зороастрийцев. Мироощущение и практики учения Маздака, начиная с того, что его последователи ели, и заканчивая их предполагаемой приверженностью к групповому сексу, всячески поносили. Кстати, согласно изученным материалам, Маздак проповедовал аскетичный образ жизни, который имел значительные расхождения с буддистским отношением к богатству и хорошо отлаженным христианским аскетизмом²⁸⁰.

В такой конкурентной духовной среде было очень важно защитить свою интеллектуальную и физическую территорию. Китайский путешественник, который проезжал через Самарканд в VI веке, отметил, что местное население очень негативно относится к принятию закона Будды и буквально «огнем» гонит любого буддиста, который захотел бы просить у них убежища²⁸¹. В этом конкретном случае холодная встреча не имела тяжелых последствий. Посетителю было позволено провести встречу, и, в конце концов, благодаря своей харизме, силе убеждения и хорошим аргументам он сумел убедить некоторых жителей обратиться в буддизм²⁸².

Лишь немногие понимали важность обнаружения предметов культа больше, чем буддисты. Еще один китайский паломник, который добрался до Центральной Азии в поисках текстов на санскрите для их дальнейшего изучения, с удивлением смотрел на священные реликвии, которым поклонялось население Балха. Среди них был зуб Будды, лохань, в которой он мылся, и щетка для подметания, сделанная из дерева и декорированная драгоценными камнями²⁸³.

Однако были и более впечатляющие объекты, призванные завоёвывать умы и сердца. Пещерные храмы стали центрами, которые несли духовные послания. То, что они находились на основных торговых путях и совмещали религиозное просвещение с торговлей и туризмом, традиционно умалчивалось. Комплекс в пещерах Элефанта на берегу Мумбаи и пещеры Эллора на севере Индии – прекрасные тому примеры. Украшенные изысканной резьбой и изображениями божеств, они были созданы, чтобы продемонстрировать моральное и теологическое превосходство религии, в данном случае индуизма²⁸⁴.

Здесь наблюдается очевидная параллель с городом Бамиан (на территории современного Афганистана). Он находился на пересечении дорог, соединяющих Индию на юге, Бактрию на севере и Персию на западе. В Бамиане существовал комплекс из 751 пещеры, которые были украшены огромными фигурами Будды²⁸⁵. Две статуи, одна высотой 180 футов, другая, более ранняя, высотой примерно в две трети первой, были вырезаны в камне и стояли в просторных нишах пещер полторы тысячи лет, пока в 2001 году не были разрушены

²⁷⁹ См. E. Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York, 1979); H. – J. Klimkeit, *Gnosis on the Silk Road: Gnostic Texts from Central Asia* (San Francisco, 1993); K. King, *What is Gnosticism?* (Cambridge, MA, 2003).

²⁸⁰ P. Crone, 'Zoroastrian Communism', *Comparative Studies in Society and History* 36.4 (1994), 447–462; G. Gnoli, 'Nuovi studi sul Mazdakismo', in *Convegno internazionale: la Persia e Bisanzio* (Rome, 2004), pp. 439–456.

²⁸¹ Hui Li, *Life of Hiuen-tsang*, tr. Samuel Beal (Westport, CT, 1973), p. 45.

²⁸² Там же, p. 46; R. Foltz, 'When was Central Asia Zoroastrian?', *Mankind Quarterly* (1988), pp. 189–200.

²⁸³ S. Beal, *Buddhist Records of the Western World* (New Delhi, 1969), pp. 44–46.

²⁸⁴ G. Mitchell and S. Johar, 'The Maratha Complex at Ellora', *Modern Asian Studies* 28.1 (2012), pp. 69–88.

²⁸⁵ Раскопки и исследования были проведены в 1970-х годах командами из Японии и Афганистана, см. T. Higuchi, *Japan-Afghanistan Joint Archaeological Survey 1974, 1976, 1978* (Kyoto, 1976–1980).

талибами. Такой всплеск культурной дикости может быть сравним с разрушением религиозных сооружений и артефактов в Британии и Северной Европе в период Реформации²⁸⁶.

Когда мы вспоминаем о Шелковом пути, принято говорить о движении с востока на запад. На самом деле наблюдался значительный интерес в обмене в другую сторону. По крайней мере, так говорится в китайском тексте VII века, полном восхищения. Его автор писал, что Сирия – это место, где производят огнеупорные материалы, восстанавливающий фимиам, яркий лунный жемчуг и блестящие драгоценные камни. Бандитов и грабителей здесь нет, зато люди живут в счастье и покое. Здесь действуют лишь самые эффективные законы, и никто, кроме самых добродетельных граждан, не обретает власть. Земля обширна и плодородна, а литературные произведения, созданные сирийцами, наглядны и понятны²⁸⁷.

К слову, несмотря на жестокую конкуренцию религий, жаждущих быть услышанными, именно христианство постепенно уничтожало традиционные верования, практики и систему ценностей. В 635 году миссия, посланная в Китай, смогла убедить императора изменить точку зрения на эту веру и признать ее законной религией, которая не только не компрометировала сущность имперской власти, но и усиливала ее²⁸⁸.

Примерно в середине VII века казалось, что будущее совершенно ясно. Христианство уверенно распространялось по всей Азии, отесняя зороастризм, иудаизм и буддизм²⁸⁹. В этом регионе различные религии постоянно боролись друг с другом и пытались завладеть вниманием людей. И самой успешной стала та, что зародилась в небольшом городке Вифлиеме²⁹⁰. Учитывая прогресс, который произошел за столетия после распятия Христа Понтием Пилатом, момент, когда христианство достигнет Тихого океана и свяжет Атлантику с Западом, был лишь вопросом времени.

И все же в триумф христианства вмешался случай. В то время уже была заложена база, которая должна была способствовать духовному завоеванию и объединению городов и целых регионов, тому, чтобы христианство охватило целые континенты. И именно в это время разразилась изнурительная война, которая подорвала существующие авторитеты и открыла возможности для появления в игре новых участников. Эффект был сродни тому, как если бы в период поздней античности появился Интернет. Внезапно возник целый поток новых идей, теорий и тенденций, который угрожал подорвать существующий порядок и при этом пользовался всеми благами установленных за столетия связей. Название нового порядка не отражало его революционной сути. Тесно связанный с понятиями безопасности и мира, ислам давал лишь небольшое представление о том, как должен измениться мир. Настало время революции.

²⁸⁶ О датировании комплекса Бамиан с 600 года, см. D. Klimburg-Salter, 'Buddhist Painting in the Hindu Kush c. VIIIth to Xth Centuries: Reflections of the Co-existence of Pre-Islamic and Islamic Artistic Cultures during the Early Centuries of the Islamic Era', in E. de la Vaissière, *Islamisation de l'Asie Centrale: processus locaux d'acculturation du VIIe au XIe siècle* (Paris, 2008), pp. 140–142; также см. F. Flood, 'Between Cult and Culture: Bamiyan, Islamic Iconoclasm, and the Museum', *Art Bulletin* 84.4 (2002), p. 641ff. Информация есть также здесь L. Morgan, *The Buddhas of Bamiyan* (London, 2012).

²⁸⁷ Цитируется по Power, *Red Sea*, p. 58.

²⁸⁸ I. Gillman and H. – J. Klimkeit, *Christians in Asia before 1500* (Ann Arbor, 1999), pp. 265–305.

²⁸⁹ G. Stroumsa, *Barbarian Philosophy: The Religious Revolution of Early Christianity* (Tübingen, 1999), pp. 80, 274–281.

²⁹⁰ J. Choksy, 'Hagiography and Monotheism in History: Doctrinal Encounters between Zoroastrianism, Judaism and Christianity', *Islam and Christian-Muslim Relations* 14.4 (2010), pp. 407–421.

4. Путь к революции

Восход ислама произошел в мире, который пережил столетия смуты, инакомыслия и катастроф. В 541 году, за столетие до того, как пророк Мухаммед начал получать божественные откровения, со стороны Средиземноморья пришла другая угроза. Она надвигалась настолько быстро, что, когда наступила паника, было уже слишком поздно. Не пощадили никого. Уровень смертности был просто нереальным. Согласно одному из современников, который потерял всю свою семью, один из городов на границе Египта был просто стерт с земли. Из большого, оживленного города осталось всего семеро мужчин и один десятилетний мальчик. Двери домов остались открыты, и некому было сторожить золото, серебро и ценные предметы, которые хранились внутри²⁹¹. Основной удар пришелся на города. В середине 540-х годов в Константинополе ежедневно погибали около 10 000 человек²⁹². Пострадала не только Римская империя. До того как города на Востоке были разорены, ужасная катастрофа распространилась по торговым путям, опустошая города Персидской Месопотамии и в конце концов даже Китая²⁹³. Бубонная чума принесла отчаяние и смерть.

Кроме всего прочего, она повлекла за собой экономическую депрессию. С полей исчезли фермеры, из городов – потребители. Поколение резко уменьшилось, что, конечно же, сказалось на демографии поздней античности и вызвало серьезный спад в экономике²⁹⁴. С течением времени все это должно было сказаться на внешней политике римских императоров.

Во время первой части правления Юстиниана (527–565 годы) империя смогла сильно продвинуться в восстановлении провинций на севере Африки и достигнуть значительных успехов в Италии. Таких результатов позволило добиться разумное применение силы вкупе с усилиями, направленными на решение проблем, которые могли возникнуть в любое время и в любом месте обширной империи, включая ее восточную часть. Во время правления Юстиниана достигнуть этого баланса становилось все тяжелее. В основном из-за сокращения рабочей силы, не приносящих результатов военных кампаний, роста цен и соответственно расходов, которые привели к опустошению казны, уже и так истощенной вспышкой чумы²⁹⁵.

Наступил период застоя, и популярность Юстиниана в народе резко упала. Особенно яростная критика обрушилась на него за то, что в попытке купить дружбу соседних государств он тратил много денег и не скупился на обещания. Юстиниан был достаточно глуп, чтобы думать, что «забрать богатства у римлян и отдать варварам – хорошая идея», отмечал Прокопий, видный историк времен правления Юстиниана. Император «не упускал возможности спустить крупную сумму денег на нужды варваров». Как писал Прокопий, денежные средства он отправлял во все концы – на север, юг, восток и запад, людям, о которых он даже никогда не слышал²⁹⁶.

²⁹¹ Pseudo-Dionysius of Tel Mahre, *Chronicle (Known Also as the Chronicle of Zuqnin), Part III*, tr. W. Witakowski (Liverpool, 1996), p. 77.

²⁹² Procopius, *Hyper ton polemon*, 2.22–3, in *History of the Wars, Secret History, Buildings*, ed. and tr. H. Dewing, 7 vols (Cambridge, MA), 1, pp. 450–472.

²⁹³ M. Morony, “‘For Whom Does the Writer Write?’: The First Bubonic Plague Pandemic According to Syriac Sources”, in K. Lester (ed.), *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750* (Cambridge, 2007), p. 64; D. Twitchett, ‘Population and Pestilence in T’ang China’, in W. Bauer (ed.), *Studia Sino-Mongolica* (Wiesbaden, 1979), 42, p. 62.

²⁹⁴ P. Sarris, *Economy and Society in the Age of Justinian* (Cambridge, 2006); также ‘Plague in Byzantium: The Evidence of Non-Literary Sources’, in Lester, *Plague and the End of Antiquity*, pp. 119–134; A. Cameron, *The Mediterranean World in Late Antiquity: AD 395–700* (London, 1993), p. 113ff; D. Stathakopoulos, *Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics* (Birmingham, 2004), pp. 110–165.

²⁹⁵ Sarris, *Empires of Faith*, p. 145ff.

²⁹⁶ Procopius, *The Secret History*, tr. P. Sarris (London, 2007), p. 80.

Преемники Юстиниана отказались от такого подхода и заняли твердую, бескомпромиссную позицию в вопросе отношений с соседями. Когда послы аваров, одного из самых великих племен степи, прибыли в Константинополь вскоре после смерти Юстиниана в 565 году, чтобы требовать выплаты дани, новый император Юстиний II жестоко с ними расправился: «Никогда больше вы не получите денег империи, идите своим путем». Когда они угрозили последствиями, император вспылал: «Вы, дохлые собаки, смеете угрожать римским владениям? Усвойте одно, я обрею вас налысо, а затем отрублю ваши головы»²⁹⁷.

Такая же агрессия проявилась по отношению к Персии, особенно после того, как стало известно, что мощная группа тюркских кочевников заняла место гуннов в центральноазиатской степи и оказывает давление на восточные границы. Тюркские племена играли чрезвычайно важную роль в торговле, зачастую к неудовольствию Китая. Китайцы описывали их как сложных и нечестных торговцев – верный признак возрастающего коммерческого успеха²⁹⁸. Во главе тюркских племен стоял выдающийся человек – Сизабул, который принимал своих чиновников в искусно сделанном шатре, возлежа на золотой кровати, которая поддерживалась четырьмя золотыми павлинами. Рядом располагалась повозка, наполненная серебром²⁹⁹.

Тюрки проявляли захватнические амбиции, поэтому они отправили в Константинополь послов с предложением долгосрочного военного союза. Совместная атака, как говорили Юстинию II послы, позволит уничтожить Персию³⁰⁰. Стремясь завоевать славу за счет извечного врага Константинополя и воодушевляясь перспективами, император согласился с планом и стал еще более высокомерен с шахом. Последовали требования вернуть города и прочие территории, переданные в соответствии с предыдущими соглашениями. После того как в результате неудачной атаки римляне потерпели поражение, персы предприняли ответную атаку на Дару (в настоящее время место на юге Турции) – краеугольный камень в обороне границы. После тяжелой осады, продолжавшейся 6 месяцев, в 574 году персы сумели взять город. Император был морально и физически сломлен³⁰¹.

Фиаско убедило тюрков в том, что Константинополь – недостойный и ненадежный союзник. В 576 году посол тюрков прямо заявил, что они отказываются от дальнейших атак на Персию. После чего он засунул в рот десять пальцев и заявил сердито: «Как сейчас у меня во рту десять пальцев, вы, римляне, так же говорите слишком многими языками». Римляне обманули тюрков, пообещав сделать все возможное, и результат был плачевным³⁰².

Возобновление военных действий с Персией ознаменовало начало достаточно бурного периода. Последовали два десятилетия боевых действий, в ходе которых были драматические моменты, например, когда персидская армия зашла далеко в Малую Азию, прежде чем вернуться домой. На территории Малой Азии персы попали в засаду, королева была взята в плен вместе с королевской повозкой, украшенной драгоценными камнями и жемчугами. Священный огонь, который правитель персов взял с собой в кампанию, который считался «самым великим огнем», был захвачен. Его кинули в реку, где перед этим был утоплен зороастрийский жрец и «множество высокопоставленных лиц». Тушение священного огня было

²⁹⁷ John of Ephesus, *Ecclesiastical History*, 6.24, tr. R. P. Smith (1860), p. 429.

²⁹⁸ M. – T. Liu, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*, 2 vols (Wiesbaden, 2009), 1, p. 87. Также см. J. Banaji, 'Precious-Metal Coinages and Monetary Expansion in Late Antiquity', in F. De Romanis and S. Sorda (eds), *Dal denarius al dinar: l'oriente e la moneta romana* (Rome, 2006), pp. 265–303.

²⁹⁹ *The History of Menander the Guardsman*, tr. R. Blockley (Liverpool, 1985), p. 121–123.

³⁰⁰ Там же, pp. 110–117.

³⁰¹ Sarris, *Empires of Faith*, pp. 230–231.

³⁰² *Menander the Guardsman*, pp. 173–175.

агрессивным, провокационным актом, призванным умалить важность основ самосознания Персии. Римлянами и их союзниками новость была воспринята с энтузиазмом³⁰³.

По мере того как продолжались военные действия, религия стала неимоверно важна. Когда, к примеру, войска стали бунтовать против снижения заработной платы, командир маршировал перед войсками с ликом Иисуса, чтобы впечатлить воинов и показать им, что служение императору означает служение Богу. Когда в 579 году умер шах Хосров I, некоторые заявляли, что «прекрасный свет Божьего Слова сиял вокруг него, так как он верил в Иисуса Христа»³⁰⁴. Такое отношение привело к массовому осуждению зороастризма в Константинополе, как ложного и развратного верования. Персы, как писал Агафий, приобрели «извращенные, дегенеративные привычки с тех самых пор, как попали под заклятие учения Зороастра»³⁰⁵.

Господство милитаризма со значительной долей религиозности имело большие последствия для тех, кто жил на периферии империи и кого соблазняли принять христианство. Это было частью дипломатической политики империи, которая имела своей целью завоевать их поддержку и лояльность³⁰⁶. Основные усилия были направлены на то, чтобы завоевать племена Южной и Западной Аравии, пообещав им материальные блага. Награждение королевскими титулами, а также введение нового понятия родства (в том числе королевского), что можно было эффективно использовать на местном уровне, также помогло убедить многих связать свою судьбу с Константинополем³⁰⁷.

Таким образом, ужесточение религиозных чувств во время конфронтации с Персией имело определенные последствия, так как некоторые племена приняли христианство не в той форме, которая была установлена в Халкидоне в 451 году. Ими были приняты другие варианты, в основе которых лежали иные версии относительно происхождения Христа. Отношения с Гассанидами, давними союзниками римлян в Аравии, испортились из-за некоторых резких замечаний со стороны имперской столицы³⁰⁸. В этот непростой момент отношения разрушились отчасти из-за взаимных подозрений на религиозной почве. Персы получили прекрасную возможность использовать это в своих интересах. Порты и рынки на юге и западе Аравии были взяты под контроль. Также был открыт новый торговый путь, соединяющий Мекку и Указ. Согласно исламской традиции, это побудило ведущую фигуру в Мекке попросить Константинополь учредить должность филарха, или защитника, представителя Рима, с последующим предоставлением ему титула короля Мекки, который был дарован императором Усману. Параллельный процесс можно было наблюдать в Медине – со стороны Персии³⁰⁹.

³⁰³ Об источниках см. Greatrex and Lieu, *Roman Eastern Frontier, Part II*, pp. 153–158.

³⁰⁴ R. Thomson, *The Armenian History Attributed to Sebeos. Part I: Translation and Notes* (Liverpool, 1999), 8, p. 9.

³⁰⁵ Agathias, *Historion*, 2.24, p. 72.

³⁰⁶ G. Fisher, 'From Mavia to al-Mundhir: Arab Christians and Arab Tribes in the Late Antique Roman East', in I. Toral-Niehoff and K. Dimitriev (eds), *Religious Culture in Late Antique Arabia* (Leiden, 2012), p. x; M. Maas, "'Delivered from their Ancient Customs": Christianity and the Question of Cultural Change in Early Byzantine Ethnography', in K. Mills and A. Grafton (eds), *Conversion in Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Rochester, NY, 2003), pp. 152–188.

³⁰⁷ R. Hoyland, 'Arab Kings, Arab Tribes and the Beginnings of Arab Historical Memory in Late Roman Epigraphy', in H. Cotton, R. Hoyland, J. Price and D. Wasserstein (eds), *From Hellenism to Islam: Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East* (Cambridge, 2009), pp. 374–400.

³⁰⁸ M. Whittow, 'Rome and the Jafnids: Writing the History of a Sixth-Century Tribal Dynasty', in J. Humphrey (ed.), *The Roman and Byzantine Near East: Some Recent Archaeological Research* (Ann Arbor, 1999), pp. 215–233.

³⁰⁹ K. #Atahmina, 'The Tribal Kings in Pre-Islamic Arabia: A Study of the Epithet *malik* or *dhū al-tāj* in Early Arabic Traditions', *al-Qan#ara* 19 (1998), p. 35; M. Morony, 'The Late Sasanian Economic Impact on the Arabian Peninsula', *Nāme-ye Irān-e Bāstān* 1.2 (201/2), pp. 35–36; I. Shahid, *Byzantium and the Arabs in the Sixth Century*, 2 vols (Washington, DC, 1995–2009), 2.2, pp. 53–54.

В то время как на Аравийском полуострове отношения натянулись до предела, в затяжной кампании на главном театре военных действий на севере наметился небольшой прогресс.

Поворотный момент наступил не на поле боя, а при персидском дворе в конце 580-х годов, когда Вахрам, популярный генерал, который стабилизировал ситуацию на восточной границе с тюрками, взял все в свои руки и восстал против шаха Хосрова II. Шах бежал в Константинополь, где обещал императору Маврикию большие уступки на Кавказе и в Месопотамии, включая возвращение Дары, в обмен на поддержку империи. После того как в 591 году Хосров вернулся домой, заключив со своим соперником удивительно честный договор, он дал свое согласие на это соглашение. Один из ведущих ученых обозначил этот момент как Версальский: слишком много городов, крепостей и важных позиций было передано римлянам, обнажая экономическое административное сердце Персии. Унижение было столь велико, что должно было спровоцировать резкую ответную реакцию³¹⁰.

В течение двух последних десятилетий непрерывных сражений маятник качался в обе стороны. Это проявлялось во всех мыслях и целях, обеспечивая Риму большой дипломатический и политический переворот. Теперь, когда у Рима были передовые базы, которых ему так недоставало до этого, у империи появился реальный шанс по-настоящему закрепиться на Ближнем Востоке. По признанию историка Прокопия, равнины Месопотамии, которые простирались в бассейне рек Тигр и Евфрат, обеспечили несколько пограничных пунктов в виде рек, озер и гор³¹¹. Это означало, что любые достигнутые успехи были уязвимы. Совсем нелегко удерживать такую обширную территорию. Хосров II вернул свой трон, но заплатил за это слишком высокую цену.

Всего через десять лет ситуация круто изменилась. Когда в 602 году император Маврикий в ходе дворцового переворота был убит Фокой, одним из своих генералов, Хосров II воспользовался моментом и заставил Рим пересмотреть соглашение. Он почувствовал себя увереннее после яростной атаки на Дару, когда ему удалось захватить одну из важных позиций римской оборонительной системы в северной Месопотамии, в то время как Фока пытался установить свою власть в империи. Когда стали приходить сообщения о том, что кочевники возобновили свои набеги на Балканах, амбиции шаха возросли. Традиционная система управления завоеванными народами на севере Аравийского полуострова была щедро приправлена предвосхищением большой реорганизации границ, которая должна была последовать за расширением территории Персии³¹².

С христианским населением обращались очень бережно. Епископы опасались перспективы войны, так как военные действия с римлянами часто сопровождались обвинениями в соотрудничестве.

В 605 году шах лично председательствовал на выборах нового патриарха. На выборы нового духовного владыки он созвал духовенство высокого ранга. Это был преднамеренный акт, призванный показать религиозным меньшинствам, что правительство заботится об их нуждах. Такой эффективный ход был истолкован христианским сообществом как признак доброжелательности и покровительства. Хосрова восторженно благодарили епископы, которые собрались, чтобы вознести хвалу «могущественному, щедрому и доброму царю царей»³¹³.

³¹⁰ Sarris, *Empires of Faith*, pp. 234–236.

³¹¹ Procopius, *Buildings*, 3.3, 7, pp. 192–194.

³¹² J. Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century* (Oxford, 2010), pp. 438–439.

³¹³ Synod of Mar Gregory I, *Synodicon orientale*, p. 471. Также см. Walker, *Mar Qardagh*, pp. 87–89.

Римскую империю сотрясало одно восстание за другим, и в это время в игру вступили персы. Города Месопотамии пали, как кости домино. Эдесса капитулировала последней в 609 году. Затем внимание привлекла к себе Сирия. Антиохия, великий город Оронта, первый престол Святого Петра и одна из основных метрополий римской Сирии, пала в 610 году. Следом за ней, годом позже пала Эмеса, город в Восточной Сирии. В 613 году был захвачен Дамаск, так оказался потерян еще один крупный региональный центр.

Со временем ситуация становилась только хуже. В Константинополе был убит непопулярный, высокомерный Фока. Его обнаженные, растерзанные останки пронесли по улицам города. Новый император, Ираклий, однако, не достиг больших успехов в сдерживании персов, успехи которых приобрели разрушительный размах. Сдержав ответный удар римлян в Малой Азии, армия шаха повернула на юг, к Иерусалиму. Их цель была очевидна – захватить самый священный город христиан и, сделав это, утвердить религиозный и культурный триумф Персии.

Когда после короткой осады в мае 614 года город пал, реакция римлян по всему миру граничила с истерикой. Иудеев обвинили не только в сотрудничестве с персами, но и в оказании им активной помощи. Согласно одному из источников, иудеи, «как злобные монстры», помогали захватчикам, их сравнивали с яростными зверями и шипящими змеями. Их обвиняли в том, что они сыграли важную роль в истреблении местного населения, и обрадовались, когда они погибли, «потому что они были убиты во славу Христа и пролили свою кровь за Его кровь». Ходили слухи, что захватчики сносили церкви, попирали ногами кресты и плевали в иконы. Крест, на котором был распят Иисус, оказался захвачен и отослан в столицу Персии в качестве трофея и подтверждения военного превосходства Хосрова. Для Рима это было поистине катастрофой. Имперская пропаганда немедленно была ориентирована на то, чтобы ограничить ущерб³¹⁴.

Столкнувшись с такими неудачами, Ираклий решил отречься от престола. Прежде чем принимать такие отчаянные меры, он отправил к Хосрову послов, чтобы попробовать добиться мира. Через своих посланников Ираклий просил прощения и обвинил своего предшественника Фоку в недавних проявлениях агрессии Рима. Представляя себя абсолютно покорным, правитель Рима признал шаха верховным правителем. Хосров внимательно выслушал все, что должны были сказать ему посланники, а затем казнил их³¹⁵.

Когда новости достигли Рима, Константинополь охватила паника. Это позволило провести радикальные реформы при самом минимальном возражении со стороны оппозиции. Зарботная плата имперских чиновников была снижена вдвое, также как и зарботная плата военных. Свободное распределение хлеба, которое издавна позволяло завоевать благосклонность жителей, было приостановлено³¹⁶. В отчаянных усилиях заполнить казну из церквей изымали ценные металлы. Чтобы подчеркнуть масштаб предстоящей битвы и искупить грехи, которые навлекли на римлян гнев Господа, Ираклий изменил чеканку монет: на одной стороне, как и прежде, изображался бюст императора, а на обороте новых монет, которые отчеканили в больших количествах, было помещено изображение креста. Борьба с персами стала не чем иным, как борьбой за христианскую веру³¹⁷.

³¹⁴ F. Conybeare, 'Antiochos Strategos' Account of the Sack of Jerusalem in ad 614', *English Historical Review* 25 (1910), pp. 506–508, но см. Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis*, pp. 164–165. О пропаганде – J. Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns and the Revival of the Roman Empire', *War in History* 6 (1999), pp. 36–39.

³¹⁵ *Chronicon Paschale*, tr. M. Whitby and M. Whitby (Liverpool, 1989), pp. 161–162; Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns', p.3; Sarris, *Empires of Faith*, p. 248.

³¹⁶ *Chronicon Paschale*, pp. 158, 164.

³¹⁷ Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns', p. 37.

В краткосрочной перспективе эти меры принесли мало пользы. Захватив Палестину, персы повернули к дельте Нила и в 619 году взяли Александрию³¹⁸. Меньше чем за два года Египет – житница Средиземноморья и основа римского сельского хозяйства на протяжении шести столетий – пал. Затем наступила очередь Малой Азии, которая была атакована в 622 году. Хотя продвижение и приостанавливалось на некоторое время, к 626 году армия персов уже разбила лагерь в прямой видимости стен Константинополя. Словно это было недостаточной угрозой для римлян, шах заключил союз с кочевым племенем аваров, которые перешли Балканы и приближались к городу с севера. Все, что теперь отделяло остатки Римской империи от полного уничтожения, – это мощные стены города великого императора Константина, Константинополя, Нового Рима. Конец был близок и представлялся неизбежным.

Тем не менее удача оказалась на стороне Ираклия. Первые попытки взять город провалились, а последующие нападения были с легкостью отбиты. Уверенность врагов стала спадать. В первую очередь это коснулось аваров. Они боролись за пастбища для своих лошадей и отступили, когда племенные различия стали угрожать подрывом авторитета их лидера.

Вскоре после них отступили и персы, отчасти потому что получили известия о том, что тюркские племена атакуют Кавказ, и это определенно требовало внимания. Политика территориальной экспансии «размазала» ресурсы по достаточно большой территории, и это делало новые территории уязвимыми. Тюрки тоже отлично это понимали. Константинополь едва сумел спастись³¹⁹.

В ходе удивительной контратаки Ираклий, который повел имперскую армию в Малую Азию после осады собственной столицы, теперь догонял отступающего противника. Сначала император направился на Кавказ, где встретил тюркского кагана, с которым и договорился о союзе, буквально осыпав его почестями и подарками и пообещав ему отдать в жены свою дочь Евдокию, чтобы закрепить и формализовать узы дружбы³²⁰. Затем император, отбросив всякие предосторожности, отправился на юг, разбив по дороге большую армию персов возле Ниневии (в настоящее время это север Ирака) осенью 627 года. После этого Ираклий отправился к Ктесифону. К этому времени оппозиция уже перестала существовать.

Персидское правительство буквально трещало под давлением. Хосров был убит, а его сын и наследник Кавад обратился к Ираклию, чтобы немедленно урегулировать вопросы³²¹. Император был удовлетворен обещаниями и отправился в Константинополь, оставив своего посла согласовать все условия, которые включали в себя возврат римских территорий, захваченных во время военных действий, а также частей Честного и Животворящего Креста Господня, на котором был распят Иисус, увезенных из Иерусалима в 614 году³²². Это означало сокрушительную победу Римской империи.

Это был не конец истории, однако именно тогда зародились течения, которые привели к краху Персии. Старший из генералов, Фаррухан Шахвараз, который спланировал недавнее нападение на Египет, решил сделать крутой поворот и заявил свои права на трон. Учитывая невезение персов в последнее время и уязвимое положение восточных границ, подвергаю-

³¹⁸ Точная дата спорная; R. Althelm-Stiehl, 'Würde Alexandria im Juni 619 n. Chr. durch die Perser Erobert?', *Tyche* 6 (1991), pp. 3–16.

³¹⁹ J. Howard-Johnston, 'The Siege of Constantinople in 626', in C. Mango and G. Dagron (eds), *Constantinople and its Hinterland* (Aldershot, 1995), pp. 131–142.

³²⁰ Howard-Johnston, 'Heraclius' Persian Campaigns', pp. 23–24; C. Zuckerman, 'La Petite Augusta et le Turc: Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius', *Revue Numismatique* 150 (1995), pp. 113–126.

³²¹ См. N. Oikonomides, 'Correspondence between Heraclius and Kavadh-Siroe in the *Paschal Chronicle* (628)', *Byzantion* 41 (1971), pp. 269–281.

³²² Sebeos, *Armenian History*, 40, pp. 86–87; Theophanes, *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History, AD 284–813*, tr. C. Mango and R. Scott (Oxford, 1997), pp. 455–456.

щихся атакам тюрков, это дело казалось непреодолимым. По мере того как переворот набирал обороты, генерал провел переговоры непосредственно с Ираклием, чтобы заручиться поддержкой Рима для собственного возвышения. При поддержке императора он выдвинулся из Египта и направился в Ктесифон.

Ввиду того что Персия буквально разваливалась, Ираклий с радостью воспринял перемены, которые могли бы увеличить его популярность. Он сыграл на религиозных чувствах, чтобы заручиться поддержкой и выстоять в это темное для империи время. Нападения Хосрова были объявлены прямыми попытками уничтожить христианство. Он устроил перед войсками целое представление, прочитав письмо, якобы написанное самим шахом.

В этом письме он не только высмеивал лично Ираклия, но и издевался над бессильным богом христиан³²³. Римлянам бросали вызов бороться за то, во что они верили: это была религиозная война.

В таком случае неудивительно, что триумф римлян породил уродливые сцены. После того как Ираклий торжественно вошел в Иерусалим в 630 году и восстановил фрагменты Честного и Животворящего Креста Господня в церкви Гроба Господня, евреи предположительно были насильно крещены, в наказание за ту роль, которую они якобы сыграли во время падения города 16 лет назад. Те же, кто бежал, были изгнаны. Им было запрещено приближаться к Иерусалиму ближе, чем на 3 мили³²⁴. Восточные христиане, чьи верования были признаны неконформистскими, стали новой целью имперской разведки. Им было предписано отказаться от своих давних убеждений и принять доктрины православного христианства, которое было объявлено единственно верным и благословленным Господом³²⁵.

Для церкви в Персии это было достаточно проблематично. Вот уже более столетия ее представители не видели своего западного повелителя и считали себя носителями истиной веры, в отличие от западной церкви, которая регулярно подвергалась влиянию различных девиантных учений. Когда епископы Персии встретились в 612 году, они постановили, что вся основная ересь идет из Римской империи, тогда как в Персии «ереси не было никогда»³²⁶. Итак, когда Ираклий «восстановил православную церковь» в Эдессе и дал указание выдворить восточных христиан, которые отправляли здесь службы ранее, было похоже, что он хочет преобразовать всю Персию. Собственно говоря, именно такая идея и была у Ираклия до драматического поворота судьбы. Персия должна была принять римское, западное христианство³²⁷.

Возрождающаяся, доминирующая религия при поддержке и защите Константинополя сметала все на своем пути. Необычная последовательность событий оставила множество старых идей в прошлом. Когда в Ктесифоне разразилась чума, забрав с собой шаха Кавада, стало совершенно ясно, что зороастризм лишь выдает желаемое за действительное, в то время как христианство – единственно верная религия и ее последователи будут вознаграждены³²⁸. В этой накаленной атмосфере стало зарождаться новое движение. Оно возникло в самой глубине Аравийского полуострова. Этот регион почти не пострадал в ходе конфликта между римлянами и персами, однако это не означало, что их противостояние, которое происходило далеко, совсем не коснулось этого региона.

³²³ *Chronicon Paschale*, pp. 166–167; Sebeos, *Armenian History*, 38, pp. 79–81.

³²⁴ G. Dagron and V. Déroche, 'Juifs et chrétiens en Orient byzantin', *Travaux et Mémoires* 11 (1994), p. 28ff.

³²⁵ Cameron and Hoyland, *Doctrine and Debate*, pp. xxi – xxii.

³²⁶ Письмо епископа Персии, *Synodicon orientale*, pp. 584–585.

³²⁷ Theophanes, *Chronicle*, p. 459; Mango, 'Deux études sur Byzance et la Perse sassanide', *Travaux et Mémoires* 9 (1985), p. 117.

³²⁸ B. Dols, 'Plague in Early Islamic History', *Journal of the American Oriental Society* 94.3 (1974), p. 376; P. Sarris, 'The Justinianic Plague: Origins and Effects', *Continuity and Change* 17.2 (2002), p. 171.

Кстати, юго-западная часть Аравийского полуострова долгое время была местом противостояния двух империй. Менее чем за столетие до этого царство Химьяр и города Мекка и Медина связали свою судьбу с Персией, выступив против христианской коалиции и смертельного врага Химьяра на Красном море – Эфиопии³²⁹.

В этом регионе верования менялись, адаптировались и соревновались друг с другом большую часть столетия. Место, которое ранее было политеистическим миром, включающим множества божеств, идолов и верований, стало монотеистическим миром, где главенствовала идея единого всемогущего бога. Святыни, посвященные другим божествам, потеряли свое значение. Один из историков накануне восхода ислама писал, что традиционное многобожие «умирает». На его место пришел иудейский и христианский концепт всемогущего Господа Бога, а также ангелы, райские куши, молитвы и милостыня – все это можно найти в текстах, распространенных по всему Аравийскому полуострову в конце VI – начале VII века³³⁰.

Именно в этом регионе в то время, когда на севере свирепствовала война, торговец по имени Мухаммед из клана Бану Хашим племени курайшитов удалился в пещеры для медитаций. Согласно исламской традиции, в 610 году он получил серию божественных откровений. Мухаммед слышал голос, который велел ему читать стихи «во имя твоего Господа»³³¹. Тогда Мухаммед запаниковал, вышел из пещеры, увидел человека «ноги которого возвышались над горизонтом» и слышал голос, который обрушился на него: «О, Мухаммед, ты пророк божий, а я Джабриль»³³². За последующие годы ему был ниспослан целый ряд откровений, которые были записаны в середине VII века и объединены в единый текст, известный как Коран³³³.

Господь посылает апостолов, как сказал Мухаммеду Джабриль (или Гавриил), чтобы приносить хорошие новости или предостерегать³³⁴. Мухаммед был избран посланником Божиим. В мире было много тьмы, говорили ему, много того, чего следует бояться, и опасность Конца света буквально на каждом углу. Повторяя божественные послания, он призывал и «просил защиты его (Аллаха) от происков Сатаны, потому что нет власти его над теми, кто верит и вверяет себя Господу»³³⁵. Господь сострадателен и милосерден, неоднократно повторялось Мухаммеду, но также он жестоко наказывает тех, кто ему не подчиняется³³⁶.

Источники, относящиеся к раннеисламскому периоду, достаточно сложны, что создает ряд проблем при их интерпретации³³⁷. Установить, как современные и более поздние политические течения влияли на историю Мухаммеда и его послания, не так просто. Ученые дискутируют на эту тему даже сейчас. К примеру, достаточно сложно понять, какую роль играла религия в формировании событий и отношения к ним. Еще в середине VII века были проведены разграничения. Верующие делились на муминов (истинных верующих) и мусли-

³²⁹ Bowersock, *Throne of Adulis*, pp. 106–133. Также G. Lüling, *Die Wiederentdeckung des Propheten Muhammad: eine Kritik am 'christlichen' Abendland* (Erlangen, 1981).

³³⁰ C. Robin, 'Arabia and Ethiopia', in S. Johnson (ed.), *Oxford Handbook of Late Antiquity* (Oxford, 2012), p. 302.

³³¹ *Qurʾān*, 96.1, ed. and tr. N. Dawood, *The Koran: With a Parallel Translation of the Arabic Text* (London, 2014).

³³² Ibn Hisham, *Sīrat rasūl Allāh*, tr. A. Guillaume, *The Life of Muhammad: A Translation of Isḥāq's Sīrat rasūl Allāh* (Oxford, 1955), p. 106; *Qurʾān*, 81.23, p. 586.

³³³ См. H. Motzki, 'The Collection of the *Qurʾān*: A Reconsideration of Western Views in Light of Recent Methodological Developments', *Der Islam* 78 (2001), pp. 1–34, а также A. Neuwirth, N. Sinai and M. Marx (eds), *The Qurʾān in Context: Historical and Literary Investigations into the Qurʾānic Milieu* (Leiden, 2010).

³³⁴ *Qurʾān*, 18.56, p. 299.

³³⁵ *Qurʾān*, 16.98–9, pp. 277.

³³⁶ Например, *Qurʾān*, 2.165; 2.197; 2.211.

³³⁷ См., главным образом, F. Donner, *Narratives of Islamic Origins: The Beginnings of Islamic Historical Writing* (Princeton, 1998). Также, например, T. Holland, *In the Shadow of the Sword: The Battle for Global Empire and the End of the Ancient World* (London, 2012).

мов (тех, кто присоединился к ним и признал их власть). Позже авторы сфокусировали свое внимание на роли религии и отмечали не только мощь духовного откровения, но и солидарность арабов, которая существенно повлияла на ход революции. Таким образом, некорректно говорить о завоеваниях того периода как о «мусульманских» или как о «арабских». Более того, определения личности менялись не только после, но и на протяжении этого периода. Конечно, сейчас в таких вопросах мы полагаемся в первую очередь на свидетельства очевидцев.

Тем не менее, хотя установить точную последовательность событий может быть проблематично, есть большая вероятность того, что Мухаммед был не единственным человеком на Аравийском полуострове, который говорил о едином Боге. Существовали другие пророки-подражатели, которые были известны в период персидско-римских войн. Самые заметные из них говорили о пророческих видениях, удивительно схожих с теми, что были у Мухаммеда, – о многообещающих откровениях архангела Гавриила, который указывал путь к спасению, и в некоторых случаях подтверждали свои слова священными письменами³³⁸. Это было время, когда, как стало ясно из археологических находок, христианские церкви начали появляться в Мекке и ее окрестностях. Это также подтверждается иконами и захоронениями у новообращенных народов. В это время сражение за сердца, умы и души было особенно яростным именно в этом регионе³³⁹.

В настоящее время существует теория, что Мухаммед проповедовал в обществе, которое переживало экономический спад в результате персидско-римских войн³⁴⁰. Конфронтация и эффективная милитаризация Рима и Персии оказала сильное влияние на торговлю через Хиджаз. Правительство тратило огромные суммы на армию. Удовлетворение военных нужд оказывало большое давление на экономику государства. Спрос на предметы роскоши, должно быть, сильно упал. Тот факт, что традиционные рынки во многих городах Леванта и Персии были охвачены войной, вгонял экономику южной части Аравийского полуострова в еще большую депрессию³⁴¹.

Немногие прочувствовали этот удар сильнее, чем курайшиты из Мекки, караваны которых перевозили золото и другие ценные товары в Сирию и о которых слагали легенды. Они потеряли прибыльный контракт по снабжению римской армии кожей, которая была необходима для седел, ремней для обуви и щитов, поясов и многого другого³⁴². Их средства к существованию уменьшились также вследствие уменьшения числа пилигримов, посещающих мечеть аль-Харам, одну из важнейших святынь ислама, находящихся в Мекке. Эта святыня была выстроена вокруг нескольких идолов, один из которых представлял собой «Авраама в виде старика». Однако самым главным из них была статуя мужчины из красного агата с правой рукой, сделанной из золота, в окружении стрел для гадания³⁴³. Являясь защитниками Мекки, курайшиты хорошо зарабатывали, продавая еду и воду посетителям и показывая ритуалы путешественникам. В связи с переворотом в Сирии и Месопотамии, кото-

³³⁸ E. El Badawi, *The Qurʾān and the Aramaic Gospel Traditions* (London, 2013).

³³⁹ P. Crone, *Meccan Trade and the Rise of Islam* (Princeton, 1977); а также R. Serjeant, 'Meccan Trade and the Rise of Islam: Misconceptions and Flawed Polemics', *Journal of the American Oriental Society* 110.3 (1990), pp. 472–473.

³⁴⁰ C. Robinson, 'The Rise of Islam', in M. Cook et al. (eds), *The New Cambridge History of Islam*, 6 vols (Cambridge, 2010), pp. 180–181; M. Kister, 'The Struggle against Musaylima and the Conquest of Yamāma', *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 27 (2002), pp. 1–56.

³⁴¹ G. Heck, "'Arabia without Spices': An Alternative Hypothesis: The Issue of 'Makkan Trade and the Rise of Islam'", *Journal of the American Oriental Society* 123.3 (2003), pp. 547–576; J. Schiettecatte and C. Robin, *L'Arabie à la veille de l'Islam: un bilan clinique* (Paris, 2009).

³⁴² P. Crone, 'Quraysh and the Roman Army: Making Sense of the Meccan Leather Trade', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 70.1 (2007), pp. 63–88.

³⁴³ Ibn al-Kalbī, *Kitāb al-aḥnām*, tr. N. Faris, *The Book of Idols Being a Translation from the Arabic of the Kitāb al-aḥnām* (Princeton, 1952), pp. 23–24.

рые имели последствия далеко за их пределами, и перебоями в очень многих сферах жизни, неудивительно, что предупреждения Мухаммеда о неизбежности Судного дня были восприняты толпой.

Проповеди Мухаммеда определенно упали на благодатную почву. Он предлагал четкое и ясное объяснение творящегося вокруг и при этом говорил с огромной страстью и убежденностью. Мухаммед получал не только божественные откровения, но и предупреждения, которыми делился с народом. Те, кто поддержит его учение, должны были оказаться в прекрасной, плодородной земле, те же, кто не последует за ним, увидят, как гибнут их посевы³⁴⁴. Духовное спасение должно было принести также и экономическую выгоду. И там было за что побороться: верующие должны были оказаться в райских кущах с садами, где много свежей воды, «реки с восхитительным вином для питья и реки с чистым медом», любыми фруктами, какие только бывают. Кроме того, им будет даровано прощение Господа³⁴⁵.

Те же, кто откажется от божественного учения, не только столкнутся с мраком и несчастьями, они будут прокляты. Все, кто затеет войну с его последователями, будут ужасно страдать и не получают прощения. Они должны были быть казнены, распяты, потерять конечности или быть изгнаны. Враги Мухаммеда являлись также врагами Бога. Они были обречены на поистине ужасную судьбу³⁴⁶. Среди прочего, заявлялось, что они будут страдать оттого, что их кожа будет вечно гореть, затем заменяться на новую, но только для того, чтобы все повторилось снова. Таким образом, боль и пытка не прекратятся никогда³⁴⁷.

Неверующие должны были «пребывать в аду вечно, пить раскаленный кипяток, который будет разрывать их нутро»³⁴⁸. Такое радикальное и достаточно страстное сообщение было с яростью встречено оппозицией из числа консервативной элиты Мекки. Ее представители были разгневаны критикой традиционных политеистических воззрений и верований³⁴⁹. Мухаммед был вынужден бежать в Ясриб (позже переименованный в Медину) в 622 году, чтобы избежать преследования. Этот побег, известный как хиджра, стал одним из ключевых этапов истории ислама, точкой отсчета мусульманского календаря. Как показали недавние исследования, именно в тот период проповеди Мухаммеда породили новую религию и новую личность³⁵⁰.

Основной идеей этой новой личности стала идея единения. Мухаммед активно стремился объединить племена южной Аравии. Византия и Персия достаточно долго манипулировали и управляли местными распрями, срамливая лидеров племен между собой. Покровительство и финансирование помогли создать несколько зависимых мест, которыми управляли при помощи выплат из Рима и Ктесифона. Интенсивная война разрушила эту систему. Затянувшиеся военные действия означали, что племена были лишены «тридцати фунтов золотом, которые они обычно получали от торговли с Римской империей». Хуже того, их запросы в отношении выполнения обязательств не были удовлетворены. «Импера-

³⁴⁴ *Qurʾān*, 36.33–6, p. 441; G. Reinink, 'Heraclius, the New Alexander: Apocalyptic Prophecies during the Reign of Heraclius', pp. 81–94; W. E. Kaegi Jr, 'New Evidence on the Early Reign of Heraclius', *Byzantinische Zeitschrift* 66 (1973), pp. 308–330.

³⁴⁵ *Qurʾān*, 47.15, p. 507.

³⁴⁶ *Qurʾān*, 5.33, p. 112.

³⁴⁷ *Qurʾān*, 4.56, p. 86. Помимо этого см. W. Shepard, *Sayyid Qutb and Islamic Activism: A Translation and Critical Analysis of Social Justice in Islam* (Leiden, 2010). Также обратите внимание на важные наблюдения о гендерной и социальной справедливости в раннем исламе, A. Wahud, *Qurʾān and Woman: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspective* (Oxford, 1999).

³⁴⁸ *Qurʾān*, 47.15, p. 507.

³⁴⁹ P. Crone, 'The Religion of the Qurʾānic Pagans: God and the Lesser Deities', *Arabica* 57 (2010), pp. 151–200.

³⁵⁰ R. Hoyland, 'New Documentary Texts and the Early Islamic State', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 69.3 (2006), pp. 395–416. О дате бегства Мухаммеда – A. Noth, *The Early Arabic Historical Tradition: A Source Critical Study* (Princeton, 1994), p. 40; M. Cook and P. Crone, *Hagarism: The Making of the Islamic World* (Cambridge, 1977), pp. 24, 157.

тор едва может платить заработную плату своей армии, – писал один из них, – не говоря уже о (вас) псах». Когда очередной посланник рассказал племенам о перспективах торговли в нынешних условиях, его убили и зашили внутри верблюда. Это было незадолго до того, как племена взяли дело в свои руки. Было принято решение в отместку «оставить римские земли в руинах»³⁵¹.

Новая религия проповедовалась на местном языке. «Смотри, – говорится в одном из стихов Корана, – эти слова на арабском языке»³⁵². Арабы представили свою собственную религию, которая позволила сформировать новое самосознание. Эта религия была предназначена для местного населения, независимо от того, кочевниками они были или городскими жителями, членами одного или другого племени, а также независимо от этнической или языковой принадлежности. В Коране содержится множество слов, заимствованных из греческого, арамейского, сирийского, персидского языков и иврита. Когда были записаны откровения, полученные Мухаммедом, важно было подчеркнуть схожесть народов, а не их различия³⁵³. Единение было ключевым принципом и одной из главных причин близкого успеха ислама. «Да не будет двух религий в Аравии», – такими предположительно были последние слова Мухаммеда, согласно исследованию одного из уважаемых ученых-исламистов VIII века³⁵⁴.

Перспективы для самого Мухаммеда выглядели не столь многообещающе, особенно когда ему с небольшой группой последователей пришлось скрываться в Ясрибе. Усилия по евангелизации и присоединению к умме – общине верующих – были достаточно вялыми, а ситуация становилась все более опасной, так как войска, приближающиеся со стороны Мекки, собирались напасть на мятежного проповедника. Мухаммед и его последователи обратились к вооруженному сопротивлению, нацеливаясь на караваны в ходе целой серии потрясающе дерзких рейдов. События развивались быстро. Успех в битве при Бадре в 624 году, где Мухаммед и его люди столкнулись с превосходящими силами противника, показал, что им дарованы божественное благословение и защита. Также многие обратили внимание на немалую добычу, которую они получили. Ожесточенные переговоры с лидерами племени курайшитов из Мекки в конце концов были окончены, и стороны достигли взаимопонимания, которое выразилось в заключении договора, ныне известного как Худайбийский мирный договор, который предусматривал 10 лет перемирия между Меккой и Ясрибом и снимал все ограничения, ранее возложенные на сторонников Мухаммеда. Число обращенных в новую веру стало расти.

По мере того как количество последователей увеличивалось, росли и их чаяния и амбиции. Решающим моментом стало четкое обозначение религиозного центра. Раньше верующим говорили поворачиваться лицом к Иерусалиму во время молитвы. В 628 году было объявлено, что, согласно новым откровениям, то руководство, или кибла, было временным и теперь ориентироваться необходимо исключительно на Мекку³⁵⁵.

Кааба, старинное место поклонения еще со времен политеизма в Аравии, стала основным объектом паломничества в городе. Верующим было поведано, что построил Каабу Исмаил, сын Авраама и предполагаемый прародитель двенадцати арабских племен. Гости

³⁵¹ Nikephoros of Constantinople, *Chronographikon syntomon*, ed. and tr. C. Mango, *Short History* (Washington, DC, 1990), pp. 68–69; Theophylact Simokatta, *History*, 3.17. Об арабской «идентичности» до возникновения ислама – A. Al-Azmeh, *The Emergence of Islam in Late Antiquity* (Oxford, 2014), p. 147; также см. W. Kaegi, 'Reconceptualizing Byzantium's Eastern Frontiers', in Mathisen and Sivan, *Shifting Frontiers*, p. 88.

³⁵² *Qurʾān*, 43.3, p. 488.

³⁵³ C. Robinson, 'Rise of Islam', p. 181.

³⁵⁴ Малик записал два похожих варианта, предположительно отражавших родословную, в комментарии, *Mālik ibn Anas, al-Muwaḥḥa*, 45.5, tr. A. #Abdrahaman and Y. Johnson (Norwich, 1982), p. 429.

³⁵⁵ *Qurʾān*, 2.143–4, p. 21; а также al-Azmeh, *Emergence of Islam*, p. 419.

города должны были обойти священное место вокруг, декламируя имя Бога. Поступая таким образом, они исполняли наказ, данный Исмаилу, согласно которому люди должны были собраться со всего Аравийского полуострова и из дальних земель, преодолев путь на верблюдах или пешком, чтобы совершить паломничество к месту, в которое ангелами с небес был спущен черный камень³⁵⁶. Подтверждая святость Каабы, общество утвердило связь с прошлым, формируя у населения мощное чувство культурного самосознания.

Помимо преимуществ духовного характера, которые давала новая вера, идея сделать Мекку религиозным центром сулила политическую, экономическую и культурную выгоду. Вражда с курайшитами была прекращена, когда старшие члены племени заявили о своей верности Мухаммеду и исламу.

Талант Мухаммеда как лидера проявился не только в этом. Препоны и оппозиция на территории Аравии постепенно исчезали, экспедиционные войска были направлены на освоение новых земель, которые были слишком хороши, чтобы их упустить. Время было подобрано как нельзя более удачно. Между 628 и 632 годами положение в Персии ухудшилось, наступила анархия. За этот короткий период времени сменилось не меньше 6 царей. Один хорошо проинформированный арабский историк, который жил несколько позже, писал о 8 претендентах на трон, включая двух цариц³⁵⁷.

Успех Мухаммеда привлек новых сторонников, число которых росло вместе с тем, как захватывались города, села и деревни на южной границе Персии. Люди в этих местах не привыкли защищать себя и сдались при первом же давлении. Ярким примером служит город аль-Хира (расположенный на территории современного Ирака). Он немедленно капитулировал, согласившись платить дань в обмен на мир³⁵⁸. Деморализованные персидские командиры советовали платить деньги наступающим арабам, «если они уйдут»³⁵⁹.

Было важно сохранить ресурсы, так как речь шла не только о духовной награде, которой ислам привлекал последователей. С появлением Мухаммеда один из генералов сказал своему коллеге из рода Сасанидов: «Мы больше не ищем мирских выгод». Теперь экспедиции распространяли Слово Божье³⁶⁰. Очевидно, евангельское рвение было жизненно важно для раннего ислама. Для распределения финансовых средств и трофеев применялся инновационный метод. Мухаммед ввел материальные санкции и заявил, что блага будут изыматься у неверующих и отдаваться правоверным³⁶¹. Это способствовало объединению экономических и религиозных интересов³⁶².

Тем, кто изначально принял ислам, были положены гораздо большие блага. Таким образом, за основу была принята форма пирамиды. Система была формализована в 630-х годах, когда был сформирован диван, официальный орган, который отвечал за распределение благ. Доля в 20 % причиталась лидеру правоверных – халифу, но большая часть должна была быть распределена среди его сторонников и тех, кто участвовал в успешных походах³⁶³.

³⁵⁶ Qurʾān, 22.27–9, pp. 334–335.

³⁵⁷ R. Frye, 'The Political History of Iran under the Sasanians', in *Cambridge History of Iran*, 3.1, p. 178; Tabarī, *The Battle of al-Qādisiyyah and the Conquest of Syria and Palestine*, tr. Y. Friedmann (Albany, NY, 1992), pp. 45–46.

³⁵⁸ H. Kennedy, *The Great Arab Conquests* (London, 2007), pp. 103–105.

³⁵⁹ Tabarī, *Battle of al-Qādisiyyah*, p. 63.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Qurʾān, 29.1–5, p. 395.

³⁶² Crone, *Meccan Trade*, p. 245.

³⁶³ C. Robinson, *The First Islamic Empire*, in J. Arnason and K. Raaflaub (eds), *The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives* (Oxford, 2010), p. 239; G. – R. Puin, *Der Dīwān von ʿUmar Ibn al-ʿAttab* (Bonn, 1970); F. Donner, *The Early Islamic Conquests* (Princeton, 1981), pp. 231–232, 261–263.

Самые первые последователи получали самую большую долю прибыли, однако новообращенные верующие также имели определенную выгоду. Таким образом, разработанная система была очень эффективна для расширения влияния.

Вновь сформированные армии продолжали устанавливать политическую и религиозную власть над кочевыми племенами, известными как люди пустыни, или бедуины, совершая набеги, в результате которых огромные территории очень быстро переходили под контроль исламских властей. Хотя хронологию событий сложно восстановить точно, современные ученые доказали, что экспансия на территорию Персии происходила на несколько лет раньше, чем полагали некогда, сасанидское общество пришло к коллапсу между 628 и 632 годами, а не после того как это было сделано³⁶⁴. Это уточнение имеет большое значение для понимания быстрых успехов, достигнутых в Палестине, где все города были подчинены в 630-х годах, в том числе и Иерусалим, который только-только был восстановлен римлянами³⁶⁵.

И Рим, и Персия слишком поздно отреагировали на угрозу. В случае Персии сокрушительная победа мусульман в битве при Кадисии в 636 году стала толчком для продвижения армии арабов и утверждения самосознания мусульман. Тот факт, что цвет персидской аристократии пал в бою, сломил дух сопротивляющихся, чье положение уже было крайне шатким³⁶⁶. Реакция римлян оказалась не более эффективной. Армия под командованием брата императора Теодора была наголову разбита в 636 году на реке Ярмук к югу от Галилейского моря. Римляне сильно недооценили размер, возможности и целеустремленность арабской армии³⁶⁷.

Сердце мира было открыто нараспашку. Города сдавались один за другим, войска напали на Ктесифон. После длительной осады столица наконец пала, а ее сокровищница была захвачена арабами. Персия была разбита арьергардом войск римлян, а затем поглощена последователями Мухаммеда. Импульс, который получила разрозненная группа верующих, принявших его учение, оппортунистов и тех, кто хотел попытать счастья в погоне за наживой, быстро набирал обороты. Глядя на целую череду успехов, возникал только один вопрос – как широко распространится ислам?

³⁶⁴ Pourshariati, *Decline and Fall of the Sasanian Empire*, p. 161ff. Также Donner, *Early Islamic Conquests*, pp. 176–190; Kennedy, *Arab Conquests*, pp. 105–107.

³⁶⁵ О дате завоевания Иерусалима – P. Booth, *Crisis of Empire: Doctrine and Dissent at the End of Late Antiquity* (Berkeley, 2014), pp. 243.

³⁶⁶ Sebeos, *Armenian History*, 42, p. 98.

³⁶⁷ См. Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis*, p. 373–375.

5. Путь согласия

Стратегический гений и тактическая хватка на поле боя позволили Мухаммеду и его последователям достичь невероятного успеха. Поддержка племени курайшитов и доминирующей политической элиты Мекки также сыграла свою роль, помогая убедить племена южной Аравии услышать и принять послание новой веры. Возможности, которые открывались в связи с падением Персии, появились в самый подходящий момент. Можно выделить еще две важные причины, которые могли объяснить триумф ислама в начале VII века: поддержка христиан и то, что было дано евреями.

В мире, где религия являлась причиной конфликтов и кровопролития, достаточно просто увидеть те пути, благодаря которым распространялись и перемешивались великие религии. Для современного человека христианство и ислам диаметрально противоположны, но во времена их зарождения они оказывали друг другу мягкую поддержку. Еще более поразительно то, что ислам и иудаизм были более чем совместимы. Поддержка евреев на Среднем Востоке была жизненно важна для пропаганды и распространения слова Мухаммеда.

Хотя разобраться в материалах по истории раннеисламского периода крайне сложно, из этой литературы, а также из результатов археологических раскопок можно понять одну бесспорную вещь. Неважно, на каком языке был текст – арабском, армянском, сирийском, греческом или иврите, Мухаммед и его последователи пошли на многое, чтобы успокоить опасения христиан и иудеев во время расширения влияния мусульман.

Когда Мухаммед был загнан в угол в Ясрибе в 620-х годах, он решил просить о помощи у евреев. Этот город был очень важен для иудаизма и всей еврейской истории. Едва ли столетием раньше один фанатичный иудейский правитель Химьяра систематически преследовал христианское меньшинство. Те, кто выстоял, основали большое количество разнообразных союзов. Персии пришлось прийти на помощь Химьяру в борьбе против союза Рима и Эфиопии. Мухаммед хотел объединиться с евреями южной Аравии и начал со старейшин Ясриба.

Лидеры иудеев в городе, позже переименованном в Медину, обещали свою поддержку Мухаммеду в обмен на гарантии взаимной защиты. Все это было отражено в официальном документе, в котором говорилось, что иудейская вера и владения евреев будут уважаться мусульманами в настоящий момент и в будущем. Также там были изложены принципы взаимопонимания между иудеями и мусульманами. Последователи обеих религий обещали защищать друг друга в случае нападения третьей стороны. Было заявлено, что никакой вред не будет причинен евреям и никакой помощи не будет оказано их врагам. Мусульмане и евреи будут сотрудничать друг с другом, помогая «искренним советом»³⁶⁸. Такому объединению помогло то, что откровения Мухаммеда носили примирительный характер, кроме того, многие заветы были уже знакомы. В его откровениях было очень много общего с Ветхим Заветом, например, почитание пророков, в частности Авраама. Также общим было то, что статус Иисуса как мессии отрицался. Ислам не был угрозой иудаизму, ведь некоторые элементы этих двух религий были очень схожи³⁶⁹.

Вскоре Слово стало распространяться среди еврейских общин, которые состояли в союзе с Мухаммедом и его последователями. Необычный текст, написанный в Северной Африке в конце 630-х годов, описывает, как новости о продвижении арабов были встречены евреями в Палестине. Для них это означало ослабление хватки римлян и христиан в регионе.

³⁶⁸ Текст – F. Donner, *Muhammad and the Believers: At the Origins of Islam* (Cambridge, MA, 2010), pp. 228–232. Также см. M. Lecker, *The 'Constitution of Medina': Muhammad's First Legal Document* (Princeton, 2004).

³⁶⁹ См. важную подборку эссе M. Goodman, G. van Kooten and J. van Ruiten, *Abraham, the Nations and the Hagarites: Jewish, Christian and Islamic Perspectives on Kinship with Abraham* (Leiden, 2010).

Выдвигались предположения, что это может быть исполнение древних пророчеств: «Они говорили, что пророк появится с сарацинами, и провозгласит он пришествие Помазанника, Христа, который должен прийти вместе с ним»³⁷⁰. Некоторые евреи пришли к выводу, что мессия пришел для того, чтобы показать, что Иисус Христос был обманщиком и что настали последние дни человечества³⁷¹. Однако далеко не все были убеждены в этом. По словам одного из раввинов, Мухаммед был фальшивым пророком, «так как пророки не приходят, вооруженные мечом»³⁷².

Тот факт, что существуют и другие тексты, в которых говорится, что евреи приветствовали арабов как освободителей от римского гнета, свидетельствует о том, что местное население положительно реагировало на восхождение ислама. Один из текстов этого периода, написанный столетием позже, рассказывает о том, как к рабби Шимону Бар Йохою явился ангел. Произошло это после того, как он пострадал от действий Ираклия в ходе восстановления Иерусалима, принудительного крещения и последовавшего за этим преследования евреев. «Откуда нам знать, что (мусульмане) это наше спасение?» – якобы спросил он. «Не нужно бояться, – уверил его ангел, – Бог привел в царство (арабов) лишь затем, чтобы с их помощью освободить вас из лап коварных (Рима). Он поставит над ними пророка, который завоюет для них земли. Придут они и восстановят величие». Появление Мухаммеда воспринимали как исполнение надежд евреев на появление мессии. На землях, которые принадлежали потомкам Авраама, царила солидарность между арабами и евреями³⁷³.

Были и другие причины (тактического характера) сотрудничать с наступающей армией. Так, например, в Хевроне евреи предложили арабским военачальникам заключить сделку: они просили обеспечить их безопасность, дать им права, уравнивающие их с арабами, и позволить им «построить синагогу перед входом в пещеру Махпела», где был похоронен Авраам. В свою очередь, еврейские лидеры предложили показать, как можно проникнуть в город, минуя грозную городскую стражу³⁷⁴.

Насколько мы можем судить, поддержка местного населения стала важнейшим фактором успеха арабов в Палестине и Сирии в начале 630-х годов. Недавние исследования греческих, сирийских и арабских источников показали, что в самых ранних источниках наступление арабской армии приветствовалось евреями. И это было неудивительно: если убрать более поздние красочные добавления и ядовитые интерпретации (такие, как утверждения, что мусульмане повинны в «сатанинском лицемерии»), мы видим, что военачальник, который привел армию в Иерусалим, вошел в Священный город в одежде паломника, с намерением поклоняться святыням вместе с теми, чьи религиозные взгляды были если не несовместимы с его, то точно непохожи³⁷⁵.

³⁷⁰ *Doctrina Iacobi* in Dagron and Déroche, 'Juifs et chrétiens', 209. Перевод здесь: by R. Hoyland, *Seeing Islam as Others Saw It: A Survey and Evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian Writings on Early Islam* (Princeton, 1997), p. 57.

³⁷¹ Обратите внимание: W. van Bakkum, 'Jewish Messianic Expectations in the Age of Heraclius', in G. Reinink and H. Stolte (eds), *The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation* (Leuven, 2002), pp. 95–112.

³⁷² Dagron and Déroche, 'Juifs et chrétiens', pp. 240–247. Относительно достоверности большей части информации в тексте – Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis*, pp. 155–157; о вероятной аудитории и цели текста – D. Olster, *Roman Defeat, Christian Response and the Literary Construction of the Jew* (Philadelphia, 1994). Главным образом, здесь Hoyland, *Seeing Islam as Others Saw It*.

³⁷³ J. Reeves, *Trajectories in Near Eastern Apocalyptic: A Postbiblical Jewish Apocalypse Reader* (Leiden, 2006), pp. 78–89; B. Lewis, 'An Apocalyptic Vision of Islamic History', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 13 (1950), pp. 321–330. Также см. S. Shoemaker, *The Death of a Prophet: The End of Muhammad's Life and the Beginnings of Islam* (Philadelphia, 2012), pp. 28–33.

³⁷⁴ *Canonici Hebronensis Tractatus de invention sanctorum patriarchum Abraham, Ysaac et Jacob*, in *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Occidentaux* 1, p. 309; перевод: N. Stillman, *The Jews of Arab Lands: A History and Source Book* (Philadelphia, 1979), p. 152.

³⁷⁵ M. Conterno, "'L'abominio della desolazione nel luogo santo': l'ingresso di #Umar I a Gerusalemme nella Cronografia de Teofane Confessore e in tre cronache siriane", in *Quaderni di storia religiosa* 17 (2010), pp. 9–24.

На Среднем Востоке существовали и другие группировки, которые не были введены в заблуждение восхождением ислама. Регион в целом был полон религиозных неконформистов. Здесь действовало множество христианских сект, которые не принимали решения церковных соборов и отрицали некоторые доктрины, считая их еретическими.

Такая картина наблюдалась в Палестине и на Синайском полуострове, где было множество христианских общин, настроенных категорически против решений, достигнутых на соборе в Халкидоне в 451 году, касающихся божественной природы Иисуса Христа. Данные общины преследовались официальной церковью³⁷⁶, и они не почувствовали никаких улучшений после избавления страны от персидского присутствия и бравоирования православной религией, которым сопровождался поход императора.

Таким образом, некоторые увидели успехи в достижении цели, но в то же время в них нашел отклик религиозный подтекст. Один из проникательных арабских полководцев, который желал утвердиться в городе, сообщил Иоанну Дамаскину, митрополиту Нусайбинскому, что при условии поддержки он поможет не только священнослужителю свергнуть лидера христианской церкви на Востоке, но и ему встать на его место³⁷⁷. Письмо, написанное в 640-х годах одним из видных священнослужителей говорит о том, что новые правители не только не борются с христианами, «но даже воздают должное нашей религии, выказывают почтение священнослужителям, монастырям, святым и Господу нашему», а также приносят дары религиозным учреждениям³⁷⁸.

Мухаммед и его последователи заручились поддержкой местного христианского населения. Откровенные предупреждения ислама о многобожии и поклонении идолам вступали в резонанс с христианским учением, в котором так же отражались эти догмы. Чувство товарищества было подкреплено использованием таких персонажей, как Моисей, Ной, Иов и Захария, которые появлялись в Коране. Кроме того, прямо заявлялось о том, что Бог дал Моисею Писание и послал за ним апостолов, а теперь отправил еще одного пророка, чтобы распространять слово свое³⁷⁹.

Осознание точек соприкосновения с христианами и евреями усиливалось за счет использования привычных ориентиров и акцентирования сходства в обычаях и религиозных доктринах. Господь передавал свои сообщения не только Мухаммеду. «Он уже открыл для человечества Тору и Евангелие» – так говорится в одном из стихов Корана³⁸⁰. «Вспомните слова, которые сказали ангелы Марии, матери Иисуса», – говорит еще один стих. Повторяя вслед за «Радуйся, Мария», священная книга ислама учит следующему: «Господь выбрал тебя (Мария). Он очистил тебя и поставил над всем женским родом. Мария, будь послушна Господу, кланяйся и молись ему вместе с верующими»³⁸¹.

Для христиан, которые погрязли в спорах о природе Иисуса и Троицы, возможно, самым поразительным был тот факт, что откровения Мухаммеда содержали очень короткое, но в то же время простое и мощное послание: есть один Бог и Мухаммед его пророк³⁸². Такая идея была достаточно простой для понимания и гармонировала с тем тезисом, что Господь всемогущ и время от времени присылает апостолов с сообщениями.

³⁷⁶ J. Binns, *Ascetics and Ambassadors of Christ: The Monasteries of Palestine 314–631* (Oxford, 1994); B. Horn, *Asceticism and Christological Controversy in Fifth-Century Palestine: The Career of Peter the Iberian* (Oxford, 2006); Cameron and Hoyland, *Doctrine and Debate*, p. xxix.

³⁷⁷ S. Brock, 'North Mesopotamia in the Late Seventh Century: Book XV of John Bar Penkaye's *Rish Melle*', *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 9 (1987), p. 65.

³⁷⁸ *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, Series 3, 64, pp. 248–251; Donner, *Muhammad and the Believers*, p. 114.

³⁷⁹ *Qurʾān*, 2.87, p. 12.

³⁸⁰ *Qurʾān*, 3.3, p. 49.

³⁸¹ *Qurʾān*, 2.42–3, p. 54.

³⁸² Cameron and Hoyland, *Doctrine and Debate*, p. xxxii.

Христиане и евреи, которые спорили друг с другом по вопросам религии, были просто сумасшедшими, как утверждает еще один стих Корана: «Есть ли у вас здравый смысл?»³⁸³. «Разделение – происки Сатаны, – предупреждает Мухаммед, – никогда не позволяйте разногласиям одержать верх, вместо этого постарайтесь держаться вместе и с Богом, и вас никогда не разделят»³⁸⁴. Послание Мухаммеда призывало к примирению. Верующим иудеям или благочестивым христианам «нечего бояться и не о чем сожалеть», как неоднократно повторяется в Коране³⁸⁵. Тех, кто веровал в единого Бога, следовало почитать и уважать.

На тот момент уже существовали традиции и правила, которые позже стали ассоциировать с исламом. Они появились раньше Мухаммеда, но, по всей видимости, были приняты самим пророком. Например, ампутация руки в качестве наказания за воровство и смертный приговор для тех, кто отрекся от своей веры, были обычной практикой, которую перенял ислам. Такие традиции, как раздача милостыни, пост, паломничества и молитвы, стали центральными элементами ислама, углубляя ощущение преемственности и близости³⁸⁶. Сходство с христианством и иудаизмом позже стало весьма щекотливой темой. Частично это было обусловлено тем, что Мухаммед был неграмотным. Это защищало его от нападок в том, что он изучил Тору и Библию. Несмотря на это, современники утверждали, что его «обучили» и он хорошо знал как Старый, так и Новый Завет³⁸⁷. Некоторые, однако, пошли еще дальше, стремясь доказать, что Коран в своей основе представляет сборник отрывков из Библии, написанный на арамейском наречии, который впоследствии был адаптирован и переделан. Эти, как и многие другие претензии, которые были призваны умалить величие исламских традиций, приобрели дурную славу, хотя их и поддерживали некоторые современные историки³⁸⁸.

То, что христиане и евреи являлись основной поддерживающей силой во время первого этапа исламской экспансии, объясняет, почему в некоторых стихах Корана, которые относятся ко времени жизни Мухаммеда, о римлянах говорится в позитивном ключе. В Коране говорится, что римляне были побеждены, здесь имеется в виду одна из многочисленных неудач во время войн с Персией в конце 620-х годов. «Но всего через несколько лет они одержат победу: такова воля Божья и до и после этого»³⁸⁹. Это может быть гарантировано: Господь не нарушает своих обещаний³⁹⁰. Такое заявление было инклюзивным и носило «знакомый» характер. Оно должно было нейтрализовать те претензии, из-за которых некоторые христиане были настроены против. С их точки зрения, ислам выглядел мирной религией, предлагающей варианты смягчения напряженной обстановки.

Источники полны примеров того, что христиане восхищались мусульманами и их армией. Один из текстов VIII века показывает, как один из христиан, посланный наблюдать за врагом, вернулся обратно, впечатленный увиденным. «Я видел людей, проводящих всю ночь за молитвой, – так предположительно он описывал увиденное своему начальству, – днем же они остаются воздержанными, творя то, что верно, и отрицая несправедное, монахи ночью, львы днем». Это казалось достойным похвалы и должно было сгладить различия между христианством и исламом. Тот факт, что другие источники того периода говорят о

³⁸³ Qur#ān, 3.65, p. 57

³⁸⁴ Qur#ān, 3.103; 105, p. 62.

³⁸⁵ Qur#ān, 2.62, p. 9, 5.69, p. 118.

³⁸⁶ R. Hoyland, *In God's Path: The Arab Conquests and the Creation of an Islamic Empire* (Oxford, 2015), p. 224–229.

³⁸⁷ Robinson, 'The Rise of Islam', p. 186.

³⁸⁸ C. Luxenburg, *The Syro-Aramaic Reading of the Koran: A Contribution to the Decoding of the Language of the Koran* (Berlin, 2007); см. здесь D. King, 'A Christian Qur#ān? A Study in the Syriac background to the language of the Qur#ān as presented in the work of Christoph Luxenburg', *Journal for Late Antique Religion and Culture* 3 (2009), pp. 44–71.

³⁸⁹ Qur#ān, 30.2–4, p. 403.

³⁹⁰ Qur#ān, 30.6, p. 404.

христианских монахах, которые принимали учение Мухаммеда, является еще одним признаком того, что различия между доктринами были не очень четкими³⁹¹. Аскетизм, которого придерживались ранние мусульмане, также был знаком всем и приветствовался населением. Это создавало некий знакомый ориентир для греко-римского мира³⁹².

Попытки примириться с христианами дополнялись политикой защиты и проявления уважения к людям Писания – евреям и христианам. Коран дает понять, что ранние мусульмане позиционировали себя не как противников этих двух религий, но как их наследников: «Откровения Мухаммеда до этого были явлены Аврааму и Измаилу, Исааку и Иакову, и их племенам»; Бог доверил эту же информацию Моисею и Иисусу. «Мы не дискриминируем никого из них», – гласит Коран. Другими словами, пророчества иудеев и христиан были очень схожи с исламскими пророчествами³⁹³.

Совсем не случайно, что в Коране содержится более 60 ссылок на слово «умма», которое используется не в качестве этнического маркера, а для обозначения сообщества верующих. В ряде мест в тексте с печалью отмечается, что однажды человечество было единой уммой, прежде чем ее разделили разногласия³⁹⁴. Еще одно, не очень явное сообщение гласит, что божья воля такова: разногласия должны быть устранены. Сходства между великими монотеистическими религиями играют важную роль в Коране и в Хадисе, сборнике комментариев, высказываний и деяний пророка, а различия в основном опускаются. Акцент, несомненно, был сделан на отношении к евреям и христианам с одинаковым уважением и терпимостью.

Источники этого периода, как известно, затруднительно интерпретировать, потому что, во-первых, они сложны и противоречивы, а во-вторых, многие из них были написаны уже после рассматриваемых событий. Тем не менее последние достижения в области палеографии, находки обрывков текстов, которые ранее были неизвестны, и более изощренные способы изучения письменных материалов помогли пересмотреть уже устоявшиеся взгляды на этот период истории. В исламской традиции довольно долго полагалось, что Мухаммед умер в 632 году, недавние же исследования ученых позволили предположить, что он мог прожить больше. Множество источников VII и VIII столетий свидетельствуют о наличии харизматичного проповедника, возможно, это был сам Мухаммед, который направлял арабские войска и наставлял их под вратами Иерусалима³⁹⁵.

Необычайный прогресс последователей Мухаммеда в Палестине был обусловлен беспомощной и неумелой реакцией властей. Некоторые члены христианского духовенства отчаянно бились, пытаясь выставить арабов в самом неблагоприятном свете, в тщетной попытке убедить местное население не обманываться такими простыми и знакомыми идеями и не поддерживать их. «Сарадины» мстительны и ненавидят Бога, так предупреждал патриарх Иерусалима сразу после завоевания города. Они грабят города, опустошают поля, поджигают церкви и уничтожают монастыри. Зло, которое они совершают против Христа и церкви, ужасает, так же как «грязные богохульства, которые они говорят о Боге»³⁹⁶.

³⁹¹ T. Sizgorich, *Violence and Belief in Late Antiquity: Militant Devotion in Christianity and Islam* (Philadelphia, 2009), p. 160–161.

³⁹² R. Finn, *Asceticism in the Graeco-Roman World* (Cambridge, 2009).

³⁹³ *Qurʾān*, 3.84, p. 60.

³⁹⁴ *Qurʾān*, 10.19, p. 209.

³⁹⁵ Shoemaker, *Death of a Prophet*, pp. 18–72. Также см. R. Hoyland, 'The Earliest Christian Writings on Muhammad: An Appraisal', in H. Motzki (ed.), *The Biography of Muhammad: The Issue of the Sources* (Leiden, 2000), esp. pp. 277–281; Cook, 'Muhammad', 75–76.

³⁹⁶ Sophronius of Jerusalem, 'Logos eis to hagian baptisma', in A. Papadopoulos-Kermeus, 'Tou en hagiois patros hemon Sophroniou archiepiskopou Hierosolymon logos eis to hagian baptisma', *Analekta Hierosolymitikes Stakhiologias* 5 (St Petersburg, 1898), pp. 166–167.

На самом деле завоевания арабов были не столь жестокими и шокирующими, как их описывали. К примеру, в ходе археологических исследований, проводимых по всей Сирии и Палестине, практически не было обнаружено следов насильственного завоевания³⁹⁷. Дамаск, к примеру, один из важнейших городов северной Сирии, быстро сдался после того, как местный епископ и арабский военачальник утрясли условия сдачи. Даже с учетом некоторых поэтических преувеличений компромисс был достаточно разумным и реальным: в обмен на то, что арабы не тронут церкви и не станут досаждать христианскому населению, жители согласились признать новых правителей.

На практике они должны были платить налоги не в Константинополь или имперским властям, а представителям «пророка, халифов и правоверных»³⁹⁸.

Этот процесс повторялся снова и снова, по мере того как арабы продвигались по торговым путям во все стороны сразу. Армия некоторое время провела на юго-западе Ирана, прежде чем переключиться на охоту на Йездигерда III, последнего царя из рода Сасанидов, который бежал на восток. Экспедиционные силы, которые выступили в Египет, работая в тандеме, вызвали хаос, в основном из-за неэффективного военного сопротивления. Ситуация была усугублена тем, что местное население было занято междоусобицами. Некоторые из них сразу соглашались обсудить условия сдачи ввиду собственных страхов и неуверенности. Александрия, драгоценный камень в короне восточного Средиземноморья, была демилитаризована и принуждена к выплате внушительной дани в обмен на гарантии того, что церкви останутся целы, а христианское население сможет придерживаться своих обычаев. Новости об этом соглашении были встречены в Александрии со стонами и плачем. По словам очевидцев, за его предательство патриарх Кир должен был быть забит камнями до смерти. «Я заключил этот договор, – говорил он в свою защиту, – чтобы спасти вас и ваших детей». Один из авторов, который жил столетием позже, писал, что «мусульмане взяли под контроль весь Египет, юг и север, и, сделав это, утроили доходы от поступающих с них налогов»³⁹⁹. Господь наказывал христиан за их грехи, как отмечал другой автор в то же самое время⁴⁰⁰.

В почти идеальной модели экспансии угроза применения военной силы привела к тому, что поселения одно за другим соглашались на переговоры и сдавались новым властям. Вначале управление в покоренных землях было легким и даже незаметным. В общем и целом большинству местного населения было разрешено продолжать заниматься своими делами. Новые власти, которые расположили свои гарнизоны и жилые кварталы вдали от существующих городских центров, совсем им не досаждали⁴⁰¹. В некоторых случаях мусульмане основывали новые города, как, например, Фустат в Египте, Эль-Куфа на реке Евфрат, Рамла в Палестине и Айла в современной Иордании. Там они могли выбирать, где именно строить мечети и дворцы губернаторов, закладывая город с нуля⁴⁰².

Тот факт, что в то же самое время в Северной Африке, Египте и Палестине строились новые церкви, говорит о том, что такой модус вивенди быстро прижился там, где религиоз-

³⁹⁷ G. Anvil, *The Byzantine-Islamic Transition in Palestine: An Archaeological Approach* (Oxford, 2014); R. Schick, *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule* (Princeton, 1995).

³⁹⁸ al-Balādhurī, *Kitāb futūḥ al-buldān*, tr. P. Hitti, *The Origins of the Islamic State* (New York, 1916), 8, p. 187.

³⁹⁹ John of Nikiu, *Khronike*, tr. R. Charles, *The Chronicle of John of Nikiu* (London, 1916), 120.17–28, pp. 193–194.

⁴⁰⁰ G. Garitte, “‘Histoires édifiantes’ géorgiennes”, *Byzantion* 36 (1966), pp. 414–416; Holyand, *Seeing Islam*, p. 63.

⁴⁰¹ Robinson, *First Islamic Empire*, p. 239ff.

⁴⁰² W. Kubiak, *Al-Fustiat, Its Foundation and Early Urban Development* (Cairo, 1987); N. Luz, ‘The Construction of an Islamic City in Palestine: The Case of Umayyad al-Ramla’, *Journal of the Royal Asiatic Society* 7.1 (1997), pp. 27–54; H. Djaït, *Al-Kūfa: naissance de la ville islamique* (Paris, 1986); D. Whitcomb, ‘The Mīsr of Ayla: New Evidence for the Early Islamic City’, in G. Bisheh (ed.), *Studies in the History and Archaeology of Jordan* (Amman, 1995), pp. 277–288.

ная терпимость была нормой⁴⁰³. Это началось с земель Сасанидов, где всех, начиная с зороастрийцев, либо игнорировали, либо просто оставляли в покое⁴⁰⁴.

В случае с евреями и христианами это было также возможно и даже задокументировано. Сложный и спорный текст, известный как Договор Умара, описывает права так называемых людей Писания, которые должны были наслаждаться правлением новых властителей; и определяет основы взаимодействия с исламом: на мечетях не станут помещать кресты; Корану не станут обучать немусульманских детей, но в то же время никому нельзя препятствовать в принятии ислама. Мусульманам следовало выказывать уважение и предоставлять всю требующуюся им помощь. Сосуществование конфессий было ключевым признаком раннеисламского периода и важной составляющей его успеха⁴⁰⁵.

Однако некоторые предпочли подстраховаться. Это видно по гончарным изделиям, изготовленным в Джараше, который находится в современной Иордании. Лампы, изготовленные в VII веке, содержали христианские надписи на латыни на одной стороне и исламские молитвы на арабском на другой⁴⁰⁶. Отчасти это была прагматическая реакция на недавние события. Персидская оккупация этого региона продлилась всего 25 лет. Не было никаких гарантий, что арабские правители продержатся дольше. Это ясно дает понять греческий текст, в котором встречается фраза «тело обновится само», и автор уверяет своих читателей в том, что завоевания мусульман могут быть всего лишь мимолетным успехом⁴⁰⁷.

Легкость нового режима проявилась в вопросах управления. Монеты римской чеканки использовались еще несколько десятилетий после завоевания наряду с новыми изображениями и похожего номинала. Также в целом остались нетронутыми и действующие правовые системы. Целый ряд существующих норм был позаимствован завоевателями, включая правила в вопросах наследования, приданого, клятв, браков, а также поста. В ряде случаев правители и чиновники в бывших сасанидских и римских владениях оставались на своих местах⁴⁰⁸. Отчасти это было обусловлено чисто математическими причинами. Завоеватели, будь то арабы или нет, истинные правоверные (мумины) или вновь присоединившиеся и принявшие их власть (муслимы), оказались в меньшинстве. Это означало, что работа с местным населением была насущным вопросом.

Еще одной причиной являлось то, что крупные сражения в Персии, Палестине, Сирии и Египте все еще продолжались, к примеру, до сих пор велась борьба с остатками Римской империи. Константинополь находился под постоянным давлением, так как арабские военачальники стремились покончить с римлянами раз и навсегда. При этом еще более важным было сражение за душу ислама.

Параллельно со спорами ранних христиан между собой, вопросы относительно того, что именно было сказано Мухаммеду, как оно должно быть записано, как это следует распространять и среди кого, стали причиной серьезной озабоченности после его смерти. Борьба была свирепой: из четырех человек, которые должны были стать последователями пророка,

⁴⁰³ J. Conant, *Staying Roman: Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439–700* (Cambridge, 2012), pp. 362–370. Также см. P. Grossman, D. Brooks-Hedstrom and M. Abdal-Rassul, 'The Excavation in the Monastery of Apa Shnute (Dayr Anba Shinuda) at Suhag', *Dumbarton Oaks Papers* 58 (2004), pp. 371–382; E. Bolman, S. Davis and G. Pyke, 'Shenoute and a Recently Discovered Tomb Chapel at the White Monastery', *Journal of Early Christian Studies* 18.3 (2010), pp. 453–462; о Палестине – L. di Segni, 'Greek Inscriptions in Transition from the Byzantine to the Early Islamic Period', in Hoyland, *Hellenism to Islam*, pp. 352–373.

⁴⁰⁴ N. Green, 'The Survival of Zoroastrianism in Yazd', *Iran* 28 (2000), pp. 115–122.

⁴⁰⁵ A. Tritton, *The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: A Critical Study of the Covenant of Umar* (London, 1970); Hoyland, *God's Path*, esp. pp. 207–231.

⁴⁰⁶ N. Khairy and A. – J. #Amr, 'Early Islamic Inscribed Pottery Lamps from Jordan', *Levant* 18 (1986), p. 152.

⁴⁰⁷ G. Bardy, 'Les Trophées de Damas: controverse judéo-chrétienne du VIIe siècle', *Patrologia Orientalis* 15 (1921), p. 222.

⁴⁰⁸ J. Johns, 'Archaeology and the History of Early Islam: The First Seventy Years', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 46.4 (2003), pp. 411–436; Oddy, 'The Christian Coinage of Early Muslim Syria', *ARAM* 15 (2003), pp. 185–196.

его представителями, преемниками, или «халифами», трое были убиты. Разгорались ожесточенные споры о том, как интерпретировать учение Мухаммеда, предпринимались отчаянные попытки присвоить его наследие. Были сделаны шаги по стандартизации посланий, полученных Мухамедом, и в последней четверти VII века был написан Коран⁴⁰⁹.

Противостояние между враждующими фракциями привело к ужесточению отношения к немусульманам. Каждая группа претендовала на звание более верного хранителя слова пророка, а соответственно, и воли Господней. Неудивительно, что вскоре внимание переключилось на кафи́ров, то есть неправоверных.

Мусульманские лидеры были терпимы и милостивы к христианам. Они даже перестроили церковь в Эдессе после того, как она была разрушена во время землетрясения в 679 году⁴¹⁰. Однако в конце VII века все изменилось. Началось обращение местного населения в ислам, а отношение к другим религиям становилось все более враждебным.

Одним из проявлений изменений стало то, что современные комментаторы иногда называют «монетными войнами»: пропагандистские войны велись посредством валюты. После того как халиф начал чеканить монеты с девизом «Нет бога кроме Аллаха, а Мухаммед пророк его» в начале 690-х годов, Константинополь принял ответные меры. На передней стороне монет, которые здесь чеканились, уже не было изображения императора, его перенесли на другую сторону. На месте императора появилось другое, более драматическое изображение – Иисус Христос. Целью такого изменения было усиление позиций христианства и демонстрация того, что империя находится под божественной защитой⁴¹¹.

В чрезвычайных условиях развития исламский мир стал подобен христианскому. Примечательно, что изначально в ответ на изготовление монет с изображением Иисуса и императора были созданы монеты с изображением человека, который играл роль, подобную роли Иисуса, – защитника земель правоверных. Хотя принято считать, что это изображение халифа Абд аль-Малика, есть вероятность, что это не кто иной, как сам Мухаммед. Он изображен в развевающемся одеянии, с сияющей бородой и мечом в ножнах. Если это действительно пророк, то это самое раннее из известных его изображений, и примечательно, что оно появилось при его жизни. Аль-Белазури, который писал свои сочинения столетие спустя, говорит, что некоторые соратники Мухаммеда из Медины, которые знали его лично, видели и монеты. Еще один автор, который работал еще позже и имел доступ к раннеисламским материалам, говорил примерно то же самое. Он отмечал, что друзья пророка чувствовали себя неуютно, используя такие монеты. Эти монеты оставались в обороте совсем недолго, к концу 690-х годов вся валюта, находящаяся в обращении в исламском мире, была полностью переделана: все изображения были убраны, взамен на обеих сторонах монет появились строки из Корана⁴¹².

Обращение христиан в ислам было не самой важной целью в конце VII века, так как ключевые сражения происходили между противоборствующими мусульманскими фракциями. Ожесточенные споры разгорались между теми, кто доказывал свое право быть полно-

⁴⁰⁹ E. Whelan, 'Forgotten Witnesses: Evidence for the Early Codification of the Qur'an', *Journal of the American Oriental Society* 118.1 (1998), pp. 1–14; W. Graham and N. Kermani, 'Recitation and Aesthetic Reception', in J. McAuliffe (ed.), *The Cambridge Companion to the Qurʾān* (Cambridge, 2005), pp. 115–143; S. Blair, 'Transcribing God's Word: Qur'an Codices in Context', *Journal of Qur'anic Studies* 10.1 (2008), pp. 72–97.

⁴¹⁰ R. Hoyland, 'Jacob of Edessa on Islam', in G. Reinink and A. Cornelis Klugkist (eds), *After Bardasian: Studies on Continuity and Change in Syriac Christianity* (Leuven, 1999), pp. 158–159.

⁴¹¹ M. Whittow, *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (London, 1996), pp. 141–142.

⁴¹² R. Hoyland, 'Writing the Biography of the Prophet Muhammad: Problems and Sources', *History Compass* 5.2 (2007), pp. 593–596. Также см. I. and W. Schulze, 'The Standing Caliph Coins of al-Jazīra: Some Problems and Suggestions', *Numismatic Chronicle* 170 (2010), pp. 331–353; S. Heidemann, 'The Evolving Representation of the Early Islamic Empire and its Religion on Coin Imagery', in A. Neuwirth, Sinai and M. Marx (eds), *The Qurʾān in Context: Historical and Literary Investigations into the Qurʾānic Milieu* (Leiden, 2010), pp. 149–195.

правным наследником Мухаммеда, при этом основным козырем было хорошее знание ранних лет жизни пророка. Конкуренция стала настолько ожесточенной, что были предприняты достаточно серьезные согласованные усилия по переносу религиозного центра из Мекки в Иерусалим, особенно после того, как на Ближнем Востоке появилась мощная фракция, которая восстала против традиционалистов из южной Аравии. Мечеть Купол скалы (Куббат ас-Сахра), первое масштабное священное здание мусульман, была построена в начале 690-х годов, частично с целью отвлечь внимание от Мекки⁴¹³. Как говорит один из современных комментаторов, здания и материальные предметы культуры использовались «как оружие в идеологической войне» в ходе самого взрывного периода гражданской войны, периода, когда халиф лично поднял войска против прямых потомков пророка Мухаммеда⁴¹⁴.

Разногласия в мусульманском мире объясняют надписи на мозаике на внутренней и внешней сторонах мечети Купол скалы. Их целью было смягчить христиан. Эти надписи гласят, что следует поклоняться Аллаху, сострадательному и милосердному, чтить и благословлять пророка его Мухаммеда. Но также там указывается, что Иисус был мессией: «Уверуй в Господа и посланников его... Благослови посланника своего и раба Иисуса, сына Марии, и пребудет с ним мир в день его рождения и в день смерти его, и в день воскресения его из мертвых»⁴¹⁵. Другими словами, даже в 690-х годах границы религий были смазаны. Ислам, к слову, был настолько близок к христианству, что некоторые ученые полагали, что это не новая религия, а другая интерпретация христианства. По словам Иоанна Дамаскина, одного из ведущих исследователей того времени, ислам был христианской ересью, а не новой религией. Мухаммед, писал он, пришел к своим идеям на основании нового прочтения Старого и Нового Заветов и бесед со странствующим христианским монахом⁴¹⁶.

Несмотря на беспрестанную борьбу за положение и власть в центре мусульманского мира, или, возможно, благодаря ей периферии были существенно расширены. Военачальники, которые гораздо лучше чувствовали себя на поле боя, чем в политических или теологических баталиях, вели свои армии в глубь Центральной Азии, Кавказа и Северной Африки. Наступление на Европу казалось неминуемым. После того как армия пересекла Гибралтар, она прошла через Испанию прямо во Францию, где в 732 году встретила сопротивление где-то между Пуатье и Туром, примерно в двухстах милях от Парижа. В ходе битвы, которая впоследствии приобрела почти мифический статус, исламское вторжение было остановлено, Карл Мартелл привел войско, которое наголову разбило арабов. Судьба христианской Европы висела на волоске. Позже историки утверждали, что, если бы не героизм и умение защитников, континент определенно стал бы мусульманским⁴¹⁷. Поражение, конечно же, стало шагом назад для арабской армии, но никто не был застрахован от новых атак в будущем, в том случае, если будет за что бороться. Что касалось Западной Европы в тот период, здесь было слишком мало того, что стоило внимания, и эти объекты располагались далеко друг от друга. Богатства находились совсем в другом месте.

Мусульманские завоевания завершили процесс ввержения Европы в тень. Этот процесс начался с вторжения готов, гуннов и прочих кочевых племен двумя столетиями раньше. Остатки Римской империи – Константинополь и немногие внутренние районы – балансировали на грани полного краха. Торговля в христианском Средиземноморье, уже пришедшая

⁴¹³ B. Flood, *The Great Mosque of Damascus: Studies on the Makings of an Umayyad Visual Culture* (Leiden, 2001).

⁴¹⁴ Johns, 'Archaeology and History of Early Islam', pp. 424–425. Также см. Hoyland, *Seeing Islam*, esp. pp. 550–553, 694–695, и в целом P. Crone and M. Hinds, *God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam* (Cambridge, 1986).

⁴¹⁵ O. Grabar, *The Dome of the Rock* (Cambridge, MA, 2006), pp. 91–92.

⁴¹⁶ John of Damascus, *On Heresies*, tr. F. Chase, *The Fathers of the Church* (Washington, DC, 1958), 101, p. 153; Sarris, *Empires of Faith*, p. 266.

⁴¹⁷ Например, M. Bennett, *Fighting Techniques of the Medieval World AD 500 – AD 1500: Equipment, Combat Skills and Tactics* (Staplehurst, 2005).

в упадок накануне войн с Персией, окончательно рухнула. Некогда шумные и многолюдные города, такие как Афины и Коринф, обезлюдели. Их население резко сократилось, городской центр оказался покинут. Начиная с VII века и далее, кораблекрушения, которые выступали в том числе показателем уровня торговли, просто сошли на нет. Все торговые отношения, которые выходили за рамки местных сделок, прекратились⁴¹⁸.

Контраст с мусульманским миром был разительным. Экономические центры Римской империи и Персии были завоеваны и объединены. Египет и Месопотамия объединились и представляли собой новое политическое и экономическое чудище, которое простиралось от Гималаев до Атлантики. Несмотря на идеологические споры, вражду и периодическую нестабильность в исламском мире, например, свержение действующего халифата в 750 году династией Аббасидов, новая империя жаждала новых идей, товаров и денег. На самом деле именно это и лежало в основе аббасидской революции: города Центральной Азии проложили дорогу новому режиму. Это были очаги интеллектуальных споров. Они же финансировали восстания. Именно здесь принимались важнейшие решения, которые влияли на борьбу за душу ислама⁴¹⁹.

Мусульмане захватили мир, который был упорядочен и усеян сотнями городов, полных потребителей, другими словами, граждан, платящих налоги. Так как каждый из них попал под власть халифата, все больше ресурсов и активов оказывалось во власти центра. Торговые пути, оазисы, города и природные ресурсы были распределены, а их использование распланировано. Порты, обеспечивающие торговлю между Персидским заливом и Китаем, оказались аннексированы, так же как и транссахарские торговые пути, которые были расширены и позволили городу Фес (на территории современного Марокко) стать «чрезвычайно процветающим» и, по словам одного из современников, приносить «огромную прибыль». Покорение новых регионов и народов приносило в империю мусульман огромные суммы денег: один из арабских историков подсчитал, что завоевание Синда (современный Пакистан) принесло 60 миллионов драхм, не говоря уже о будущих богатствах, которые формировались за счет налогов и сборов⁴²⁰. В пересчете на современные деньги речь идет о миллиардах долларов.

Войска продвигались на восток, и процесс сбора дани был прибыльным и успешным. Так было в Палестине, Египте и во многих других местах. Города Центральной Азии обирали один за другим, а непрочные связи между ними способствовали их окончательному падению: в условиях отсутствия организационной структуры и скоординированной обороны каждый из них ожидал свою судьбу в одиночестве⁴²¹. Жители Самарканда были вынуждены выплатить военачальнику мусульман огромную сумму денег, однако через некоторое время им все равно пришлось сдаться. По крайней мере, городской глава был избавлен от судьбы Деваштича – правителя Пенджикента (современный Таджикистан), который именовал себя царем Согдианы. Он был обманут, захвачен в плен и распят перед всем народом. Правителя Балха (теперь это север Афганистана) постигла та же судьба⁴²².

⁴¹⁸ P. Reynolds, *Trade in the Western Mediterranean, AD 400–700: The Ceramic Evidence* (Oxford, 1995); S. Kinsley, 'Mapping Trade by Shipwrecks', in M. Mundell Mango (ed.), *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries* (Farnham, 2009), pp. 31–36; M. McCormick, *Origins of the European Economy: Communications and Commerce, AD 300–900* (Cambridge, 2001); Wickham, *Inheritance of Rome*, esp. p. 255ff.

⁴¹⁹ de la Vaissière, *Sogdian Traders*, pp. 279–286.

⁴²⁰ al-Yaʿqūbī and al-Balādhurī, цитируется по J. Banaji, 'Islam, the Mediterranean and the Rise of Capitalism', *Historical Materialism* 15 (2007), pp. 47–74, esp. pp. 59–60.

⁴²¹ О свободных структурах в согдийском мире в это время см. de la Vaissière, *Marchands sogdiens*, pp. 144–176.

⁴²² См. здесь F. Grenet and E. de la Vaissière, 'The Last Days of Panjikent', *Silk Road Art and Archaeology* 8 (2002), pp. 155–196.

Успехам в Центральной Азии в значительной степени способствовал хаос, зарождающийся в степях, в то время как Персия буквально разваливалась. Разрушительная зима 627/628 года привела к голоду и гибели большого количества скота. Значительно изменилась расстановка сил. По мере продвижения на восток мусульманские войска сталкивались с кочевыми племенами, которые тоже выиграли от падения Персии. В 730-х годах сокрушительное поражение было нанесено племенам тюрков. Ситуация усугубилась, когда Сулу, один из ключевых персонажей в степи, был убит во время особенно темпераментной игры в нарды⁴²³.

Когда буферная зона, которую образовывали степные племена, распалась, мусульмане стали медленно, но верно продвигаться на восток, по пути захватывая города, города-оазисы и перевалочные и коммуникационные узлы, и уже к началу VIII века добрались до западной границы Китая⁴²⁴. В 751 году завоеватели лицом к лицу встретились с китайцами и разбили их в битве на реке Талас в Центральной Азии. Мусульмане подошли к природным границам, за которые уже не было смысла продвигаться, по крайней мере, в ближайшей перспективе. В Китае тем временем поражение вызвало всеобщее потрясение, которое вылилось в восстание против правящей династии Тан под предводительством согдийского генерала Ань Лушаня, что привело к длительному периоду волнений, нестабильности и вакууму во власти, которым могли воспользоваться многие⁴²⁵.

Первыми успели занять место уйгуры, племя, которое поддерживало династию Тан и выиграло оттого, что его бывшие повелители удалились в безопасный регион Китая зализывать раны. Чтобы более эффективно контролировать свои расширившиеся владения, уйгуры основали постоянные поселения, самым значимым из которых был Баласагун, или Куз Орду (находится на территории современного Кыргызстана). Там обосновался правитель – каган. Это была любопытная смесь города и лагеря. Правитель жил в тенте с золотым куполом и установленным в нем тронem. В городе было двенадцать ворот, его защищали стены и сторожевые башни. Судя по более поздним источникам, это был лишь один из многих уйгурских городов, которые возникали, начиная с VIII века⁴²⁶.

Уйгуры очень быстро стали основной силой на восточной границе с мусульманами. Первым делом они организовали собственную торговлю, а затем и вовсе заменили согдийцев в междугородней торговле, особенно шелком. Большое количество впечатляющих дворцовых комплексов говорит о богатствах, полученных за это время⁴²⁷. Хух Ордун, к примеру, был хорошо защищенным городом, в котором палаточный лагерь соседствовал с постоянными постройками, среди которых находился павильон, в котором каган принимал важных посетителей и проводил религиозные церемонии⁴²⁸. Столкнувшись с враждебностью мусульман, уйгуры попытались вернуть собственную идентичность и решили принять манихейство, посчитав, что, возможно, оно послужит хорошей прослойкой между мусульманами на западе и Китаем на востоке.

⁴²³ См. здесь J. Karam Skaff, *Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbours: Culture, Power, and Connections*, 580–800 (Oxford, 2012).

⁴²⁴ D. Graff, 'Strategy and Contingency in the Tang Defeat of the Eastern Turks, 629–630', in N. di Cosmo (ed.), *Warfare in Inner Asian History, 500–1800* (Leiden, 2002), pp. 33–72.

⁴²⁵ de la Vaissière, *Sogdian Traders*, pp. 217–220.

⁴²⁶ C. Mackerras, *The Uighur Empire According to the T'ang Dynastic Histories* (Canberra, 1972); T. Allsen, *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: A Cultural History of Islamic Textiles* (Cambridge, 1997), p. 65.

⁴²⁷ C. Beckwith, 'The Impact of Horse and Silk Trade on the Economics of T'ang China and the Uighur Empire: On the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages', *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 34 (1991), pp. 183–198.

⁴²⁸ J. Kolbas, 'Khukh Ordung: A Uighur Palace Complex of the Seventh Century', *Journal of the Royal Asiatic Society* 15.3 (2005), pp. 303–327.

Мусульманские завоеватели создали обширную сеть торговых и коммуникационных артерий, находящихся под их контролем. Таким образом, под властью мусульман оазисы Афганистана и Ферганы были соединены с Северной Африкой и Атлантическим океаном. Объем богатств, располагающихся в центре Азии, потрясал воображение. Раскопки в Пенджикенте, Балалык-тепе и других местах современного Узбекистана свидетельствуют о самом высоком уровне меценатства и показывают, какие за этим стояли деньги. Сцены из придворной жизни, так же как и сцены из эпической персидской литературы, были нарисованы на стенах частных резиденций. Одно из изображений во дворце в Самарканде отражает идею космополитического мира, в который предстояло вступить мусульманам: рисунок показывает, как местный правитель принимает дары от иностранных гостей, которые прибывают из Китая, Персии, Индии и даже Кореи. Города, провинции и дворцы, подобные этому, попали в руки мусульман, которые сконцентрировались на торговых путях⁴²⁹.

Благодаря новым вливаниям в центральную казну в таких местах, как Сирия, началась инвестиционная деятельность. В VIII веке в сирийских городах Джараш, Скифополис и Пальмира началось масштабное строительство⁴³⁰. Однако самым поразительным было строительство нового огромного города. Он должен был стать самым богатым и населенным городом в мире. Таким он и оставался целые столетия. И даже оценка, сделанная в районе X века, показала блестящие результаты. Исходя из количества бань и необходимого для их поддержания персонала, а также вероятного количества ванн в частных домах, один из авторов сделал вывод, что население города составляло около 100 миллионов⁴³¹. Он назывался Мадинат аль-Салам, или Город мира. Сейчас мы знаем его под названием Багдад.

Это был идеальный мир мусульманского достатка, сердце королевской власти, покровительства и престижа. Для преемников Мухаммеда город стал новым центром политической и экономической оси, связывающей воедино все земли мусульман по всем направлениям. Там было все для проведения роскошных мероприятий, таких как, например, свадьба Харуна ар-Рашида, сына халифа, в 781 году. Он презентовал своей невесте жемчужное украшение невероятных размеров, платье, украшенное рубинами, и устроил банкет, «подобный которому еще никогда не устраивался ни для одной женщины прежде», кроме того, он раздал щедрые дары людям по всей стране. Золотые чаши, наполненные серебром, и серебряные чаши, наполненные золотом, а также дорогие духи в стеклянных сосудах были разосланы повсюду. Женщинам из прислуги были дарованы кошельки с золотыми и серебряными монетами «и большой серебряный поднос с благовониями, а также по яркому, богато украшенному халату каждой». Никто и никогда до этого не видел ничего подобного. По крайней мере, не во времена ислама⁴³².

Все это стало возможным благодаря необычайно высоким налоговым сборам, полученным со всей обширной и богатой империи. Когда в 809 году Харун ар-Рашид умер, в его сокровищнице находилось 4000 турбанов, 1000 драгоценных фарфоровых сосудов, большой выбор духов, невероятное количество драгоценных украшений, серебра и золота, 150 000 копий и столько же щитов, кроме того, тысячи пар обуви, многие из которых были

⁴²⁹ L. Albaum, *Balalyk-Tepe: k istorii material'noi kul'tury i iskusstva Tokharistana* (Tashkent, 1960); F. Starr, *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane* (Princeton, 2014), p. 104.

⁴³⁰ A. Walmsley and K. Damgaard, 'The Umayyad Congregational Mosque of Jerash in Jordan and its Relationship to Early Mosques', *Antiquity* 79 (2005), pp. 362–378; I. Roll and E. Ayalon, 'The Market Street at Apollonia – Arsuf', *BASOR* 267 (1987), pp. 61–76; K. al-As'ad and Stepniowski, 'The Umayyad suq in Palmyra', *Damascener Mitteilungen* 4 (1989), pp. 205–223; R. Hillenbrand, 'Anjar and Early Islamic Urbanism', in G. – P. Brogiolo and B. Ward-Perkins (eds), *The Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Leiden, 1999), pp. 59–98.

⁴³¹ Hilāl al-#ābi#, *Rusūm dār al-khilāfah*, in *The Rules and Regulations of the Abbasid Court*, tr. E. Salem (Beirut, 1977), pp. 21–22.

⁴³² Ibn al-Zubayr, *Kitāb al-hadāyā wa al-tu#af*, in *Book of Gifts and Rarities: Selections Compiled in the Fifteenth Century from an Eleventh-Century Manuscript on Gifts and Treasures*, tr. G. al-Qaddūmi (Cambridge, MA, 1996), pp. 121–122.

отделаны соболем, норкой и другими мехами⁴³³. «Наименьшая из моих земель приносит больше прибыли, чем все ваши владения», – предположительно так халиф писал императору в Константинополь в середине IX века⁴³⁴. Богатство привело к эпохе процветания и интеллектуальной революции.

Существенно увеличилось количество частных предприятий, так как уровень свободных капиталов резко возрос. Басра, находящаяся в Персидском заливе, приобрела репутацию рынка, где можно отыскать практически что угодно, включая шелк, лен, жемчуг, драгоценные камни, хну и розовую воду. По словам очевидца X века, рынок в Мосуле, городе с прекрасными домами и великолепными общественными банями, был отличным местом для покупки стрел, стремян, седел. При этом автор отмечал, что, если вам хочется приобрести качественные фисташки, кунжутное масло, гранаты, финики, лучше всего отправляться за ними в Нишапур⁴³⁵.

Существовал огромный спрос на деликатесы, товары, изготовленные лучшими мастерами. В то время как вкусы стали более изощренными, повысился спрос на информацию. Даже если принимать во внимание традиционную и очень романтическую версию о том, что бумага попала в исламский мир через китайцев, захваченных в битве при Таласе в 751 году, совершенно ясно, что ко второй половине VIII века доступность бумаги сделала процесс записи, распространения и совместного пользования знаниями проще и быстрее. Произшедший в результате литературный бум охватил буквально все сферы – математику, географию и описание путешествий⁴³⁶.

Авторы отмечали, что лучшая айва росла в Иерусалиме, лучшую выпечку делали в Египте, в Сирии потрясающе вкусный инжир, а за умарийские сливы из Шираза можно умереть. Так как теперь могли быть удовлетворены даже самые взыскательные вкусы, отзывы критиков стали также важны. Один из авторов отмечает, что фруктов из Дамаска следует избегать, так как они безвкусные (а населению требовались аргументированные отзывы). Хотя сам Дамаск был не так плох, как Иерусалим, «золотой котел полный скорпионов», где бани были грязны, еда слишком дорогая, а стоимость проживания могла вызвать желание отказаться даже от самого короткого визита в город⁴³⁷. Торговцы и путешественники привозили домой истории о посещенных ими странах, о том, чем торгуют на рынках, какие люди живут за пределами исламского мира. Например, один из авторов, который сверял отчеты из-за границы, отмечал, что китайцы всех возрастов «носят шелка как зимой, так и летом», а одежда некоторых из них была сделана из поистине прекрасных материалов. Однако элегантность распространялась не на все сферы жизни: «Китайцы не соблюдают гигиену. После того как они справляют нужду, они не подмываются, а просто вытираются китайской бумагой»⁴³⁸.

По крайней мере, им пришлось по нраву музыкальные развлечения в отличие от индусов, которые считали такие увеселения постыдными. Правители Индии также избегали и алкоголя. Они делали это не по религиозным причинам, а потому, что совершенно разумно считали: если давать волю пьянству, «как можно правильно управлять государством»? Хотя Индия и являлась страной врачей и философов, Китай – это «гораздо более здоровая страна, где гораздо меньше болезней и воздух лучше». Там очень редко можно встретить «сле-

⁴³³ B. Lewis, *Islam: From the Prophet Muhammad to the Capture of Constantinople* (New York, 1987), pp. 140–141.

⁴³⁴ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, p. 60.

⁴³⁵ Там же, pp. 107, 117, 263.

⁴³⁶ J. Bloom, *Paper before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World* (New Haven, 2001).

⁴³⁷ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, pp. 6, 133–134, 141.

⁴³⁸ *Two Arabic travel books: Accounts of China and India*, ed. and trans. T. Mackintosh-Smith and J. Montgomery (New York, 2014), p. 37.

пых, одноглазых или людей с другими отклонениями», в то время как «в Индии таких полным-полно»⁴³⁹.

Предметы роскоши поступали из-за границы в больших количествах. Из Китая поставлялись фарфоровые и каменные изделия, образцы гончарного мастерства, изготовленные по местным эскизам и технологиям. Их отличительной чертой стала белая глазурь, характерная для посуды династии Тан и ставшая очень популярной. Достижения в области технологий позволили удовлетворять все возрастающий спрос.

Предполагается, что самые большие китайские печи для обжига вмещали одновременно до 12 000–15 000 изделий. О росте уровня торговли, который один из ученых назвал «самой большой в мире системой морской торговли», можно судить хотя бы потому, что на корабле, потерпевшем крушение около берегов Индонезии в IX веке, перевозилось около 70 000 керамических изделий, а также щедро украшенные шкатулки, серебряные, золотые и свинцовые слитки⁴⁴⁰. Это лишь один из примеров, доказывающих обилие керамики, шелка, твердых пород древесины из тропиков и экзотических животных, которые, как показывают источники, импортировались в Аббасидский халифат⁴⁴¹. Количество товаров, прибывающих в Персидский залив, было так велико, что для очистки гавани от выброшенных или упавших с борта товаров нанимались профессиональные ныряльщики⁴⁴².

На доставке товаров, пользующихся спросом, можно было сколотить состояние. Порт Сираф, на который приходилась большая часть морского трафика с востока, мог похвастаться роскошными дворцовыми комплексами, строительство которых обошлось в заоблачные суммы. «Нигде в исламском мире я не видел более роскошных зданий», – писал один из авторов X века⁴⁴³. Целый ряд источников говорит о том, что широкомасштабная торговля с Заливом шла не только морскими путями, но и по наземным торговым путям, которые пересекали Центральную Азию⁴⁴⁴. Растущий спрос послужил толчком для развития местных производств керамики и фарфора. Покупателями в основном являлись те, кто был не в состоянии приобрести самые лучшие (и самые дорогостоящие) товары из Китая. Таким образом, неудивительно, что гончары Месопотамии и Персидского залива имитировали импортную белую глазурь, экспериментируя со щелочью, оловом и в конечном итоге с кварцем. Они хотели добиться наибольшего сходства с полупрозрачным (и очень качественным) фарфором, изготовленным в Китае. В Басре и Самарре технологии развились настолько, что ремесленники начали применять кобальт для изготовления «бело-синих изделий», которые столетиями позже не только оказались популярны на Дальнем Востоке, но и стали отличительной чертой китайской керамики раннего периода новейшего времени⁴⁴⁵.

В VIII и IX веках, однако, не было ни малейших сомнений в том, где находились основные рынки. Один их китайских путешественников, странствовавший по Арабским Эмиратам в тот же период, дивился окружающему богатству: «Все, что только было произведено на земле, здесь. Бесчисленные повозки свозят на рынки огромное количество товаров. Все

⁴³⁹ Там же, pp. 59, 63.

⁴⁴⁰ J. Stargardt, 'Indian Ocean Trade in the Ninth and Tenth Centuries: Demand, Distance, and Profit', *South Asian Studies* 30.1 (2014), pp. 35–55.

⁴⁴¹ A. Northedge, 'Thoughts on the Introduction of Polychrome Glazed Pottery in the Middle East', in E. Villeneuve and P. Watson (eds), *La Céramique byzantine et proto-islamique en Syrie-Jordanie (IVe – VIIIe siècles apr. J. – C.)* (Beirut, 2001), pp. 207–214; R. Mason, *Shine Like the Sun: Lustre-Painted and Associated Pottery from the Medieval Middle East* (Toronto, 2004); M. Milwright, *An Introduction to Islamic Archaeology* (Edinburgh, 2010), pp. 48–49.

⁴⁴² H. Khalileh, *Admiralty and Maritime Laws in the Mediterranean Sea (ca. 800–1050): The Kitāb Akriyat al Sufun vis-à-vis the Nomos Rhodion Nautikos* (Leiden, 2006), pp. 212–214.

⁴⁴³ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, pp. 347.

⁴⁴⁴ Daryaei, 'Persian Gulf Trade', pp. 1–16; Banaji, 'Islam, the Mediterranean and the Rise of Capitalism', pp. 61–62.

⁴⁴⁵ E. Grube, *Cobalt and Lustre: The First Centuries of Islamic Pottery* (London, 1994); O. Watson, *Ceramics from Islamic Lands* (London, 2004).

доступно и недорого: парча, расшитые шелка, жемчуг, драгоценные камни продаются на рынках и магазинах по всему городу»⁴⁴⁶.

По мере возникновения все более изощренных вкусов появлялись также и изощренные идеи о подходящих занятиях и играх. Например, в «Книге короля» (*Book of the Crown*), написанной в X веке, описаны правила взаимоотношений между правителем и его двором, а также указано, что аристократам следует охотиться, стрелять из лука, играть в шахматы или заниматься чем-то другим, подобным этому⁴⁴⁷. Все эти правила были заимствованы из идеальных представлений о жизни Сасанидов. Отголоски этого влияния можно увидеть и в современных модных тенденциях оформления интерьеров. Сцены охоты до сих пор очень популярны при оформлении частных особняков элиты⁴⁴⁸.

Наличие богатых покровителей также способствовало началу одного из самых удивительных периодов расцвета науки в истории. Блестящие ученые, многие из которых не были мусульманами, съехались к Багдадскому двору и в центры наук по всей Центральной Азии, такие как, например, Бухара, Мерв, Гундишапур и Газни, а также в дальнейшем в исламскую Испанию и Египет, чтобы работать над целым рядом вопросов, включая математические, философские, физические и географические.

Огромное количество текстов было собрано и переведено с греческого, персидского и сирийского языков на арабский. Среди них были самые разнообразные книги, начиная с пособия по лечению лошадей и ветеринарным наукам и заканчивая работами греческих философов⁴⁴⁹. Ученые использовали их как основу для своих будущих исследований. Образование и обучение стали культурным идеалом. Такие семьи, как Бармакиды (изначально буддистский род из Балха), которая получила власть и влияние в Багдаде в IX веке, с энтузиазмом покровительствовали переводчикам огромного количества текстов с санскрита на арабский. Бармакиды даже построили бумажную фабрику, чтобы создавать копии книг для их дальнейшего распространения⁴⁵⁰.

Еще одна семья, которую стоит упомянуть, – Буктишу, христианский род из Гундешапура в Персии, который дарил миру целые поколения интеллектуалов, которые написали множество работ по медицине и даже о любовной тоске. Параллельно с написанием своих исследований они практиковали медицину. Некоторые представители рода лечили самого халифа⁴⁵¹. Медицинские исследования, написанные в этот период, сформировали основу исламской медицины на целые столетия. «Как тревога сказывается на пульсе человека?» – это был 16-й вопрос из книги в вопросах и ответах, написанной в средневековом Египте; ответ («слабый и неровный»), по словам автора, можно было найти в энциклопедии, написанной в X веке⁴⁵².

Фармакопея – свод правил по смешиванию и созданию лекарств. В нем описаны эксперименты с использованием лемонграсса, семени мирта, тмина и винного уксуса, сельдерея

⁴⁴⁶ Du Huan, Jinxing Ji, цитируется по X. Liu, *The Silk Road in World History* (Oxford, 2010), p. 101.

⁴⁴⁷ *Kitāb al-Tāj (fī akhlāq al-mulūk)* in *Le Livre de la couronne: ouvrage attribué à #ahiz*, tr. C. Pellat (Paris, 1954), p. 101.

⁴⁴⁸ Заимствования у Сасанидов – Walker, *Qardagh*, p. 139. Сцены охоты из дворцов Тегерана – D. Thompson, *Stucco from Chal-Tarkhan-Eshqabad near Rayy* (Warminster, 1976), pp. 9–24.

⁴⁴⁹ D. Gutas, *Greek Thought, Arabic Culture: The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early #Abbasid Society (2nd–4th / 8th–10th Centuries)* (London, 1998); R. Hoyland, ‘Theonmestus of Magnesia, Hunayn ibn Ishaq and the Beginnings of Islamic Veterinary Science’, in R. Hoyland and P. Kennedy (eds), *Islamic Reflections, Arabic Musings* (Oxford, 2004), pp. 150–169; A. McCabe, *A Byzantine Encyclopedia of Horse Medicine* (Oxford, 2007), pp. 182–184.

⁴⁵⁰ V. van Bladel, ‘The Bactrian Background of the Barmakids’, in A. Akasoy, Burnett and R. Yoeli-Tlalim, *Islam and Tibet: Interactions along the Musk Route* (Farnham, 2011), pp. 82–83; Gutas, *Greek Thought, Arabic Culture*, p. 13.

⁴⁵¹ См. P. Pormann and E. Savage-Smith, *Medieval Islamic Medicine* (Edinburgh, 2007); Y. Tabbaa, ‘The Functional Aspects of Medieval Islamic Hospitals’, in M. Boner, M. Ener and A. Singer (eds), *Poverty and Charity in Middle Eastern Contexts* (Albany, NY, 2003), pp. 97–98.

⁴⁵² Pormann and Savage-Smith, *Medieval Islamic Medicine*, p. 55.

и нарда⁴⁵³. Другие работали над проблемами оптики вместе с ибн аль-Хайсамом, ученым, который жил в Египте. Он написал исследование, в котором описал не только связь между мозгом и зрением, но и разницу между восприятием и знанием⁴⁵⁴.

Еще один ученый – Абу аль-Бируни – установил, что мир вращается вокруг Солнца, а также вокруг своей оси. Такой эрудит, как Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина, известный на Западе как Авиценна, писал труды по логике, теологии, математике, медицине и философии. В каждой работе отражается его ум и честность, все его труды отличаются ясностью. «Я читал Метафизику Аристотеля, – писал он, – но так и не смог понять содержание... даже когда я начал снова и прочитал эту книгу сорок раз, я дошел до того, что заучил ее». Это книга, добавил он, послужит утешением тем, кто изучает этот сложный текст, «который невозможно понять». Случайно оказавшись у лотка продавца книг на рынке, он приобрел анализ работ Аристотеля, автором которого являлся Абу Наср аль-Фараби, еще один выдающийся мыслитель того времени. Внезапно все встало на свои места. «Я радовался этому, – писал ибн Сина, – и на следующий день я раздал большую милостыню бедным в благодарность Всевышнему»⁴⁵⁵.

Затем появились исследования из Индии, включая работы по таким наукам, как математика и астрология, написанные на санскрите, над которыми корпели гениальные люди, например, аль-Хорезми, который с восторгом отметил простоту системы исчисления, которая позволяла ввести математическую концепцию нуля. Это послужило основой для изменений в алгебре, прикладной математике, тригонометрии и астрономии. Последнее было продиктовано практической необходимостью узнать, в какой стороне находится Мекка, чтобы верующие в своих молитвах могли обращаться в нужном направлении.

Ученые гордились не только тем, что они собирали материалы со всех уголков Земли и изучали их, но также и тем, что они их переводили. «Исследования индусов переведены (на арабский язык), мудрость греков переведена, литература персов передана (и нам в том числе), – писал один из авторов, – в результате красота многих работ сильно возросла». «Как жаль, – делился он, – что арабский язык настолько утонченный, что переводить тексты на него практически невозможно»⁴⁵⁶.

Это было золотое время, когда такие выдающиеся люди, как, например, аль-Кинди, раздвигали границы философии и других наук. В то же самое время появились и выдающиеся женщины, такие как поэтесса X века, известная как Робиаи Балхи. Она жила на территории современного Афганистана, а в Кабуле в ее честь назван роддом. Мехсети Гянджеви, еще одна выдающаяся поэтесса, творила на персидском языке⁴⁵⁷.

В то время как мусульманский мир наслаждался инновациями, прогрессом и новыми идеями, большая часть христианской Европы была ввергнута во тьму, была буквально парализована из-за отсутствия ресурсов и недостатка любопытства. Святой Августин был враждебно настроен к разного рода исследованиям. «Люди хотят знать только ради самого знания, – писал он пренебрежительно, – хотя это знание не имеет для них никакой ценности». Любопытство, по его мнению, было не чем иным, как болезнью⁴⁵⁸.

Это презрение к наукам и ученым озадачило мусульманских исследователей, которые очень уважали Птолемея и Евклида, Гомера и Аристотеля. Многие из них даже не сомнева-

⁴⁵³ E. Lev and L. Chipman, 'A Fragment of a Judaeo-Arabic Manuscript of Sābūr b. Sahl's *Al-Aqrābādhīn al-#aghīr* Found in the Taylor-Schechter Cairo Genizah Collection', *Medieval Encounters* 13 (2007), pp. 347–362.

⁴⁵⁴ Ibn al-Haytham, *The Optics of Ibn al-Haytham, Books I–III: On Direct Vision*, tr. A. Sabra, 2 vols (London, 1989).

⁴⁵⁵ W. Gohlman, *The Life of Ibn Sina: A Critical Edition and Annotated Translation* (New York, 1974), p. 35.

⁴⁵⁶ al-Jā#i#, *Kitāb al-#ayawān*, cited by Pormann and Savage-Smith, *Medieval Islamic Medicine*, p. 23.

⁴⁵⁷ Mahsatī, *Mahsati Ganjavi: la luna e le perle*, tr. R. Bargigli (Milan, 1999); а также Bagherzadeh, 'Mahsati Ganjavi et les potiers de Rey', in *Varia Turcica* 19 (1992), pp. 161–176.

⁴⁵⁸ Augustine, *The Confessions of St Augustine*, tr. F. Sheed (New York, 1942), p. 247.

лись, кого следует в этом винить. Древние греки и римляне, как писал историк аль-Масуди, позволили наукам процветать, но затем они приняли христианство. Сделав это, они «стерли все знаки (обучения), уничтожили его следы и разрушили его пути»⁴⁵⁹. Науку победила вера. Это была почти полная противоположность тому миру, который мы видим сейчас. Фундаменталистами были не мусульмане, а христиане. Те, чьи умы были открыты, любопытны и щедры, жили на Востоке, а не в Европе. Как говорил один из авторов, когда дело дошло до описания немусульманских стран, «мы не вводили их (в нашей книге), потому что мы не видим никакой пользы в их описании». Они напоминали интеллектуальное болото⁴⁶⁰.

Картина просветления и культурной утонченности также нашла свое отражение в отношении к малым культурам и религиям. В мусульманской Испании влияние вестготов проявилось в архитектурном стиле, оно воспринималось как продолжение недавнего прошлого и, соответственно, не несло в себе ни агрессивного, ни триумфального посыла⁴⁶¹. В письмах, отправленных Тимофеем, главой Багдадской восточной церкви в конце VIII – начале IX века, описан мир, в котором старшие христианские священнослужители находятся в хороших отношениях с самим халифом, где христиане могут рассылать миссии в Индию, Китай и Тибет, а также в степи, при этом добиваясь больших успехов⁴⁶². Такая же система наблюдалась и в Северной Африке, где еще сохранились христианские и еврейские общины. Более того, они процветали еще долгое время после того, как были завоеваны мусульманами⁴⁶³.

В такой ситуации очень легко потерять контроль. Несмотря на видимое единство в рамках одной религии, в исламском мире наблюдался раскол. В самом начале 900-х годов существовало три основных политических исламских центра. Один из них находился в Кордобе в Испании, другой – в Египте в верховьях Нила, а третий – в Месопотамии, занимая большую часть Аравийского полуострова. Все они боролись друг с другом как по вопросам религии, так и по вопросам власти и влияния. Раскол в исламском мире произошел в течение жизни одного поколения после смерти Мухаммеда. Появились мятежники, которые стремились доказать свой статус непосредственных преемников пророка после его смерти. Очень быстро образовалось два лагеря, которые отстаивали, соответственно, суннитскую и шиитскую интерпретацию учения. Последние утверждали, что только наследник Али, двоюродного брата пророка и его воспитанник, может стать халифом, в то время как первые настаивали на более широком понимании учения.

Таким образом, несмотря на тот факт, что номинально существовало всеобъемлющее религиозное единство, которое соединяло Гиндукуш с Пиренеями через Месопотамию и Северную Африку, найти компромисс оказалось не так просто. Расслабленное отношение к религии не было ни повсеместным, ни последовательным. Хотя можно выделить периоды принятия других религий, были также и времена преследований и насильственных обращений. Первую сотню лет после смерти Мухаммеда попытки обратить местное население предпринимались очень редко, позже власти более широко поддерживали тех, кто живет под властью ислама. Они не ограничивались религиозными нравоучениями и обращением в религию: в Бухаре в VIII веке, например, правитель объявил, что те, кто явится на пятничную молитву, получат сумму в 2 динара – стимул, который привлеч бедных и убедил их принять новую религию, хоть и на базовых условиях. Они не могли читать Коран на арабском, и во время молитвы им говорили, что нужно делать⁴⁶⁴.

⁴⁵⁹ al-Masūdī, цитируется по Gutas, *Greek Thought, Arabic Culture*, p. 89.

⁴⁶⁰ Muqaddasī, *Best Divisions for Knowledge*, p. 8.

⁴⁶¹ M. Barrucand and A. Bednorz, *Moorish Architecture in Andalusia* (Cologne, 1999), p. 40.

⁴⁶² Например, M. Dickens, 'Patriarch Timothy II and the Metropolitan of the Turks', *Journal of the Royal Asiatic Society* 20.2 (2010), pp. 117–139.

⁴⁶³ Conant, *Staying Roman*, pp. 362–370.

⁴⁶⁴ Narshakhī, *The History of Bukhara: Translated from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhī*, tr. N Frye

Цепь событий, начало которой было положено с возникновением вражды между Римской империей и Персией, имела далеко идущие последствия. По мере того как две великие державы наращивали мускулы и готовились к финальному шоу, лишь немногие могли предположить, что на далеком Аравийском полуострове появится третья сторона, которая вытеснит первые две. Те, кто был вдохновлен Мухаммедом, на самом деле унаследовали Землю. Они основали, пожалуй, величайшую империю, которую видел мир. Империю, которая показала миру новые методы орошения и принесла на Пиренейский полуостров новые культуры с берегов Тигра и Евфрата, устроив тем самым аграрную революцию, которая распространилась на тысячи миль⁴⁶⁵.

Исламские завоевания привели к созданию нового мирового порядка, зарождению экономического гиганта, поддерживаемого собственной самоуверенностью, широтой взглядов и страстным стремлением к прогрессу. Это был мир, изобилующий богатствами, имеющий мало политических и религиозных противников, здесь главенствовал порядок, торговцы могли разбогатеть, в этом мире уважали интеллектуалов и рассматривались и обсуждались самые разнообразные точки зрения. То, что начиналось в пещере возле Мекки без всякой надежды на успех, породило утопию космического масштаба.

Это не осталось незамеченным. Амбициозные люди, рожденные на периферии мусульманской уммы или даже дальше, слетелись как пчелы на мед. Перспектива провести жизнь в болотах Италии, в Центральной Европе или Скандинавии не выглядела слишком многообещающей для молодых людей, желающих сделать имя (и заработать денег). В XIX веке они стремились на Запад, в США. Именно там они искали славы и богатства. Тысячелетием ранее молодые люди отправлялись на Восток. Тем более что там был один товар, которого всегда было в достатке, и готовый рынок для тех, кто был готов сыграть грубо, но быстро.

(Cambridge, MA, 1954), pp. 48–49.

⁴⁶⁵ A. Watson, *Agricultural Innovation in the Early Islamic World* (Cambridge, 1983); T. Glick, 'Hydraulic Technology in al-Andalus', in M. Morony (ed.), *Production and the Exploitation of Resources* (Aldershot, 2002), pp. 327–339.

6. Путь мехов

Во времена расцвета Багдад представлял собой великолепное зрелище. Здесь были парки, рынки, мечети и бани, наряду со школами, госпиталями и благотворительными организациями. Особняки в городе были «щедро позолочены и украшены, увешаны красивыми гобеленами и занавесями из парчи и шелка», их приемные «обставлены мебелью легко и со вкусом», в них можно было увидеть «шикарные диваны, дорогие столы, эксклюзивные китайские вазы и бесчисленные золотые и серебряные безделушки». Вниз по реке Тигр расположились дворцы, беседки и сады для элиты. Как отмечали очевидцы, «речной пейзаж украшен тысячами лодок, увешанных небольшими флажками; они скользят по воде, как солнечные лучики, перевоза пассажиров, жаждущих удовольствий, из одной части Багдада в другую»⁴⁶⁶.

Энергия рынка и покупательная способность двора, богатых горожан и населения в целом были просто потрясающими. Воздействие вышло далеко за пределы исламского мира, где завоевания мусульман привели к формированию новых путей, которые змеились во всех направлениях и по которым распространялись товары, идеи и люди. Для многих это расширение стало причиной беспокойства. В 840-х годах халиф аль-Васик послал экспедицию, чтобы проверить правдивость своего сна: ему приснилось, что каннибалы сломали легендарную стену, которая по преданию была построена Всевышним для сдерживания яростных дикарей. Потребовалось примерно полтора года, чтобы разведывательный отряд под руководством доверенного советника по имени Саллам, смог доложить о состоянии той стены. Он объяснил, как поддерживались эти фортификации.

Охрана этой стены была серьезным бизнесом, а ответственность была возложена на одну-единственную семью. Именно ее представители проводили инспекции этой стены на постоянной основе. Дважды в неделю по стене стучали молотком, ровно три раза, для проверки ее на прочность. Каждый раз проверяющий прислушивался к любым отклонениям от нормы. «Если приложить ухо к двери, можно услышать гул, похожий на гул осинового гнезда, — пишет один из очевидцев, — затем все снова стихает». Стена была предназначена для того, чтобы дикари, которые могут принести с собой апокалипсис, знали, что границу охраняют и им не пройти⁴⁶⁷.

Отчет о проверке стены был настолько красочным, что некоторые историки были убеждены, что речь шла о настоящей экспедиции к настоящей стене — возможно, к Нефритовым вратам, которые стояли на въезде в Китай со стороны Дуньхуана⁴⁶⁸. Кстати, страх перед разрушителями мира, которые придут из-за гор на востоке, — связующее звено между античным миром, Старым и Новым Заветом и Кораном⁴⁶⁹. Независимо от того, действительно ли состоялось путешествие Саллама, страх перед тем, что находится за границей, был очень реален. Мир был разделен на две части: владения Ирана, где превалировали порядок и цивилизация, и владения Турана, где царил хаос, анархия и опасность. В большом количестве отчетов путешественников и географов, которые были в степях на севере, говорится, что

⁴⁶⁶ W. Davis, *Readings in Ancient History: Illustrative Extracts from the Sources*, 2 vols (Boston, 1912–1913), 2, pp. 365–367.

⁴⁶⁷ Ibn Khuradādhbih, *Kitāb al-masālik wa-l-mamālik*, tr. Lunde and Stone, 'Book of Roads and Kingdoms', in *Ibn Fadlan and the Land of Darkness*, pp. 99–104.

⁴⁶⁸ E. van Donzel and A. Schmidt, *Gog and Magog in Early Christian and Islamic Sources: Sallam's Quest for Alexander's Wall* (Leiden, 2010); также обратите внимание на эти источники F. Sezgin, *Anthropogeographie* (Frankfurt, 2010), pp. 95–97; Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — М., 2004. — С. 138–141.

⁴⁶⁹ A. Gow, 'Gog and Magog on *Mappaemundi* and Early Printed World Maps: Orientalizing Ethnography in the Apocalyptic Tradition', *Journal of Early Modern History* 2.1 (1998), pp. 61–62.

люди, которые живут за пределами мусульманского мира, странные, в некоторой степени удивительные и прекрасные, но в целом ужасные.

Одним из самых известных корреспондентов был ибн Фадлан, который отправился в степь в самом начале X века по запросу вождя волжских булгар. Ему требовался ученый, который смог бы приехать и разъяснить учение ислама. Согласно записям ибн Фадлана, верхушка племени, чьи земли находились на Волге к северу от Каспийского моря, где великая река пересекается с Камой, уже стали мусульманами, однако их знания об исламе находились в зачаточном состоянии. Хотя лидер волжских булгар и просил помощи в постройке мечети и более тщательном изучении откровений Мухаммеда, очень скоро стало ясно, что он хотел заручиться поддержкой в конкурентной борьбе против других степных племен.

Ибн Фадлан, приехав на север, был шокирован, поражен и напуган. Жизнь кочевников, которые постоянно находились в движении, разительно отличалась от утонченной культурной жизни Багдада и других городов.

Представители племени гузов были одними из первых встреченных ибн Фадланом людей. «Они живут в войлочных юртах, – писал он, – перенося их с места на место... Они живут в нищете, как бродячие ослы. Они не поклоняются Богу, у них нет никакой связи с разумом». Затем он продолжал: «Они не моются после того, как загрязнятся собственными экскрементами или мочой... (и кстати) они не имеют контакта с водой, особенно в зимний период». То, что женщины не носят покрывал, было меньшим из зол. Однажды вечером ибн Фадлан сидел вместе с одним человеком, и его жена присутствовала при этом. «Пока мы беседовали, она обнажила интимные части и почесалась, в то время как мы смотрели на нее. Мы покрыли лицо ладонями, и каждый из нас произнес: «Я ищу прощения твоего, Господи». Ее же муж только смеялся, глядя на ханжество гостей⁴⁷⁰.

Традиции и верования других племен степи были не менее удивительны. Встречались племена, которые поклонялись змеям, рыбам, кто-то молился птицам. Последние были убеждены, что смогли победить в битве только благодаря вмешательству стаи журавлей. Были и такие, которые носили на шее деревянный фаллос. Перед тем как отправиться в путешествие, они целовали его на удачу. Это были члены племени башкиров – люди легендарной дикости. Они имели привычку носить головы своих врагов с собой в качестве трофея. У них были ужасные привычки, например, они поедали вшей и блох: ибн Фадлан стал свидетелем того, как один из мужчин племени, который нашел в своей одежде блоху, «раздавил ее ногтем и сожрал. Поймав мой взгляд, он сказал: «Вкуснятина!»⁴⁷¹

Хотя жизнь в степи была чрезвычайно сложна для таких путешественников, как ибн Фадлан, определенное взаимодействие между кочевниками и оседлым миром на юге все-таки наблюдалось. Одним из признаков этого было распространение ислама среди племен, хотя и несколько хаотичное. К примеру, племя гузов заявляло о своей принадлежности к мусульманам. Как писал ибн Фадлан, они даже произносили подходящие случаю правильные фразы, «чтобы произвести впечатление на мусульман, которые были у них в гостях». Однако веры в них было мало, он отмечал, что «если кто-то из них страдал от несправедливости или что-то плохое случалось с ними, они поднимали голову к небесам и говорили “Бир тенгри”». Таким образом, они взывали не к Аллаху, а к Тенгри, верховному божеству кочевников⁴⁷².

Религиозные верования в степях были сложными и редко бывали едиными. На мировоззрение кочевников повлияло христианство, ислам, иудаизм, зороастризм и язычество.

⁴⁷⁰ Ibn Fa#l#ān, *Book of Ahmad ibn Fa#l#ān*, tr. Lunde and Stone, *Land of Darkness*, p. 12.

⁴⁷¹ Там же, pp. 23–24.

⁴⁷² Там же, p. 12; о Тенгри см. U. Harva, *Die Religiösen Vorstellungen der altaischen Völker* (Helsinki, 1938), pp. 140–153.

Все это смешалось вместе, чтобы создать запутанную систему, в которой сложно разобраться⁴⁷³.

Частично распространением этих меняющихся, приспособляющихся духовных взглядов занимался новый тип святых людей ислама, которые исполняли роль миссионеров. Эти мистики, которых называли суфиями, бродили по степям, иногда нагишом и в рогах животных. Они заботились о больных животных и поражали окружающих своей эксцентричностью и постоянными разговорами о преданности и благочестии. Они могли сыграть важнейшую роль в обращении людей, так как совмещали шаманизм с анимизмом. Все это имело широкое распространение в Центральной Азии, наряду с принципами ислама⁴⁷⁴.

Конечно же, влияние оказывали не только суфии. Другие путешественники тоже сыграли свою роль в распространении идей и религии. Источники более позднего периода рассказывают об обращении волжских булгар. Проезжий купец-мусульманин излечил вождя племени и его жену от серьезной болезни, от которой до того ничего не помогало. Перед тем как дать больным лекарство, купец взял с них обещание, что в случае излечения они примут его религию. Затем он дал им лекарство, «излечил их, и они и весь их народ приняли ислам»⁴⁷⁵. Это был классический сценарий обращения: принятие новой религии лидером или лицом, к нему приближенным, могло стать решающим моментом в вопросе принятия религии в больших масштабах⁴⁷⁶.

Распространение веры в новых регионах стало знаком престижа для правителей и местных династий. Это помогало им обратить на себя внимание самого халифа, а кроме того, повысить авторитет внутри своего региона. Саманиды из Бухары, к примеру, жаждали взять ислам под свое покровительство. И они сделали это, построив целую систему медресе (школ). Идея была заимствована из концепции буддистских монастырей. В медресе должны были изучать Коран, а также хадисы – предания о словах и действиях Мухаммеда. То, что всем приходящим в мечеть щедро раздавали деньги, способствовало высокой посещаемости⁴⁷⁷.

Тем не менее степи были чем-то гораздо большим, чем просто Дикий Север, приграничная зона, в которой живут люди со странными традициями, пустое место, куда мог продвинуться ислам, дикие люди, которых можно было привести к цивилизации. Хотя такие путешественники, как ибн Фадлан, рисовали картины варварства, жизнь кочевников была тщательно отрегулирована и упорядочена. Перемещение с места на место не было результатом бесцельного брожения, в этом отражались реалии животноводства: при наличии большого количества скота поиски хорошего пастбища имеют важнейшее значение не только для успеха племени, но и для его выживания. То, что выглядело хаосом при взгляде снаружи, не являлось таковым при взгляде изнутри.

Это прекрасно отражено в замечательном тексте, написанном в Константинополе в X веке. Работа описывает, как была организована жизнь в одном из важнейших регионов на севере Черного моря. Печенеги делились на 8 племен, которые, в свою очередь, были поделены на 40 групп поменьше. У каждой из них была четко очерченная территория, кото-

⁴⁷³ R. Mason, 'The Religious Beliefs of the Khazars', *Ukrainian Quarterly* 51.4 (1995), pp. 383–415.

⁴⁷⁴ Обратите внимание на противоположный аргумент, который разъединяет суфизм и кочевой мир, J. Paul, 'Islamizing Sufis in Pre-Mongol Central Asia', in de la Vaissière, *Islamisation de l'Asie Centrale*, pp. 297–317.

⁴⁷⁵ Abū Hāmid al-Gharnāṭī, *Tuḥfat al-albāb wa-nukhbat al-iḥjāb wa-Riḥlah ilā ʿUrubbah wa-Āsiyah*, tr. Lunde and Stone, 'The Travels', in *Land of Darkness*, p. 68.

⁴⁷⁶ A. Khazanov, 'The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes', in M. Gervers and W. Schlepp (eds), *Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic* (Toronto, 1994), pp. 11–34.

⁴⁷⁷ E. Seldeslachts, 'Greece, the Final Frontier? The Westward Spread of Buddhism', in A. Heirman and S. Bumbacher (eds), *The Spread of Buddhism* (Leiden, 2007); R. Bulliet, 'Naw Bahar and the Survival of Iranian Buddhism', *Iran* 14 (1976), pp. 144–145; Narshakhī, *History of Bukhara*, p. 49.

рой можно было пользоваться. Кочевая жизнь не означала, что жизнь племени была дезорганизована⁴⁷⁸.

Хотя современные исследователи, путешественники, географы и историки, которые интересовались степью, были очарованы образом жизни кочевников и их привычками, их также интересовал экономический вклад, сделанный кочевниками. Особенно в сфере сельского хозяйства. Степь обеспечивала оседлые сообщества разными товарами и услугами. Племя гузов, по подсчетам ибн Фадлана, имело во владении 10 000 лошадей и в десять раз больше овец. Даже если не оперировать конкретными цифрами, масштабы были впечатляющими⁴⁷⁹.

Лошади были жизненно важной частью экономики. Это ясно из источников, в которых говорится о большом количестве лошадей, которых основные племена степи могли выставить на поле боя. Они выращивались на коммерческой основе, если судить по отчетам об уничтожении конезаводов арабскими налетчиками в VIII веке, а также, судя по костям, найденным археологами на севере Черного моря⁴⁸⁰. Сельское хозяйство также стало неотъемлемой частью степной экономики. Культуры высаживались в низовьях Волги, где было множество пропашных полей и садов⁴⁸¹. Согласно археологическим находкам в Крыму, в то время в значительных объемах высаживали пшеницу, просо и рожь⁴⁸². На рынках на юге также продавались фундук, соколы и мечи⁴⁸³. Кроме того, кочевники торговали воском и медом. Считалось, что мед вырабатывает устойчивость к холоду⁴⁸⁴. Янтарь, который тоже продавался в огромных количествах, свозили не только из степей, но и из Западной Европы. Один из известных историков даже ввел термин «янтарный след», чтобы описать пути, по которым затвердевшая смола попадала к восторженным покупателям на Востоке⁴⁸⁵.

Кроме всего прочего, процветала торговля шкурками животных. Меха высоко ценили за их тепло и статус, который они давали своим владельцам⁴⁸⁶. Один из халифов VIII века зашел так далеко, что повелел провести ряд экспериментов по заморозке различных видов меха, чтобы понять, какой из них обеспечивает наилучшую защиту от экстремальных погодных условий. Согласно одному из арабских авторов, он заполнил несколько резервуаров с водой и оставил их на ночь на морозе. «Утром он повелел принести их (резервуары). Все они замерзли, кроме одного, того, в котором был мех черной лисы. Таким образом, он понял, какой мех был самым теплым и сухим»⁴⁸⁷.

Мусульманские купцы различали разные шкурки животных и назначали цены соответственно этому. Один из авторов X века упоминает об импорте из степи соболей, белок, горностаев, норок, лис, куниц, бобров и даже зайцев. Все это потом распродавалось торгов-

⁴⁷⁸ Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, ed. G. Moravcsik, tr. R. Jenkins (Washington, DC, 1967), 37, pp. 166–170.

⁴⁷⁹ Ibn Fa#lān, 'Book of Ahmad ibn Fa#lān', p. 22. Некоторые ученые преуменьшают значение кочевого скотоводства в степи, см. Б. Заходер, *Каспийский свод сведений о Восточной Европе*: В 2-х т. – М., 1962. – Т. 1 – С. 139–140.

⁴⁸⁰ D. Dunlop, *The History of the Jewish Khazars* (Princeton, 1954), p. 83; Баранов Л. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маятская культура). – Киев, 1990. – С. 76–79.

⁴⁸¹ A. Martinez, 'Gardīzī's Two Chapters on the Turks', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1982), p. 155; T. Noonan, 'Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate', in P. Golden, H. Ben-Shammai and A. Róna-Tas (eds), *The World of the Khazars* (Leiden, 2007), pp. 214–215.

⁴⁸² Баранов, Таврика, с. 72–76.

⁴⁸³ Al-Muqaddasī, in *Land of Darkness*, pp. 169–170.

⁴⁸⁴ Abū Hāmid, 'Travels', p. 67.

⁴⁸⁵ McCormick, *Origins of the European Economy*, pp. 369–384.

⁴⁸⁶ J. Howard-Johnston, 'Trading in Fur, from Classical Antiquity to the Early Middle Ages', in E. Cameron (ed.), *Leather and Fur: Aspects of Early Medieval Trade and Technology* (London, 1998), pp. 65–79.

⁴⁸⁷ Mas#ūdī, *Kitāb al-tanbīh wa-al-ishrāf*, tr. Lunde and Stone, 'The Meadows of Gold and Mines of Precious Gems', *Land of Darkness*, p. 161.

цами, у которых было чутье, как сделать на этом деньги⁴⁸⁸. В некоторых частях степи шкурки использовались наряду с местной валютой, ими рассчитывались по фиксированному курсу. Восемнадцать старых беличьих шкурок можно было обменять на серебряную монету, а одна шкурка стоила «кусочек отменного хлеба, достаточно большой, чтобы накормить крупного мужчину». Для наблюдателей это было непостижимо: «В любой другой стране даже за огромное количество товаров нельзя купить и фасолину»⁴⁸⁹. И все-таки была очевидная логика в такой системе расчетов: иметь средства для обмена важно для общества, которое взаимодействовало с другими и у которого не было центрального казначейства для масштабной чеканки монет. Поэтому в немонетизированной экономике шкурки и меха служили в качестве средства оплаты.

Согласно одному из историков, каждый год из степи экспортировали около полумиллиона шкурок. При расширении империи ислама появились новые пути сообщения и новые торговые пути. Создание «пути мехов» в степи и лесных зонах на севере стало результатом увеличения благосостояния мусульман после великих завоеваний VII–VIII веков⁴⁹⁰.

Неудивительно, что близость к исламской империи была важна. Возможность доставки на рынок животных, их шкур и других товаров имела решающее значение. Самыми богатыми были те кочевые племена, которые были удачно расположены и могли активно торговать с оседлым миром. Точно так же и города, которые находились ближе к степи, могли быстро разбогатеть. Одним из главных выгодоприобретателей стал город Мерв, современники даже описывали его как «мать мира».

Находясь в южной части степей, он был превосходно расположен для того, чтобы вести дела с кочевыми племенами, а также служить в качестве важнейшей точки оси, проходящей через «хребет» Евразии. По словам одного из авторов, это был «восхитительный, элегантный, блестящий, большой и очень приятный глазу город»⁴⁹¹. В свою очередь, город Рей, который находился западнее, был известен как «врата торговли», «суженый земли» и «самое прекрасное творение земли»⁴⁹². Балхи же во всем соперничал с миром мусульман. Здесь были прекрасные улицы, роскошные здания, чистая проточная вода, а благодаря оживленной торговле и высокой конкуренции – низкие цены на товары потребления⁴⁹³.

Как рябь от камня, брошенного в воду, ощущался эффект от близости к рынкам. За возможность доступа к рынкам и их выгодам нужно было платить. Богатства, поставленные на карту, были столь велики, что атмосфера между племенами накалилась. Борьба за лучшие пастбища и лучшие источники усиливалась соперничеством за доступ к городам и лучшим торговым путям империи. Это могло привести к одному из двух возможных последствий: напряжение могло нарастать и в конце концов вылилось бы в насильственное разделение территорий или же племена могли объединиться. То есть перед кочевниками стоял выбор – сражаться друг с другом или объединяться.

Со временем установился хорошо сбалансированный статус-кво, который обеспечивал стабильность и процветание всей западной части степи. Стержнем выступала часть племен тюрков, которое стало главенствующим к северу от Черного и Каспийского морей. Хазары, как известно, доминировали в северной части Черного моря. Они стали особенно заметны за счет военного сопротивления во время периода великих завоеваний сразу после

⁴⁸⁸ Muqaddasī, *Aṣṣanū-t-taqāsīm fī maʿrifati-l-aqālīm*, tr. Lunde and Stone, 'Best Divisions for the Knowledge of the Provinces', *Land of Darkness*, p. 169.

⁴⁸⁹ Abū Hāmid, 'Travels', p. 75.

⁴⁹⁰ R. Kovalev, 'The Infrastructure of the Northern Part of the "Fur Road" between the Middle Volga and the East during the Middle Ages', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11 (2000–2001), pp. 25–64.

⁴⁹¹ Muqaddasī, *Best Division of Knowledge*, p. 252.

⁴⁹² Ibn al-Faqīh, *Land of Darkness*, p. 113.

⁴⁹³ al-Muqaddasī, *Best Division of Knowledge*, p. 245.

смерти Мухаммеда⁴⁹⁴. Эффективность их борьбы против армии мусульман обеспечила им поддержку целого ряда других племен, которые объединились под их началом. Они также обратили на себя внимание императоров Рима, находящихся в Константинополе, которые понимали, что можно извлечь определенную выгоду от союза с доминирующей силой степи. Хазары оказались настолько важны, что в начале VIII века между правящими домами хазаров и Византией (под этим названием в тот период были известны остатки Римской империи) было заключено два брачных союза⁴⁹⁵.

Имперские браки редко заключались с иностранцами, а союзов со степью до этого не было вообще⁴⁹⁶. Развитие является наглядным свидетельством того, как важны стали хазары для Византии в дипломатическом и военном плане, в то время как давление на восточные границы империи в Малой Азии со стороны мусульман усугубилось. Награды и престижный статус, дарованные хазарскому кагану, оказали влияние на хазарское общество. Укрепление позиций верховного правителя привело к социальному расслоению в племени. Награды и статусы даровались лишь избранным представителям элиты. В дальнейшем это сподвигло другие племена стать данниками хазар в обмен на защиту и определенные награды. Согласно ибн Фадлану, у кагана было 25 жен, каждая из которых была дочерью вождя того или иного племени⁴⁹⁷. Источник, написанный на иврите в IX веке, также говорит о племенах, которые подчинялись хазарам, при этом автор не уверен, было 25 или 28 данников⁴⁹⁸. Народы, которых называли полянами, радимичами и северянами, были среди тех, кто признал господство хазаров, позволяя им усилить свои позиции и стать господствующей силой в западной части степи, там, где сейчас находятся Украина и южная часть России⁴⁹⁹.

Повышение объемов торговли и длительные периоды стабильности и мира привели к трансформации хазарского общества. Методы управления племенем претерпели существенные изменения, а каган все больше отдалялся от повседневных дел и становился фигурой ритуальной⁵⁰⁰. Образ жизни также изменился. При наличии большого спроса на продукты, выращенные хазарами и их данниками, расширении междугородней торговли фруктами стали возникать поселения, которые в конце концов развились в города⁵⁰¹.

К началу X века шумный город Итиль стал столицей и постоянной резиденцией кагана. По всему низовью Волги проживало огромное количество людей. Городская жизнь была настолько сложна, что пришлось учредить отдельные суды для разрешения споров по разным системам права, под председательством судей, которые разрешали вопросы между

⁴⁹⁴ Краткий обзор – G. Mako, 'The Possible Reasons for the Arab-Khazar Wars', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 17 (2010), pp. 45–57.

⁴⁹⁵ R.-J. Lilie, *Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert* (Munich, 1976), pp. 157–160; J. Howard-Johnston, 'Byzantine Sources for Khazar History', in Golden, Ben-Shammai and Róna-Tas, *World of the Khazars*, pp. 163–194.

⁴⁹⁶ Единственным исключением был брак дочери императора Ираклия с тюркским каганом в разгар противостояния с персами в начале седьмого века, C. Zuckermann, 'La Petite Augusta et le Turc: Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius', *Revue numismatique* 150 (1995), pp. 113–126.

⁴⁹⁷ Ibn Fa#lān, 'Book of Ahmad ibn Fa#lān', p. 56.

⁴⁹⁸ Dunlop, *History of the Jewish Khazars*, p. 141.

⁴⁹⁹ См. P. Golden, 'The Peoples of the South Russian Steppes', in *The Cambridge History of Early Inner Asia* (Cambridge, 1990), pp. 256–284; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.

⁵⁰⁰ P. Golden, 'Irano-Turcica: The Khazar Sacral Kingship', *Acta Orientalia* 60.2 (2007), pp. 161–194. Некоторые ученые интерпретируют изменение характера роли кагана как результат сдвига в религиозных верованиях и обычаях в этот период, см., например, J. Olsson, 'Coup d'état, Coronation and Conversion: Some Reflections on the Adoption of Judaism by the Khazar Khaganate', *Journal of the Royal Asiatic Society* 23.4 (2013), pp. 495–526.

⁵⁰¹ R. Kovalev, 'Commerce and Caravan Routes along the Northern Silk Road (Sixth – Ninth Centuries). Part I: The Western Sector', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 14 (2005), pp. 55–105.

мусульманами, христианами и даже язычниками. Существовал даже механизм разрешения проблемы в том случае, если судья не смог вынести вердикт⁵⁰².

* * *

Итиль, с его войлочными постройками, складами и королевским дворцом, был лишь одним из поселений, где жили кочевники⁵⁰³. Другие города появились на хазарской территории в результате усиления коммерческой активности. Так, например, возник Самандар. Его деревянные постройки с куполами напоминали традиционные юрты. К началу IX века по всей Хазарии было уже достаточное количество христиан, чтобы здесь появился не только епископ, но даже митрополит или архиепископ для удовлетворения нужд верующих⁵⁰⁴. Очевидно, что в Самандаре и Итиле было также достаточное количество мусульман. Это следует из отчетов и арабских источников, также на это указывает большое количество мечетей⁵⁰⁵.

Сами хазары не приняли ислам, но они приняли новые религиозные убеждения – в середине IX века они решили стать иудеями. Послы из Хазарии отправились в Константинополь около 860 года и попросили проповедников объяснить им фундаментальные основы христианства. «С незапамятных времен, – говорили они, – мы знали только одного бога (Тенгри), который повелевает всем... Теперь евреи предлагают нам принять их религию и обычаи, а с другой стороны, арабы склоняют нас к их вере, обещая нам мир и щедрые дары»⁵⁰⁶.

С целью обращения в новую веру к хазарам была отправлена целая делегация. Ее возглавлял Константин, которого знали под славянским именем Кирилл. Изобретенный им для славян алфавит был назван в честь создателя кириллицы. Блестящий ученый, как и его брат Мефодий, Константин по пути на Восток изучил иврит и Тору, чтобы иметь возможность вести переговоры с иудейскими учеными, которые тоже направлялись ко двору кагана⁵⁰⁷. Когда они прибыли в столицу хазаров, послы приняли участие в сложной серии дебатов со своими противниками, которые были приглашены, чтобы представить ислам и иудаизм. Эрудиция Константина имела большой успех, по крайней мере так казалось, исходя из источников, описывающих его жизнь, которые в значительной степени опирались на его же произведения⁵⁰⁸. Кстати, несмотря на блестящий ум Константина (каган сам сказал ему, что его слова о Писании были «сладкими как мед»), посольство не добилось успеха, так как правитель хазар решил, что иудаизм подходит для его народа как нельзя лучше⁵⁰⁹.

Данная версия этой истории была рассказана столетием позже. Новости об обращении хазар дошли до изумленных еврейских общин за тысячи миль к западу. Они очень хотели узнать побольше о хазарах и о том, как они пришли к иудаизму. Выдвигалось предположение, что они могли быть одним из племен древнего Израиля, которое затерялось. Наконец в контакт с племенем вступил Хасдай ибн Шапрут, эрудит, который проживал в Кордобе, в аль-Андалусе, то есть мусульманской Испании. Его усилия, направленные на то, чтобы установить, правда ли хазары были иудеями или это просто небылицы, сочиненные теми, кто

⁵⁰² Mas#ūdī, 'Meadows of Gold', pp. 131, 133; Noonan, 'Economy of the Khazar Khaganate', p. 211.

⁵⁰³ Istakhrī, *Kitāb suwar al-aqālīm*, tr. Lunde and Stone, 'Book of Roads and Kingdoms', in *Land of Darkness*, pp. 153–155.

⁵⁰⁴ J. Darrouzès, *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae* (Paris, 1981), pp. 31–32, 241–242, 245.

⁵⁰⁵ Istakhrī, 'Book of Roads and Kingdoms', pp. 154–155.

⁵⁰⁶ Mason, 'The Religious Beliefs of the Khazars', p. 411.

⁵⁰⁷ C. Zuckerman, 'On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus' Oleg and Igor: A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo', *Revue des Etudes Byzantines* 53 (1995), p. 245.

⁵⁰⁸ Там же, с. 243–244. О заимствованиях из письма Константина – P. Meyvaert and P. Devos, 'Trois énigmes cyrillo-méthodiques de la "Légende Italique" résolues grâce à un document inédit', *Analecta Bollandiana* 75 (1955), pp. 433–440.

⁵⁰⁹ Лавров П. Материалы по истории возникновения древней славянской письменности. – Л., 1930. – С. 21; F. Butler, 'The Representation of Oral Culture in the *Vita Constantini*', *Slavic and East European Review* 39.3 (1995), p. 372.

хотел извлечь выгоду, не увенчались успехом. Когда он наконец получил информацию, что хазары на самом деле приняли иудаизм и, более того, что они были богаты, «могущественны и владели бесчисленной армией», он почувствовал, что обязан поклониться и поблагодарить Господа. «Я молюсь за здоровье моего повелителя и царя, – писал он, обращаясь к кагану, – его семьи и его дома. Молюсь, чтобы трон его стоял вечно. Да продлятся дни его и его сыновей в сердце Израиля!»⁵¹⁰.

Примечательно, что копия ответа кагана сохранилась до сих пор. Правитель хазаров рассказывал об обращении своего народа в иудаизм. Решение о принятии религии, как писал каган, было принято благодаря огромной мудрости одного из его предшественников, который созвал делегации, представляющие различные религии, чтобы изучить каждую из них. Хорошенько обдумав, какое решение будет наилучшим, правитель спросил христиан, какая религия лучше – ислам или иудаизм? Когда они ответили, что первая определенно хуже, чем вторая, он задал аналогичный вопрос мусульманам – какая религия предпочтительнее – христианство или иудаизм? Мусульмане обругали христианство и сказали, что иудаизм – меньшее из двух зол. Тогда хазарский правитель заявил, что принял решение: оба отметили, что «религия израильтян лучше», объявил он, поэтому «веруя в милость Господа и мощь Всемогушего, я выбрал учение Израилево, религию Авраама». Затем он отправил делегации домой, сделал себе обрезание и велел всем своим приближенным и всему народу сделать то же самое⁵¹¹.

К середине IX века иудаизм глубоко проник в хазарское общество. В арабских источниках упоминается об обращении в иудейскую религию за десятилетия до прибытия делегаций ко двору кагана, и похоронные обряды за это время претерпели значительные изменения. Кроме того, недавние открытия серии монет, отчеканенных в Хазарии, дают представление о том, что иудаизм был принят здесь как государственная религия в 830-м году лишь формально.

Эти монеты являются прекрасным примером того, как вера может быть преподнесена населению. На них было размещено одно из самых известных высказываний из Старого Завета – *Mūsā rasūl allāh* («Моисей посланник Бога»)⁵¹².

Пожалуй, это было меньшей провокацией, чем кажется. В конце концов, Коран учит, что не должно быть различий между пророками и что все полученные ими пророчества должны быть исполнены⁵¹³. Моисей был принят и почитаем в учении ислама, так что его восхваление не является противоречивым. В то же время именно Мухаммед был центральным элементом азана, призыва, который пять раз в день звучал из мечетей. Таким образом, при учете наличия имени Моисея на монетах было бы излишне дерзко утверждать, что у хазар было свое самоопределение, не зависимое от исламского мира. Так же, как и в случае с враждой Римской империи и исламского мира в конце VII века, война велась не только на полях сражений, но с помощью идеологии, языка и даже изображений на монетах.

Обращению хазар в иудаизм способствовало два фактора. Во-первых, издавна на хазарских территориях жили еврейские общины, которые обосновались на Кавказе еще в период античности и которые, должно быть, оживились вместе с экономическим подъемом

⁵¹⁰ 'The Letter of Rabbi Hasdai', in J. Rader Marcus (ed.), *The Jew in the Medieval World* (Cincinnati, 1999), pp. 227–228. Также см. здесь N. Golb and O. Pritsak (eds), *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century* (London, 1982).

⁵¹¹ 'The Letter of Joseph the King', in J. Rader Marcus (ed.), *The Jew in the Medieval World*, p. 300. Обсуждение даты и контекста – P. Golden, 'The Conversion of the Khazars to Judaism', in Golden, Ben-Shammai and Róna-Tas, *World of the Khazars*, pp. 123–162.

⁵¹² R. Kovalev, 'Creating "Khazar Identity" through Coins – the "Special Issue" Dirhams of 837/8', in F. Curta (ed.), *East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages* (Ann Arbor, 2005), pp. 220–253. Об изменении практики погребения – V. Petrukhin, 'The Decline and Legacy of Khazaria', in P. Urbanczyk (ed.), *Europe around the Year 1000* (Warsaw, 2001), pp. 109–122.

⁵¹³ *Qurʾān*, 2.285, p. 48; 3.84, p. 60.

степи⁵¹⁴. Согласно одному из писателей X века, очень многие захотели переехать жить в Хазарию «из мусульманских и христианских городов, после того, как стало известно, что здесь к религии не только относятся терпимо, но она имеет официальный статус и практикуется элитой»⁵¹⁵. Из переписки между правителем хазаров и Хасдаем ибн Шапрутом из Кордобы в X веке мы узнаем, что в Хазарии приветствовали раввинов, активно строились школы и синагоги. Каган хотел удостовериться, что иудейское учение будет преподаваться должным образом. Многие летописцы отмечали, что религиозные здания находятся во всех городах Хазарии, так же как и суды, в которых решения принимают, проконсультировавшись с Торой⁵¹⁶.

Вторая причина интереса к иудаизму связана с торговцами, которые были привлечены тем, что Хазария стала международной торговой империей, находясь между степью и исламским миром, между Востоком и Западом. Как свидетельствуют многочисленные источники, иудейские купцы очень активно занимались междугородней торговлей, играя примерно ту же роль, которую играли согдийские купцы во взаимодействии Китая и Персии во время возникновения ислама.

Еврейские купцы были искусными лингвистами, согласно одному из современных источников, они свободно говорили на «арабском, персидском, латыни, франкском, андалузском и славянском языках»⁵¹⁷. В основном работая в районе Средиземного моря, они часто путешествовали в Индию и Китай и привозили оттуда мускус, алоэ, камфару, корицу «и другие восточные товары», которыми они торговали в ряде портов и городов, которые были связаны с рынками в Мекке, Медине и Константинополе, а также в городах на Тигре и Евфрате⁵¹⁸. Помимо этого, они пользовались и наземными путями, направляясь в Китай через Центральную Азию или через Багдад и Персию либо проезжая через территорию Хазарии по пути в Балх или к реке Оксус⁵¹⁹. Одной из важнейших точек на этой оси был город Рей, который находился к югу от Каспийского моря (современный Иран), город, в который стекались товары, поступающие с Кавказа, с Востока, из Хазарии и других мест степи. Согласно исследованиям, первый таможенный досмотр был произведен в городе Горган на севере Ирана. Возможно, здесь собирали таможенные пошлины, прежде чем товар отправлялся дальше, в город Рей. «Самое поразительное, – писал один из арабских авторов X века, – это то, что это всемирная империя»⁵²⁰.

Торговцы из Скандинавии также были привлечены предлагаемыми возможностями. Когда мы думаем о викингах, в сознании неизбежно возникают мысли о набегах через Северное море на Великобританию и Ирландию, образы длинных кораблей в форме драконов, которые возникали из тумана, буквально набитые вооруженными людьми, готовыми к насилию и грабежу. Или, возможно, мы думаем о том, каким образом викинги сумели добраться до Северной Америки за столетия до того, как это сделали Христофор Колумб и остальные путешественники. Однако во времена викингов самые храбрые и жесткие люди не отправлялись на запад; они предпочитали отправляться на восток и на юг. Многие сделали целые состояния и добились известности не только на родине, но и в землях, которые они завоевали. И эффект, который они оказали, был не столь незаметным, как это было в Север-

⁵¹⁴ Zuckerman, 'On the Date of the Khazars' Conversion', p. 241, а также Golb and Pritsak, *Khazarian Hebrew Documents*, p. 130.

⁵¹⁵ Mas#ūdī, 'Meadows of Gold', p. 132; об элите Иудаизма – Mason, 'The Religious Beliefs of the Khazars', pp. 383–415.

⁵¹⁶ Pritsak and Golb, *Khazarian Hebrew Documents*; Mas#ūdī, 'Meadows of Gold', p. 133; Istakhrī, 'Book of Roads and Kingdoms', p. 154.

⁵¹⁷ Ibn Khurradādhbih, 'Book of Roads and Kingdoms', p. 110.

⁵¹⁸ Там же, pp. 111–112.

⁵¹⁹ Там же, p. 112.

⁵²⁰ Ibn al-Faqīh, 'Book of Countries', p. 114.

ной Америке. На Востоке они основали государство, названное в честь торговцев, путешественников и участников рейдов, которые вышли на большие водные системы, связывающие Балтику с Каспийским и Черным морями. Этих людей называли русами, или росами, возможно, из-за рыжих волос или, что более вероятно, благодаря их искусству гребцов. Они стали отцами-основателями России⁵²¹.

Изначально на путешествие на юг викингов сподвигли соблазны торговли в исламском мире. В начале X века скандинавы вступили в контакт со степью, а также с Багдадским халифатом. Поселения стали появляться на Одере, Неве, Волге и Днепре вместе с новыми рынками и торговыми станциями, предназначенными для торговцев, которые возили товары с юга и на юг. Старая Ладога, Рюриково городище, Белоозеро и Новгород (буквально – новый город) стали новыми точками, которые расширили большую систему торговых путей Евразии до самых дальних уголков северной Европы⁵²².

Длинные корабли, которые так популярны в представлениях людей, были адаптированы и уменьшены викингами-русами, чтобы сделать возможными короткие путешествия по рекам и озерам. Это были однокорпусные суда. Во время долгих или опасных переходов их ставили в колонну. Текст, созданный в Константинополе в X веке и основанный на информации, полученной византийскими агентами, описывает опасные условия путешествия на юг, которые следовало оговаривать заранее. Пороги на Днестре были особенно коварными: узкий водоем, в середине которого находились смертельно опасные острые камни, «которые торчат из воды, как острова. Прямо за ними уровень резко падает, и затем вода обрушивается с другой стороны со страшным грохотом». Это препятствие было с юмором названо «Не засыпай»⁵²³.

В тех же текстах указывается, что русы, совершая этот переход, были сильно уязвимы перед агрессивными налетчиками, которые видели возможность быстрой наживы, в то время как измученные путешественники преодолевали пороги. Кочевые племена печенегов сидели в засадах и, когда лодки швартовались, выскакивали из воды и нападали. Захватив добычу, они растворялись в окружающем ландшафте. Охране рекомендовалось быть постоянно наготове на случай атаки. Преодолев это препятствие, скандинавы приносили в жертву петуха или пускали стрелы в священное дерево в благодарность своим языческим богам⁵²⁴.

Люди, которые могли без потерь добраться до рынков на Каспийском и Черном морях, должны были быть как минимум прочными, чтобы не сказать больше. «У них огромная сила и выносливость», – с восхищением писал один из мусульманских авторов⁵²⁵. Русы, как отмечал ибн Фадлан, были высокими «как пальмы», но еще более важно то, что они всегда были вооружены и опасны: «Каждый из них постоянно носит с собой топор, меч или нож»⁵²⁶.

Они вели себя как криминальная банда. И хотя они всегда сражались с врагами, стоя плечом к плечу, они были очень подозрительны по отношению друг к другу. «Они никогда не ходят справлять нужду по одному, – заметил один из авторов, – но всегда (ходят) с тремя товарищами, чтобы охранять их, с мечом в руке, так как у них мало доверия друг к другу».

⁵²¹ Луитпранд Кремонский, посетивший Константинополь в десятом веке, думал, что название «русы» произошло от греческого слово *rousios*, или красный, из-за отличительного цвета их волос, *The Complete Works of Liudprand of Cremona*, tr. P. Squatriti (Washington, DC, 2007), 5.15, p. 179. Фактически слово происходит от скандинавских слов *roþrsmenn* и *roðr*, означающих ряд. S. Ekbo, 'Finnish Ruotsi and Swedish Roslagen – What Sort of Connection?', *Medieval Scandinavia* 13 (2000), pp. 64–69; W. Duczko, *Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe* (Leiden, 2004), pp. 22–23.

⁵²² S. Franklin and J. Shepard, *The Emergence of Rus' 750–1200* (London, 1996).

⁵²³ Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, 9, pp. 58–62.

⁵²⁴ *De Administrando Imperio*, 9, p. 60.

⁵²⁵ Ibn Rusta, *Kitāb al-aḥlāq an-naḥḥa*, tr. Lunde and Stone, 'Book of Precious Gems', in *Land of Darkness*, p. 127.

⁵²⁶ Ibn Faḥlān, 'Book of Ahmad ibn Faḥlān', p. 45.

Никто из них не стал бы сомневаться перед тем, как ограбить коллегу или даже убить его⁵²⁷. Они регулярно принимали участие в оргиях, занимаясь сексом друг перед другом с особой разнузданностью. Если кто-то из них заболел, его просто оставляли. Выглядели они соответственно: «От кончиков пальцев до самой шеи они покрыты темно-зелеными татуировками – узорами»⁵²⁸. Это были суровые люди, которые жили в суровые времена.

Они в основном торговали воском, янтарем и медом, а также качественными мечами, которыми восхищался весь арабоязычающий мир. Однако была еще одна, достаточно прибыльная статья доходов, которые направлялись по рекам в Россию и Скандинавию. Это хорошо иллюстрируют шелка из Сирии, Византии и даже Китая, которые находят в захоронениях по всей Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии. При этом огромная часть текстиля просто не сохранилась⁵²⁹.

Пожалуй, деньги говорят о торговле с дальними регионами лучше всего. Удивительно богатые залежи монет находят по течению рек, которые ведут на север – на территории северной России, Финляндии, Швеции и, кроме прочего, Готланда (самый большой остров Швеции). Это показывает, какие огромные доходы получали викинги-русы от торговли с мусульманами и Багдадским халифатом⁵³⁰. Один из ведущих специалистов по валютам подсчитал, что прибыль от торговли с исламскими странами составляла до десятков, а иногда и сотен миллионов серебряных монет. По нынешним временам это была мультимиллионная индустрия⁵³¹.

При совершении таких длительных и опасных путешествий, когда протяженность дороги составляла примерно 3000 миль, и награда должна была быть соответствующей. Неудивительно, что товары нужно было продавать сразу в больших количествах, чтобы получить существенную прибыль. На юг отправляли несколько категорий товаров, но важнейшим из них были рабы. На человеческом трафике можно было хорошо заработать.

⁵²⁷ Ibn Rusta, 'Book of Precious Gems', p. 127.

⁵²⁸ Ibn Fa#lān, 'Book of Ahmad ibn Fa#lān', pp. 46–49.

⁵²⁹ A. Winroth, *The Conversion of Scandinavia* (New Haven, 2012), pp. 78–79.

⁵³⁰ M. Bogucki, 'The Beginning of the Dirham Import to the Baltic Sea and the Question of the Early Emporia', in A. Bitner-Wróblewska and U. Lund-Hansen (eds), *Worlds Apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age: Network Denmark-Poland 2005–2008* (Copenhagen, 2010), pp. 351–361. О Швеции – I. Hammarberg, *Byzantine Coin Finds in Sweden* (1989); C. von Heijne, *Särpräglad. Vikingatida och tidigmedeltida myntfynd från Danmark, Skåne, Blekinge och Halland (ca. 800–1130)* (Stockholm, 2004).

⁵³¹ T. Noonan, 'Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe', *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 4 (1984), pp. 151–182, и см., главным образом, T. Noonan, 'Dirham Exports to the Baltic in the Viking Age', in K. Jonsson and B. Malmer (eds), *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989* (Stockholm, 1990), pp. 251–257.

7. Путь рабов

Когда дело доходило до порабощения местного населения и отправки на юг, русы были безжалостны. Известные «своими размерами, телосложением и храбростью» викинги-русы «не возделывали поля и жили грабежом», как писал один из арабских авторов⁵³². Сельским хозяйством занимались порабощенные местные жители. Было захвачено так много рабов, что даже само их название – славяне – произошло от слова *slave*, которое означает раб⁵³³.

Со своими пленниками русы обращались очень бережно. «Они хорошо относятся к рабам, одевают их соответствующе, так как они для них – объект торговли», – писал один из современников⁵³⁴. Рабов перевозили по рекам, они оставались прикованными все время, пока корабли преодолевали пороги⁵³⁵. Высоко ценились красивые женщины, их продавали на рынках Хазарии и Волжской Булгарии, а затем их переправляли дальше на юг. Но перед этим их похитители вступали с ними в половые контакты⁵³⁶.

Рабство было важной частью общества викингов, частью его экономики, и не только на Востоке. Значительная часть литературы и письменных источников с Британских островов показывает, что наипервейшей целью атак длинных судов были не насилие и грабеж, как принято думать, а захват живых пленников⁵³⁷. «Спаси нас, Господи, – молил один из франкских проповедников, – от диких северян, которые разрушают нашу страну; они забирают... нашу молодежь, невинных мальчиков. Мы умоляем тебя спасти нас от этого зла»⁵³⁸. Вдоль путей, по которым перевозили рабов, исследователи находили скобы, наручники и замки. Особенно в Северной и Восточной Европе. Новые исследования показывают: то, что долгое время считалось загонами для скота, на самом деле предназначалось для людей, которых должны были продать в таких местах, как, например, Новгород, где на пересечении Великой и Холопией улиц находился рынок⁵³⁹.

Желание получить прибыль от работорговли было очень велико. Некоторые скандинавы получили от местных правителей лицензию на грабеж новых регионов и захват пленников, другие же стремились захватить в плен друг друга. «Как только один из них ловил другого, – писал один сведущий клирик XI века, – он без всякой жалости продавал его в рабство своим же товарищам или варварам»⁵⁴⁰.

Многим рабам было суждено оказаться в Скандинавии. Как говорится в одной известной древнескандинавской поэме, «Песне о Риге» (*‘Rígsþula’*), общество было поделено на три категории: аристократия (*jarlar*), свободные люди (*karlar*) и рабы (*ðrælar*)⁵⁴¹. Многих посылали туда, где за хорошие образчики платили много денег, и нигде не наблюдалось

⁵³² Ibn Rusta, ‘Book of Precious Gems’, pp. 126–127.

⁵³³ Происхождение слова «славяне» до сих пор остается не выясненным, по одной из версий оно произошло от *slauos* – индоевр. «народ». (Примеч. ред.)

⁵³⁴ Там же.

⁵³⁵ *De Administrando Imperio*, 9, p. 60.

⁵³⁶ Ibn Fa#lān, ‘Book of Ahmad ibn Fa#lān’, p. 47.

⁵³⁷ D. Wyatt, *Slaves and Warriors in Medieval Britain and Ireland, 800–1200* (Leiden, 2009).

⁵³⁸ L. Delisle (ed.), *Littérature latine et histoire du moyen âge* (Paris, 1890), p. 17.

⁵³⁹ См. J. Henning, ‘Strong Rulers – Weak Economy? Rome, the Carolingians and the Archaeology of Slavery in the First Millennium ad’, in J. Davis and M. McCormick (eds), *The Long Morning of Medieval Europe: New Directions in Early Medieval Studies* (Aldershot, 2008), pp. 33–53; о Новгороде см. H. Birnbaum, ‘Medieval Novgorod: Political, Social and Cultural Life in an Old Russian Urban Community’, *California Slavic Studies* (1992), 14, p. 11.

⁵⁴⁰ Adam of Bremen, *History of the Archbishops of Hamburg Bremen*, ed. and tr. F. Tschann (New York, 1959), 4.6, p. 190.

⁵⁴¹ B. Hudson, *Viking Pirates and Christian Princes: Dynasty, Religion and Empire in the North Atlantic* (Oxford, 2005), p. 41; в целом см. также S. Brink, *Vikingarnas slavar: den nordiska tråldomen under yngre järnålder och äldsta medeltid* (Stockholm, 2012).

такого спроса, как на оживленных и богатых рынках Итиля, с которых товары поставлялись в Багдад и другие города Азии, а также в другие части мусульманского мира, включая Северную Африку и Испанию.

Готовность потребителей платить высокую цену позволила торговцам получать хорошее денежное вознаграждение и заложила основу стимулирования экономики Северной Европы. Если судить по найденным монетам, во второй половине IX века наблюдался всплеск торговли, в это время развивались Балтика, южная часть Швеции и Дания, особенно быстро росли города Хедебю, Бирка, Волин и Лунд. Так же много монет было найдено на обширной территории России вдоль течения рек. Находки говорят об увеличивающемся уровне торговли обмена, особенно после того, как стали находить монеты, которые были отчеканены на территории Центральной Азии, прежде всего в Самарканде, Ташкенте (Аш-Шаш), Балхе и на территории всех торговых и транспортных путей современного Афганистана⁵⁴².

Огромный спрос на рабов наблюдался не только в северных регионах. Большие партии рабов импортировались из Африканских регионов, к югу от Сахары. Один из работорговцев хвастался тем, что он продал более 12 000 черных рабов на рынках Персии⁵⁴³. Рабов также захватывали в тюркских племенах Центральной Азии. Как отмечает один из авторов, они высоко ценились за смелость и находчивость.

Если нужно выбрать «самых ценных рабов», отмечает другой автор, самых лучших из них привозят из «земель тюрков. Среди всех рабов на земле тюркским рабам нет равных»⁵⁴⁴.

Некоторое представление о масштабах работорговли можно получить при сравнении с работорговлей в Римской империи, которая была изучена гораздо подробнее. Недавние исследования показали, что Римской империи требовалось от 250 до 400 тысяч новых рабов каждый год, чтобы поддерживать их число на должном уровне⁵⁴⁵. Размер рынка в арабоязычных странах был определенно больше: учитывая, что спрос на рабов был аналогичным, территории исламского мира простирались от Испании до Афганистана, следовательно, количество требуемых рабов было гораздо больше, чем было нужно Риму. Хотя источников, посвященных этой теме, очень мало, тем не менее представление о масштабах мы можем получить. В одном из источников говорится о халифе и его жене, у которых было по тысяче рабынь, в то время как в другом упоминается не менее чем четыре тысячи. Рабы у мусульман, так же как и в Риме, были вездесущи и молчаливы⁵⁴⁶.

Сравнение с Римом так же полезно для понимания того, как именно покупали и продавали рабов. В Римской империи богатые люди соревновались за обладание ценными пленниками, которых привезли из-за границы империи. Диковинки ценились за их внешний вид, к тому же они были прекрасной пищей для разговоров. Также играли роль и личные предпочтения, например, один богатый аристократ настаивал на том, чтобы все его рабы были одинаково привлекательны и одного возраста⁵⁴⁷. Как говорится в более позднем пособии

⁵⁴² T. Noonan, 'Early Abbasid Mint Output', *Journal of Economic and Social History* (1986), pp. 113–175; R. Kovalev, 'Dirham Mint Output of Samanid Samargand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th Century)', *Histoire & Mesure* 17.3–4 (2002), pp. 197–216; T. Noonan and R. Kovalev, 'The Dirham Output and Monetary Circulation of a Secondary Samanid Mint: A Case Study of Balkh,' in R. Kiernowski (ed.), *Moneta Mediaevalis: Studia numizmatyczne i historyczne ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Suchodolskiemu w rocznicę urodzin* (Warsaw, 2002), pp. 163–174.

⁵⁴³ R. Segal, *Islam's Black Slaves: The Other Black Diaspora* (New York, 2001), p. 121.

⁵⁴⁴ Ibn #awqal, *Kitāb #ūrat al-ard*, цитируется по D. Ayalon, 'The Mamluks of the Seljuks: Islam's Military Might at the Crossroads', *Journal of the Royal Asiatic Society* 6.3 (1996), p. 312. С этого момента я переключаюсь с термина «тюрки» на «турки», чтобы отличить народы степей от предков современной Турции.

⁵⁴⁵ W. Scheidel, 'The Roman Slave Supply', in K. Bradley, P. Cartledge, D. Eltis and S. Engerman (eds), *The Cambridge World History of Slavery*, 3 vols (Cambridge, 2011), 1, pp. 287–310.

⁵⁴⁶ См. F. Caswell, *The Slave Girls of Baghdad. The Qiyān in the Early Abbasid Era* (London, 2011), p. 13.

⁵⁴⁷ Tacitus, *Annals*, 15.69, p. 384.

по купле-продаже рабов, подобные идеи были очень популярны среди мусульман. «Из всех черных (рабов), – пишет один из авторов XI века, – нубийские женщины самые послушные, нежные и вежливые. Их тела стройны, а кожа гладкая. Они хорошо сложены... уважают своего хозяина, как будто они были рождены служить». Женщины народа беджа, чей дом находился там, где сейчас располагаются Судан, Эритрея и Египет, «имеют золотистый цвет лица, красивы, они хорошо сложены, их кожа нежна; они хороши в постели, но их нужно забирать из родной страны, когда они еще совсем юны». Тысячу лет назад за деньги нельзя было купить любовь, но можно было купить все остальное, что только пожелаешь⁵⁴⁸.

Другие путеводители предлагают одинаково полезные советы. «Собираясь покупать рабов, будьте осторожны, – пишет автор XI века из Персии в работе, известной как «Кабус-наме» («Записки Кабуса»). – Особенно сложная наука – покупать рабов мужчин, так как многие из них только выглядят хорошо, но на деле выходит все наоборот». «Многие думают, что покупка рабов – такая же форма торговли, как и все остальные, – добавляет автор. – На самом деле, искусство покупки рабов – это отдельная ветвь философии»⁵⁴⁹. Один из авторов дает следующие советы. Остерегайтесь желтизны кожи, это верный признак геморроя. Будьте осторожны с красивыми мужчинами с красивыми волосами и глазами – «мужчина, обладающий такими качествами, или бабник, или предпочитает быть посредником». Уложите свою будущую покупку, «надавите с двух сторон и внимательно осмотрите на предмет воспалений или боли. Еще раз поищите «скрытые дефекты», такие как дурной запах изо рта, глухота, заикание или уплотнения на деснах. Следуйте этим инструкциям (и многим другим кроме них), и вы не будете разочарованы»⁵⁵⁰.

Невольничьи рынки, процветавшие по всей Центральной Европе, были полны мужчин, женщин и детей, которые ожидали отправки на Восток и ко двору в Кордобе, где в 961 году находилось больше 13 000 рабов⁵⁵¹. К середине X века Прага стала основным торговым центром, привлекающим викингов-русов и мусульманских торговцев, которые продавали и покупали олово, пушнину и людей. В других городах Богемии можно было купить муку, ячмень, кур и, конечно, рабов, которые, по свидетельству одного из еврейских путешественников, продавались по очень разумным ценам⁵⁵².

Рабов также приносили в дар мусульманским правителям. В начале X века, например, посольство Тосканы в Багдаде преподнесло аббасидскому халифу аль-Муктафи большое количество ценных подарков, среди которых были мечи, щиты, охотничьи собаки и хищные птицы. Среди прочих даров, предлагаемых в знак дружбы, были 20 славянских евнухов и 20 особенно красивых славянских девушек. Цветы юности из одной части света были привезены, чтобы потакать чьим-то желаниям в другой⁵⁵³.

Масштабы междугородней торговли были настолько велики, что, когда Ибрагим ибн Якуб проезжал через Майнц, он был поражен тем, что продавалось на местных рынках. «Это потрясающе, – писал он, – что в таких далеких западных землях можно отыскать травы и спе-

⁵⁴⁸ Ibn Buḥār, *Taqwīm al-ḥiṣṣa*, цитируется по G. Vantini, *Oriental Sources concerning Nubia* (Heidelberg, 1975), pp. 238–239.

⁵⁴⁹ Kaykāwūs ibn Iskandar ibn Qābūs, ed. and tr. R. Levy, *Naḥṣat-nāma known as Qābūs-nāma*, (London, 1951), p. 102.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ D. Abulafia, 'Asia, Africa and the Trade of Medieval Europe', in M. Postan, E. Miller and C. Postan (eds), *Cambridge Economic History of Europe: Trade and Industry in the Middle Ages* (2nd edn, Cambridge, 1987), p. 417. Также см. D. Mishin, 'The Saqaliba Slaves in the Aghlabid State', in M. Sebök (ed.), *Annual of Medieval Studies at CEU 1996/1997* (Budapest, 1998), pp. 236–244.

⁵⁵² Ibrāhīm ibn Yaḥyā, tr. Lunde and Stone, in *Land of Darkness*, pp. 164–165. О роли Праги как рабовладельческого центра – D. Třeštík, "'Eine große Stadt der Slawen namens Prag": Staaten und Sklaven in Mitteleuropa im 10. Jahrhundert', in P. Sommer (ed.), *Boleslav II: der tschechische Staat um das Jahr 1000* (Prague 2001), pp. 93–138.

⁵⁵³ Ibn al-Zubayr, *Book of Gifts and Rarities*, pp. 91–92; A. Christys, 'The Queen of the Franks Offers Gifts to the Caliph Al-Muktafi', in W. Davies and P. Fouracre (eds), *The Languages of Gift in the Early Middle Ages* (Cambridge, 2010), pp. 140–171.

ции, которые растут только на Дальнем Востоке, например перец, имбирь, гвоздику, нard и сыть длинную. Эти растения были привезены из Индии, они растут там в изобилии». Однако его поразило не только это. Ибн Якуба сильно удивил тот факт, что серебряные динары и монеты, отчеканенные в Самарканде, были в ходу в данной местности⁵⁵⁴.

На самом деле влияние мусульманских монет имело гораздо больший размах, и так продолжалось еще некоторое время. Около 800 года король Оффа из Мерсии (территория Англии), создатель знаменитой дамбы, которая должна была защитить его владения от набегов валлийцев, скопировал дизайн исламских монет для изготовления своих собственных. Он выпускал монеты с надписью «Offa rex» («Король Оффа») на одной стороне и неидеальной копией текста на арабском языке на другой, несмотря на то, что этот текст ничего не значил для тех, кто использовал эти монеты в королевстве⁵⁵⁵. Большой клад был найден в Куэрдейле в Ланкашире. Сейчас он хранится в Музее Эшмола в Оксфорде. Там же находится большое количество аббасидских монет, отчеканенных в IX веке. Эта валюта достигла Британских островов, которые по меркам исламского мира были настоящей глушью.

За товары, которые начали в изобилии ввозить в Европу в IX веке, платили доходами от продажи рабов. Специи и лекарства, которые в источниках упоминаются как предметы роскоши, пользующиеся большим спросом, или медицинские препараты первой необходимости – все это оплачивалось доходами от торговли людьми⁵⁵⁶. Не только викинги-русы получали прибыль от все повышающегося спроса на рабов: купцы из Вердена сделали целое состояние на продаже евнухов, как правило, мусульманским покупателям в Испании. Еврейские торговцы, которые занимались междугородней торговлей, также поставляли «молодых юношей и девушек» наряду с евнухами, по крайней мере так говорят арабские источники того времени⁵⁵⁷.

Другие источники тоже отмечают роль, которую еврейские торговцы играли в перевозке «рабов – юношей и девушек» из Европы, а также в кастрировании молодых людей по прибытии, возможно, в качестве некой жуткой процедуры сертификации⁵⁵⁸. Работорговица обещала приносить неплохой доход, поэтому на Восток свозили рабов не только из Европы: мусульманские предприниматели тоже подключились к делу. Они совершали набеги на земли славян из северного Ирана и, хотя захватывали население в плен, благоразумно «оставляли их мужское начало и тела нетронутыми»⁵⁵⁹.

Таких пленников тоже делали евнухами, и они высоко ценились. Как писал арабский автор того времени, если взять близнецов-славян и кастрировать одного из них, он несомненно станет более умелым, будет обладать «более живым умом и умением вести разговор», чем его брат, который останется невежей и глупцом и будет проявлять признаки врожденного простодушия славян.

Считалось, что кастрация может очистить и улучшить ум славянина⁵⁶⁰. Однако как отмечал все тот же автор, этот метод не срабатывал на «черных», чьи «природные способно-

⁵⁵⁴ Ibrāhīm ibn Ya‘qūb, pp. 162–163.

⁵⁵⁵ R. Naismith, ‘Islamic Coins from Early Medieval England’, *Numismatic Chronicle* 165 (2005), pp. 193–222; R. Naismith, ‘The Coinage of Offa Revisited’, *British Numismatic Journal* 80 (2010), pp. 76–106.

⁵⁵⁶ M. McCormick, ‘New Light on the “Dark Ages”: How the Slave Trade Fuelled the Carolingian Economy’, *Past & Present* 177 (2002), pp. 17–54; а также J. Henning, ‘Slavery or Freedom? The Causes of Early Medieval Europe’s Economic Advancement’, *Early Medieval Europe* 12.3 (2003), pp. 269–277.

⁵⁵⁷ Ibn Khurradādhbih, ‘Book of Roads and Kingdoms’, p. 111.

⁵⁵⁸ Ibn ḥawqal, *Kitāb ḥūrat al-ard*, tr. Lunde and Stone, ‘Book of the Configuration of the Earth’, in *Land of Darkness*, p. 173.

⁵⁵⁹ Там же а также Al-Muqaddasī, *Land of Darkness*, p. 170.

⁵⁶⁰ al-Jāḥiḥ, *Kitāb al-ḥayawān*, цитируется в C. Verlinden, *L’Esclavage dans l’Europe médiévale*, 2 vols (Bruges, 1955–1977), 1, p. 213.

сти» только ухудшались после операции⁵⁶¹. Масштаб трафика славянских рабов был столь велик, что даже повлиял на арабский язык. Слово евнух (*#iqḷabī*) происходит от этнического термина, имеющего отношения к славянам (*#aqālibī*).

Мусульманские торговцы были очень активны в Средиземноморье. Мужчины, женщины и дети свозились со всей Северной Европы в Марсель, где был оживленный невольничий рынок. Иногда рабов передавали на второстепенные рынки, например, в Руан, где живой товар из Ирландии и Фламандрии продавали третьим лицам⁵⁶². Рим был еще одним ключевым центром работорговли, хотя многие и находили это отвратительным. В 776 году папа Адриан I осудил продажу людей как скота и обрекание мужчин и женщин на продажу «отвратительным сарацинам». Некоторые из них, как он утверждал, поднялись на борт корабля по собственной воле, «не имея другой надежды на выживание» из-за голода и ужасающей нищеты последнего времени. Тем не менее «мы никогда не опускались до таких постыдных поступков», как продажа христиан, писал он, «и Господь запрещает нам это»⁵⁶³. Рабство было так широко распространено в Средиземноморье и арабских странах, что даже сейчас самые обычные приветствия между людьми имеют отсылки к работорговле. По всей Италии, когда люди встречаются, они говорят друг другу «скьяво», на венецианском диалекте, или «чао» – более распространенный вариант. И это слово изначально означало вовсе не «привет», а «я твой раб»⁵⁶⁴.

Некоторые считали, что пленение христиан и продажа их мусульманским хозяевам непростительны. Одним из них был Римберт, епископ из Бремена, который периодически бывал на рынках Хедебю (сейчас это место на границе Германии и Дании) в конце IX века и выкупал тех, кто исповедовал христианскую веру (но только их)⁵⁶⁵. Такую чувствительность разделяли далеко не все. Среди тех, кого не трогала работорговля, были жители бесперспективной лагуны на самом севере Адриатики. Основу их благосостояния составляла работорговля и человеческие страдания. Именно это превратило данное место в жемчужину средневекового Средиземноморья – Венецию.

Когда дело доходило до бизнеса, венецианцы доказывали, что они могут быть успешными. Ослепительный город поднялся из болот. Город, украшенный чудесными церквями и великолепными палаццо, был построен на доходы от прибыльной торговли с Востоком. Хотя сегодня мы воспринимаем Венецию как часть славного прошлого, ее росту способствовала готовность продать будущие поколения в рабство. Венецианские торговцы присоединились к работорговле уже во второй половине VIII века, когда Венеция только зарождалась, хотя для того, чтобы начать получать серьезный доход, потребовалось время. На то, что она, в конце концов, этого добилась, указывает ряд договоров, заключенных столетием позже. В этих договорах Венеция соглашается связать себя некоторыми ограничениями на продажу рабов, включая возвращение рабов в другие города Италии, если их незаконно привезут в Венецию на продажу. Эти договоренности отчасти явились реакцией на возвышение города, попыткой подрезать Венеции крылья со стороны тех, кого устранил ее успех⁵⁶⁶.

В краткосрочной перспективе эти запреты были обойдены группой захватчиков, которые пленяли нехристиан из Богемии и Далмации и продавали их, получая хорошую при-

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Verlinden, *Esclavage*, 2, pp. 218–230, 731–732; W. Phillips, *Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade* (Manchester, 1985), p. 62.

⁵⁶³ H. Loyn and R. Percival (eds), *The Reign of Charlemagne: Documents on Carolingian Government and Administration* (London, 1975), p. 129.

⁵⁶⁴ В Германии раньше было принято делать то же самое, используя приветствие «Servus».

⁵⁶⁵ Adam of Bremen, *Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, tr. T. Reuter, *History of the Archbishops of Hamburg-Bremen* (New York, 2002), I. 39–41.

⁵⁶⁶ *Pactum Hlotharii I*, in McCormick, 'Carolingian Economy', p. 47.

быль⁵⁶⁷. В более долгосрочной перспективе, однако, был возобновлен нормальный бизнес. Договоры конца IX века с местными правителями, которые якобы были обеспокоены тем, что на их рынках продавали не только рабов, но и вольных людей, соблюдались лишь на словах. Венецианцев обвиняли в том, что они охотно продают подданных соседних земель, независимо от их вероисповедания⁵⁶⁸.

В конце концов, объемы работорговли стали сокращаться, по крайней мере, уменьшился поток рабов из Восточной и Центральной Европы. Одной из причин этого было то, что викинги-русы переключились с междугородней торговли на рэкет. Их внимание сконцентрировалось на выгодах, которые получали хазары от торговцев, проходивших через их города, например Итиль, благодаря сборам на транзит товаров через территорию хазаров. Знаменитый персидский географический трактат «Худуд аль-Алам» утверждает, что основу экономики хазаров составляли доходы от налогов: «Благосостояние царя хазарского основывается в основном на пошлинах»⁵⁶⁹. Другие мусульманские авторы неоднократно отмечали существенные налоговые поступления, полученные хазарскими правителями от коммерческой деятельности, включая сборы с жителей столицы⁵⁷⁰.

То, что различные племена платили дань кагану, неизбежно привлекло внимание викингов-русов. Один за другим данники Хазарии переходили под покровительство новых повелителей. Ко второй половине IX века славянские племена Центральной и Южной России не только платили дань скандинавам, им было запрещено продолжать платить «хазарам на том основании, что в этом не было никакого смысла». Вместо этого следовало платить лидерам русов⁵⁷¹. Аналогичный подход практиковался в Ирландии, где бизнес по защите капиталов вытеснил работорговлю. После постоянных атак в течение года, говорится в анналах Санкт-Бертен, ирландцы согласились платить ежегодную дань в обмен на мир⁵⁷².

На Востоке это произошло незадолго до того, как действия русов вылилось в открытую конфронтацию с хазарами. После серии набегов на мусульманские торговые компании в Каспийском море, в результате которых «пролились реки крови» и которые продолжались до тех пор, пока викинги-русы не «награбились вдоволь и устали от набегов», были атакованы сами хазары⁵⁷³. Итиль был разграблен и полностью уничтожен в 965 году. «Если на ветвях останутся листья, один из русов обязательно их унесет, – писал один из авторов. – Не осталось ни единой виноградины, ни единой изюминки (в Хазарии)»⁵⁷⁴. Хазары были удалены из уравнения, и прибыль от торговли с мусульманским миром потекла рекой в направлении Северной Европы. Об этом свидетельствуют залежи монет, найденные вдоль водных путей России⁵⁷⁵.

К концу X века русы стали доминирующей силой в западной части степи. Они контролировали земли, которые простирались от Каспийского моря и до самого Дуная через север Черного моря. Один источник говорит об оживленности рынков, которые они теперь

⁵⁶⁷ G. Luzzato, *An Economic History of Italy from the Fall of the Roman Empire to the Sixteenth Century*, tr. P. Jones (London, 1961), pp. 35, 51–53; Phillips, *Slavery*, p. 63.

⁵⁶⁸ McCormick, 'Carolingian Economy', pp. 48–49.

⁵⁶⁹ *Hudūd al-ʿĀlam*, in *The Regions of the World: A Persian Geography 372 AH – 982 AD*, tr. V. Minorsky, ed. C. Bosworth (London, 1970), pp. 161–162.

⁵⁷⁰ Ibn Faḥlān, 'Book of Ahmad ibn Faḥlān', p. 44; Ibn Khurrādādhbih, 'Book of Roads and Kingdoms', p. 12; Martinez, 'Gardīzī's Two Chapters on the Turks', pp. 153–154.

⁵⁷¹ *Russian Primary Chronicle*, tr. S. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor (Cambridge, MA, 1953), p. 61.

⁵⁷² *Annales Bertiniani*, ed. G. Waitz (Hanover, 1885), p. 35.

⁵⁷³ Masʿūdī, 'Meadows of Gold', pp. 145–146; Ibn ḥawqāl, 'Book of the Configuration of the Earth', p. 175.

⁵⁷⁴ Ibn ḥawqāl, 'Book of the Configuration of the Earth', p. 178.

⁵⁷⁵ R. Kovalev, 'Mint Output in Tenth Century Bukhara: A Case Study of Dirham Production with Monetary Circulation in Northern Europe', *Russian History / Histoire Russe* 28 (2001), pp. 250–259.

курировали. Там можно было приобрести «золото, шелк, вино, разнообразные фрукты из Греции, серебро и лошадей из Венгрии и Богемии, а также пушнину, воск, мед и рабов у русов»⁵⁷⁶. Тем не менее их власть над этими землями не являлась абсолютной. Отношения с кочевыми племенами зачастую были напряженными из-за конкуренции за ресурсы. Это было отлично продемонстрировано, когда постоянный лидер русов того времени был казнен кочевым племенем печенегов. Они отпраздновали захват князя в плен, а позже его череп был доверху наполнен золотом. Его сохранили как трофей и использовали в качестве ритуальной посуды⁵⁷⁷.

Тем не менее в ходе X века контроль русов над водными путями и степями продолжал крепнуть, а пути на юг становились все более безопасными. Этот процесс сопровождался постепенной трансформацией коммерческой, религиозной и политической ситуации. Одной из причин этого являлось то, что после периода стабильности и достатка, который длился примерно 300 лет, Багдадский халифат столкнулся с рядом неудач.

Процветание привело к ослаблению связей между центром и окраинными землями, что, в свою очередь, создало почву для раздоров: местные власти почувствовали свободу и вступили в конфронтацию друг с другом. В 923 году Басра была разграблена шиитами, а еще через семь лет было совершено нападение на Мекку, в ходе которого из Каабы был украден священный черный камень⁵⁷⁸.

Необычайно суровые зимы в 920–960-х годах только усугубили положение. Условия были такими плохими, что нехватка продуктов стала обычным делом. Люди были вынуждены «выбирать зерна ячменя из помета лошадей и ослов и есть их», – писал один автор. Массовые беспорядки и гражданские волнения не заставили себя ждать⁵⁷⁹. По словам армянского летописца, после семи лет неурожая в 950-х годах «многие сошли с ума» и бездумно бросались друг на друга⁵⁸⁰.

Внутренние беспорядки позволили новой династии, Буидам, установить политический контроль над большей частью основной территории халифата в Иране и Ираке, должность халифа стала номинальной, и его полномочия были сильно урезаны. В то же время в Египте режим был полностью свергнут. В версии «арабской весны» X века мусульмане-шииты, которые до этого смогли построить эмираты в Северной Африке и были более или менее независимы от суннитского халифата Багдада и Кордобы, перебрались в столицу Египта – Фустат. В 969 году, на фоне катастрофического положения во время ежегодного разлива Нила, из-за которого многие погибли и начался голод, в Северной Африке разгорелась революция⁵⁸¹. Новыми повелителями стали Фатимиды. Они, так же как и мусульмане-шииты, смотрели на вопросы законности, власти и наследия, оставленного Мухаммедом, по-своему. Их подъем имел серьезные последствия для единства мусульманского мира: люди начали задавать фундаментальные вопросы о прошлом, настоящем и будущем ислама.

⁵⁷⁶ *Russian Primary Chronicle*, p. 86.

⁵⁷⁷ Там же, p. 90.

⁵⁷⁸ H. Halm, *Das Reich des Mahdi. Der Aufstieg der Fatimiden (875–973)* (Munich, 1991); F. Akbar, 'The Secular Roots of Religious Dissidence in Early Islam: The Case of the Qaramita of Sawad Al-Kufa', *Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs* 12.2 (1991), pp. 376–390. О распаде халифата в этот период см. M. van Berkel, N. El Cheikh, H. Kennedy and L. Osti, *Crisis and Continuity at the Abbasid Court: Formal and Informal Politics in the Caliphate of al-Muqtadir* (Leiden, 2013).

⁵⁷⁹ Bar Hebraeus, *Ktābā d-makbānūt zabnē*, E. Budge (ed. and tr.), *The Chronography of Gregory Abul Faraj*, 2 vols (Oxford, 1932), 1, p. 164.

⁵⁸⁰ Matthew of Edessa, *The Chronicle of Matthew of Edessa*, tr. A. Dostourian (Lanham, 1993), I. 1, p. 19; M. Canard, 'Baghdad au IVe siècle de l'Hégire (Xe siècle de l'ère chrétienne)', *Arabica* 9 (1962), pp. 282–283. См. здесь R. Bulliet, *Cotton, Climate, and Camels in Early Islamic Iran: A Moment in World History* (New York, 2009), pp. 79–81; R. Ellenblum, *The Collapse of the Eastern Mediterranean: Climate Change and the Decline of the East, 950–1072* (Cambridge, 2012), pp. 32–36.

⁵⁸¹ Ellenblum, *Collapse of the Eastern Mediterranean*, pp. 41–43.

Переворот и последовавший за ним спад коммерции привели к тому, что викинг-русы обратили свое внимание на реки Днепр и Днестр, впадающие в Черное море, а не на Волгу и Каспийское море. Они перенесли свое внимание с мусульманского мира на Византийскую империю и великий город Константинополь, известный в скандинавском фольклоре как Mikli-garðr, или Миклагард, что означает «великий город». Византийцы отнеслись к вниманию русов с осторожностью. Налет 860 года стал полной неожиданностью как для жителей, так и для городской стражи.

Патриарх Константинополя причитал, вопрошая, кто эти «яростные и дикие» воины, которые «громят окрестности, уничтожают все», «вонзают свои мечи во все, не жалея ничего и никого. «Тем, кто погиб первым, повезло, — отмечал он. — По крайней мере они не узнали, какие ужасы последовали за этим»⁵⁸².

Доступ русов на рынки Константинополя четко регламентировался властями. Договор X века оговаривает, что в город одновременно допускается всего 50 русов, проходить они должны через четко указанные ворота, их имена должны быть тщательно переписаны, а в городе за ними следовало внимательно наблюдать. Ограничения также налагались и на то, что они могут покупать или продавать⁵⁸³. Русы были признаны опасными людьми, требующими особого, осторожного обращения. Тем не менее, в конце концов, отношения стали нормализовываться, налажилось взаимодействие с такими городами, как Новгород, Чернигов и прежде всего Киев, которые из торговых полустанков превратились в укрепленные города⁵⁸⁴. Принятие правителем русов Владимиром христианства в 988 году было очень важным событием, так как привело к созданию церковной сети под управлением священнослужителей, присланных из Константинополя, и неизбежным культурным заимствованиям. Эти факторы в итоге повлияли на все, начиная с икон, предметов культа и внешнего вида церквей до стиля одежды русов⁵⁸⁵. С течением времени экономика русов становилась все более меркантильной, а военизированное общество все более урбанизованным и космополитичным⁵⁸⁶. Из Византии привозили на продажу предметы роскоши, такие как вино, масло и шелк, при этом торговцы выписывали чеки на бересте⁵⁸⁷.

Смещение фокуса внимания русов с мусульманского мира на Константинополь стало результатом явного сдвига в Западной Азии. Последовательные императоры воспользовались нестабильностью и беспорядками в Аббасидском халифате. Многие восточные византийские провинции были потеряны во время мусульманских завоеваний, и это привело к реорганизации основ имперского управления провинциями. В первой половине X века положение стало меняться. Одна за другой территории, которые использовались для организации нападений на имперские территории в Анатолии, восстанавливались. Крит и Кипр были возвращены. Это способствовало установлению стабильности в Восточном Средиземноморье и на Эгейском море, которые десятилетиями находились во власти арабских пиратов. Затем в 969 году великий город Антиохия, важный коммерческий центр и крупный производитель текстиля, также был захвачен⁵⁸⁸.

⁵⁸² C. Mango, *The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople* (Cambridge, MA, 1958), pp. 88–89.

⁵⁸³ *Russian Primary Chronicle*, pp. 74–75.

⁵⁸⁴ Shepard, 'The Viking Rus' and Byzantium', in S. Brink and N. Price (eds), *The Viking World* (Abingdon, 2008), pp. 498–501.

⁵⁸⁵ См., например, A. Poppe, 'The Building of the Church of St Sophia in Kiev', *Journal of Medieval History* 7.1 (1981), pp. 15–66.

⁵⁸⁶ Shepard, 'Viking Rus', p. 510.

⁵⁸⁷ T. Noonan and R. Kovalev, 'Prayer, Illumination and Good Times: The Export of Byzantine Wine and Oil to the North of Russia in Pre-Mongol Times', *Byzantium and the North. Acta Fennica* 8 (1997), pp. 73–96; M. Roslund, 'Brosamen vom Tisch der Reichen. Byzantinische Funde aus Lund und Sigtuna (ca. 980–1250)', in M. Müller-Wille (ed.), *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14 Jahrhunderts* (Stuttgart, 1997), 2, pp. 325–385.

⁵⁸⁸ L. Golombek, 'The Draped Universe of Islam', in P. Parsons Soucek (ed.), *Content and Context of Visual Arts in the Islamic World: Papers from a Colloquium in Memory of Richard Ettinghausen* (University Park, PA, 1988), pp. 97–114. О текстильной

Такой поворот судьбы стимулировал возрождение христианского мира. Это также означало перенаправление многих активов и доходов из Багдада в Константинополь: налоговые и таможенные сборы, которые раньше направлялись в халифат, теперь пополняли имперскую казну. Это возвестило о начале золотой эры Византии, периода возрождения искусств и интеллектуального расцвета среди философов, ученых и историков. Началось масштабное строительство церквей и монастырей, а также учреждение таких организаций, как правовые школы, где обучали судей, которые могли осуществлять надзор за растущей империей. Именно Византия получила наибольшую выгоду от разрыва отношений между Багдадом и Египтом в конце X века: в конце 980-х годов император Василий II пришел к соглашению с новопровозглашенным халифом из рода Фатимидов, тем самым установив формальные торговые связи и пообещав, что его имя будет упоминаться в ежедневных молитвах в мечетях Константинополя скорее, чем у его соперников Аббасидов в Багдаде⁵⁸⁹.

Оживление рынков в столице империи, подпитываемое экономическим и демографическим ростом, еще больше дестабилизировало положение аббасидского халифата. Результатом стала переориентация торговых путей с Востока и явный сдвиг от континента в сторону Хазарии, Кавказа и Красного моря. Пути, которые способствовали процветанию Мерва, Рея и Багдада отошли на второй план благодаря судоходным путям вдоль береговой линии. Несомненно, Фустату, Каиру и прежде всего Александрии был дан неплохой толчок для развития⁵⁹⁰. Византия была хорошо расположена и вскоре стала пожинать плоды новых взаимоотношений с Фатимидами: со второй половины X века, как следует из арабских и еврейских текстов, торговые корабли круглосуточно отправлялись из портов Египта в Константинополь⁵⁹¹.

Египетский текстиль начали ценить по всему Восточному Средиземноморью. Белье, произведенное в Тинисе, оказалось востребовано после того, как Насир Хосров, один из величайших писателей Персии, написал следующее: «Я слышал, что правитель Византии однажды послал сообщение султану Египта и предложил сотню городов в обмен на один только Тинис»⁵⁹². Появление амальфийских и венецианских купцов в Египте, начиная с 1030-х годов, и из Генуи тремя десятилетиями позже показывает, что и другие народы были готовы открывать новые источники товаров⁵⁹³.

С точки зрения русов и новой северной торговой сети изменение важнейших торговых путей, по которым с Востока привозили специи, шелк, перец, изделия из дерева и другие товары, имело небольшие последствия: теперь не нужно было выбирать между христианским Константинополем и мусульманским Багдадом. В то же время наличие двух потенциальных источников товаров лучше, чем всего один. Шелк поставлялся в Скандинавию во внушительных количествах, о чем свидетельствует находка более чем ста шелковых фрагментов на корабле, найденном в Осберге в Норвегии, а также захоронения викингов: шелковые одежды из Византии и Персии хоронили вместе с их владельцами как предметы роскоши⁵⁹⁴.

продукции Антиохии после 1098 года см. T. Vorderstrasse, 'Trade and Textiles from Medieval Antioch', *Al-Masāq* 22.2 (2010), pp. 151–171.

⁵⁸⁹ D. Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt from the Mid-Tenth Century to the Fourth Crusade', *Thesaurismata* 30 (2000), p. 36.

⁵⁹⁰ V. Piacentini, 'Merchant Families in the Gulf: A Mercantile and Cosmopolitan Dimension: The Written Evidence', *ARAM* 11–12 (1999–2000), pp. 145–148.

⁵⁹¹ D. Goitein, *A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza*, 6 vols (Berkeley, 1967–1993), 4, p. 168; Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt', pp. 41–43.

⁵⁹² Nāḥir-i Khusrāw, *Safarnāma*, tr. W. Thackston, *Nāḥir-e Khosraw's Book of Travels* (Albany, NY, 1986), pp. 39–40.

⁵⁹³ Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt', p. 42; S. Simonsohn, *The Jews of Sicily 383–1300* (Leiden, 1997), pp. 314–316.

⁵⁹⁴ M. Vedeler, *Silk for the Vikings* (Oxford, 2014).

В середине XI века все еще находились те, кто хотел сделать состояние в землях ислама на востоке, как это делали их предки. В качестве примера можно привести руническую надпись с камня на берегу озера Меларен возле Стокгольма в Швеции, установленного в середине XI века женщиной по имени Тола в память о ее сыне Харальде и его братьях по оружию. «Они прошли долгий путь в поисках золота», – говорится на нем, им сопутствовал успех, но затем они погибли «на юге, в Серкланде», который, к слову, находился на землях сарацин – мусульман⁵⁹⁵. Исследователями был найден еще один камень, установленный Гудлифом в память о сыне, который встретил свой конец на Востоке, в Хорезме⁵⁹⁶. Такие тексты, как «Сага об Ингваре Путешественнике», брате Харальда, также увековечивает путешествия, в которых скандинавы отправлялись к Каспийскому морю и дальше. Кстати, недавние исследования показывают, что постоянные поселения викингов в то время встречались даже в Персидском заливе⁵⁹⁷.

Однако всеобщее внимание все больше концентрировалось на христианском Востоке и Византии. По мере расширения горизонтов Западной Европы появился интерес к посещению земли, где жил, умер и воскрес Иисус Христос. Паломничество в Иерусалим стало престижным⁵⁹⁸. Открытие Священного города еще раз подчеркнуло скудность христианского наследия Западной Европы по сравнению с Византийской империей. Елена, мать императора Константина, начала процесс переноса священных реликвий еще в IV веке.

К XI веку удивительная коллекция была существенно расширена и включала в себя такие реликвии, как гвозди, которыми был распят Иисус, терновый венец, плащаница, часть Честного и Животворящего Креста Господня, а также локон волос Девы Марии, голову Иоанна Крестителя и многое, многое другое⁵⁹⁹. Напротив, в Европе было совсем мало реликвий. Хотя короли, города и церкви становились все богаче, у них было мало общего с Иисусом Христом и его учением.

Иерусалим и Константинополь, как дом и защитник христианства, привлекли огромное количество людей на христианский Восток, в частности в столицу империи, люди прибывали сюда, чтобы торговать, заниматься бизнесом или просто пройти по Святой земле. Жители Скандинавии и Британских островов состояли в элитном корпусе варягов (варяжской страже), которому была доверена охрана самого императора. Служить в этом отряде стало своего рода традицией. Так, например, Харальд Сигурдссон, будущий король Норвегии (известный как Харальд Суровый), служил в этой бригаде, прежде чем отправиться домой⁶⁰⁰. В XI веке зов Константинополя был слышен по всей Европе. В летописях отмечается, что в XI веке он был домом для выходцев из Британии, Италии, Франции и Германии, Киева, Скандинавии и Исландии. Торговцы из Венеции, Пизы, Амальфи и Генуи основали в городе колонии, чтобы покупать товары и отправлять их домой⁶⁰¹.

По-настоящему важные места находились не в Париже, Лондоне, Германии или Италии, они располагались на Востоке. Города, которые были связаны с Востоком, были особенно важны, например, ключевыми являлись Херсон, Крым, Новгород, которые были связаны с Шелковым путем, проходящим через всю Азию. Киев стал стержнем средневекового мира, о чем свидетельствует брачный союз между правящими домами, заключенный во вто-

⁵⁹⁵ E. Brate and E. Wessén, *Sveriges Runinskrifter: Södermanlands Runinskrifter* (Stockholm, 1924–36), p. 154.

⁵⁹⁶ S. Jansson, *Västmanlands runinskrifter* (Stockholm, 1964), pp. 6–9.

⁵⁹⁷ G. Isitt, 'Vikings in the Persian Gulf', *Journal of the Royal Asiatic Society* 17.4 (2007), pp. 389–406.

⁵⁹⁸ P. Frankopan, 'Levels of Contact between West and East: Pilgrims and Visitors to Constantinople and Jerusalem in the 9th–12th Centuries', in S. Searight and Wagstaff (eds), *Travellers in the Levant: Voyagers and Visionaries* (Durham, 2001), pp. 87–108.

⁵⁹⁹ Cm. J. Wortley, *Studies on the Cult of Relics in Byzantium up to 1204* (Farnham, 2009).

⁶⁰⁰ S. Blöndal, *The Varangians of Byzantium*, tr. B. Benediktz (Cambridge, 1978); Shepard, 'The Uses of the Franks in 11th-Century Byzantium', *Anglo-Norman Studies* 15 (1992), pp. 275–305.

⁶⁰¹ P. Frankopan, *The First Crusade: The Call from the East* (London, 2012), pp. 87–88.

рой половине XI века. Дочери Ярослава Мудрого, который был Великим князем Киевским до 1054 года, вышли замуж за королей Норвегии, Венгрии, Швеции и Франции. Один из его сыновей женился на дочери короля Польши, в то время как другой взял жену из правящей династии Константинополя. Браки, заключенные в следующем поколении, были даже еще более впечатляющими. Русские княжны вышли замуж за королей Венгрии и Польши и могущественного императора Германии Генриха IV. Помимо прочего, показательным стал брак Владимира II Мономаха, князя Киевского, с Гитой, дочерью Харольда II, короля Англии, который был убит в битве при Гастингсе в 1066 году. Правящая династия Киева имела наилучшие связи во всей Европе.

Все новые и новые города возникали по всей России, и каждый являлся новой жемужиной на ожерелье. Такие города, как Любеч, Смоленск, Минск и Полоцк, обрели величие, как перед этим Киев, Чернигов и Новгород. Очевидно, этому способствовал тот же процесс, который уже наблюдался в Венеции, Генуе, Пизе и Амальфи, – усиление власти и рост благосостояния. Главным ключом к успеху был бизнес с Востоком.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в южной Италии. Одно из самых потрясающих достижений Средневековья, норманнские наемники, которых изначально призвали в Апулию и Калабрию, в начале XI века стали одной из основных сил Средиземноморья. За одно поколение они свергли византийских казначеев и затем обратили свое внимание на мусульманскую Сицилию, прибыльные земли и стратегически важный пункт, соединяющий Северную Африку и Европу, контролирующие Средиземноморье⁶⁰².

В каждом случае приход к власти был ускорен развитием торговли и получением доступа к желаемым товарам. В конечном счете, практически не имело значения, где проходила разделительная линия между христианами и мусульманами, лучшие рынки находились в Константинополе, Итиле, Багдаде или Бухаре, а с XI века – в Махдии, Александрии и Каире. Хотя многие источники утверждают, что огромное значение имели политика и религия, для большинства купцов и торговцев эти вопросы были осложнениями, которые лучше бы избегать. На самом деле, проблема была не в том, где и с кем торговать, а в том, как оплачивать предметы роскоши, которые могли бы принести хорошую прибыль. С VIII по X век основным предметом торговли являлись рабы. По мере того как экономики стран Западной и Восточной Европы становились все более устойчивыми и из исламского мира поступало все больше серебряных монет, города росли, а их население увеличивалось. Вместе с этим возрастал уровень взаимодействия, который, в свою очередь, привел к повышенному спросу на монетизацию, который превышал, например, спрос на пушнину. Когда это произошло, местные сообщества стали более сложными, искусными и развитыми. В городах начал появляться средний класс. Теперь в качестве основной валюты на Востоке стали использовать деньги, а не людей.

Магнетические силы, которые притянули людей со всей Европы, ощущались и на Востоке. Границы, которые были установлены мусульманскими завоеваниями в ходе экспансии в Центральной Азии, к XI веку уже практически исчезли. Разнообразные мусульманские династии по всей Центральной Азии долгое время нанимали в армии людей из степей. Так же поступали и халифы Багдада. И только императоры из Константинополя в то же самое время привлекали людей из Северной и Западной Европы. Такие династии, как Саманиды, активно нанимали солдат из племени тюрок, обычно в качестве *ghulām*, или войска рабов. Но так как им стали доверять не только рядовые позиции, но и должности в командовании,

⁶⁰² H. Hoffmann, 'Die Anfänge der Normannen in Süditalien', *Quellen und Forschungen aus Italienischen Archiven und Bibliotheken* 47 (1967), pp. 95–144; G. Loud, *The Age of Robert Guiscard: Southern Italy and the Norman Conquest* (Singapore, 2000).

совсем скоро они захотели власти и для себя тоже. Служба должна была позволить им реализовать амбиции, но не приводить к тому, чтобы они завладели ключами от королевства.

Результаты оказались впечатляющими. К началу XI века в центре Газни (теперь это восточная часть Афганистана) возникла новая империя, основанная потомками тюркского генерала, который мог выставить на поле боя такую огромную армию, что один из современников сравнивал ее с ордой «саранчи или муравьев, бесчисленных, неизмеримых, как песок в пустыне»⁶⁰³. Газневиды завоевали земли, простирающиеся от Восточного Ирана до Северной Индии, они стали покровителями изобразительных искусств и литературы. Они также отстаивали интересы таких выдающихся писателей, как Фирдоуси, автора знаменитой «Шахнаме», одной из жемчужин раннесредневековой персидской поэзии. Недавние исследования показали, что великий поэт никогда не ездил в Афганистан, чтобы представить свою работу лично, как предполагалось ранее⁶⁰⁴.

Турки из Карахнидского государства также получили выгоду от того, что Багдад ослаб, и установили контроль над Трансоксианой, захватив владения к северу от Амударьи (великая река Оксус, которая течет вдоль границ Узбекистана с Туркменистаном), и заключили договор с Газневидами о том, что река должна служить границей их территорий⁶⁰⁵. Как и их соседи, Карахниды покровительствовали процветающим в то время ученым. Пожалуй, один из самых знаменитых сохранившихся текстов – это «Диван лугат ат-турк» (первый энциклопедический словарь тюркского языка) автора Махмуда аль-Кашгари, который утверждает, что центр мира – столица государства Карахнидов Баласагун в Центральной Азии. То, как это блестящий эрудит видел мир вокруг, было отражено в прекрасной карте⁶⁰⁶.

Многие другие удивительные тексты создают атмосферу утонченности и рассказывают о динамичном и богатом обществе. Особенно выдающийся текст – поэма Kutadgu Bilig («Благодатное знание»), написанная в конце XI века в Карахнидском государстве Юсуфом Баласагуни. Поэма наполнена советами, которые охватывают множество вопросов, начиная с того, что правитель должен реагировать на проблемы спокойно и не показывать гнева, и заканчивая тем, как вельможе организовать званый обед. Современные книги по этикету содержат много полезных практических сведений, но совершенно невозможно не очароваться автором, который тысячу лет назад давал советы, как организовать хороший званый обед. «Почистите бокалы и скатерти. Освежите весь дом и мебель. Выберите еду и напитки так, чтобы затронуть струны сердец ваших гостей», – советует автор. Он призывает следить за тем, чтобы бокалы были наполнены, щедро и благосклонно встречать опаздывающих: никто не должен уйти с праздника голодным или рассерженным⁶⁰⁷.

Честолюбивые царьки нуждались в таких советах не меньше, чем современные нувориши, которые хотят быть уверенны, что они использовали правильный дизайн интерьеров и подают гостям правильную еду и напитки (как утверждает автор Kutadgu Bilig, следует подавать воду с вареньем из розы – это беспроеигрышный вариант). Некоторые, более решительные, правда, не прельстились идеей организации собственного двора и употребления причудливой пищи. Они нацелились на гораздо больший приз – Багдад. Начиная с конца X века, сельджуки, выходцы из союза гузских племен (в основном они проживали в районе совре-

⁶⁰³ al-ʿUtbi, *Kitāb-i Yamīnī*, tr. J. Reynolds, *Historical memoirs of the amir Sabaktagīn, and the sultan Mahmūd of Ghazna* (London, 1868), p. 140. См. в целом C. Bosworth, *The Ghaznavids, 994–1040* (Cambridge, 1963).

⁶⁰⁴ A. Shapur Shahbāzī, *Ferdowsī: A Critical Biography* (Costa Mesa, CA, 1991), esp. pp. 91–93; а также G. Dabiri, 'The Shahnama: Between the Samanids and the Ghaznavids', *Iranian Studies* 43.1 (2010), pp. 13–28.

⁶⁰⁵ Y. Bregel, 'Turko-Mongol Influences in Central Asia', in R. Canfield (ed.), *Turko-Persia in Historical Perspective* (Cambridge, 1991), p. 53ff.

⁶⁰⁶ Herrman, 'Die älteste türkische Weltkarte', pp. 21–28.

⁶⁰⁷ Yūsuf Khāṣṣ #ājib, *Kutadgu Bilig*, tr. R. Dankoff, *Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes* (Chicago, 1983), p. 192.

менного Казахстана), начали активно развиваться. Они доказали, что умелая смена сторон и оказание услуг местным властям могут принести неплохую выгоду. Это было незадолго до того, как они обрели настоящую власть. Между 1020-ми и 1030-ми годами сельджуки умело взяли контроль над многими городами, такими как Мерв, Нишапур или Балх, которые сдавались один за другим. Затем в 1040 году они разбили Газневидов, нанеся поражение сильно превосходящим силам противника в битве при Данданакане⁶⁰⁸.

Стремительный рост сельджуков от рабов до правителей был закреплен в 1055 году, когда они явились в Багдад по приглашению халифа и свергли непопулярную и бесполезную династию Буидов. Были отчеканены монеты с именем вождя Тогрул-бека и отдан приказ прочитать во имя его хутбу (проповедь). Это было сделано для того, чтобы верующие благословляли его правление во время ежедневных молитв. В дальнейшем, чтобы показать величие своего положения в Багдаде и по всему халифату, Тогрул присвоил два новых титула – сначала титул султана, а затем «царя Востока и Запада», опоры государства и правой руки Покровителя правоверных⁶⁰⁹.

Здесь не обошлось без иронии. Имена сыновей основателя династии показывают, что сельджуки изначально были христианами или даже иудеями. Такие имена, как Михаил, Израиль, Моисей и Иоанн, позволяют предположить, что сельджуков обратили в веру миссионеры патриарха Тимофея или же торговцы, которые принесли иудаизм в Хазарию⁶¹⁰. Хотя время и обстоятельства их обращения в ислам неизвестны, определенно было тяжело придерживаться религиозных взглядов, которые не были широко распространены среди мусульманского населения, и не потерять так быстро обретенную власть. Если бы они достигали успеха более медленными темпами, мир мог бы измениться и во главе государства Востока могли бы стоять христиане или иудеи. Сельджуки решили принять новую религию, и именно немусульманские выскочки стали защитниками наследия Мухаммеда, защитниками ислама и хозяевами одной из самых могущественных империй в истории.

Еще до того, как они захватили власть в столице Аббасидов, Византия уже была обеспокоена подъемом сельджуков. Их неуклонный рост побудил другие кочевые племена с окраин совершать все более дерзкие набеги в глубь Балкан, на Кавказ и Малую Азию, приводя местное население в ужас стремительностью своих атак. Их лошади, как утверждал один из очевидцев, были «быстрыми как орлы, с твердыми, как скала, копытами». Они набрасывались на города, «как ненасытные, голодные волки на кусок мяса»⁶¹¹.

Будучи обманутым, император Роман IV Диоген в попытке укрепить оборону на востоке вместе с большой армией вышел из Константинополя, чтобы в 1071 году столкнуться с катастрофой в битве при Манцикерте, где византийские войска были застигнуты врасплох и уничтожены. В знаменитом сражении, которое до сих пор отмечается как день рождения Турции, имперские войска были окружены, разгромлены, а император был взят в плен.

Правитель сельджуков, Алп-Арслан поверг правителя Византии на землю и поставил ногу ему на горло⁶¹². На самом деле сельджуки и правительство в Багдаде были гораздо

⁶⁰⁸ О подъеме сельджуков см. C. Lange and S. Mecit (eds), *The Seljuqs: Politics, Society and Culture* (Edinburgh, 2011).

⁶⁰⁹ Обсуждение некоторых противоречий в источниках см. здесь: O. Safi, *Politics of Knowledge in Pre-Modern Islam: Negotiating Ideology and Religious Inquiry* (Chapel Hill, NC, 2006), pp. 35–36.

⁶¹⁰ Dunlop, *History of the Jewish Khazars*, p. 260; A. Peacock, *Early Seljuq History: A New Interpretation* (Abingdon, 2010), pp. 33–34; Dickens, 'Patriarch Timothy', pp. 117–139.

⁶¹¹ Aristakes of Lastivert, *Patmut'iwn Aristakeay Vardapeti Lastivertts'woy*, tr. R. Bedrosian, *Aristakēs Lastivertc'i's History* (New York, 1985), p. 64.

⁶¹² Источники, посвященные битве при Манцикерте, собраны здесь C. Hillenbrand, *Turkish Myth and Muslim Symbol* (Edinburgh, 2007), p. 26ff.

меньше обеспокоены деятельностью Византийской империи, чем действиями халифата Фатимидов в шиитском Египте. Эти две силы немедленно сцепились в борьбе за контроль над Иерусалимом. Пока длилась эта борьба, отношения, установленные с Константинополем, были не слишком сердечными, но благоприятными благодаря наличию взаимных интересов, которые заключались в «сужении» кругов вокруг Малой Азии, что выражалось в типично степных набегах и требовании дани в обмен на мир. Для Византии это грозило разрушением и без того хрупкой экономики провинций; для сельджуков это был вызов авторитету их лидера со стороны вождей местных племен. Большую часть двух десятилетий император и султан сотрудничали, дойдя в своих обсуждениях до возможного брака, который связал бы две династии. В 1090-х годах, однако, баланс нарушился, так как империя сельджуков вступила в период кризиса. Это позволило выскочкам из Малой Азии серьезно поднять ставки и увеличить свои владения, что давало им видимость независимости от Багдада. Такое положение сильно раздражало Византию⁶¹³.

Одно бедствие следовало за другим, и очень скоро христианская Византия была поставлена на колени. У императора все еще оставалось несколько козырей, и он предпринял решительный шаг: могущественным вельможам по всей Европе, включая папу Урбана II, были разосланы обращения. Обращение к папе было последней отчаянной попыткой Византии не упасть в пропасть, но в то же самое время это был рискованный шаг: за 40 лет до этого эскалация конфликта между римской и константинопольской церквями привела к расколу, в результате чего патриархи и императоры были отлучены от церкви, а священнослужители грозили друг другу геенной огненной. Частично споры касались вопросов о том, происходит ли Святой Дух от Сына или же от Отца, однако основным вопросом являлась конкуренция за контроль над верующими христианами. Обращение к папе означало сглаживание различий и попытку восстановить отношения, однако это было проще сказать, чем сделать⁶¹⁴.

Посланники императора нашли папу в Пьяченце в марте 1095 года. Они «умоляли Его Святейшество и всех верующих христиан оказать помощь против язычников в защите святой церкви, которая была практически уничтожена неверными, которые покорили регион вплоть до самых стен Константинополя»⁶¹⁵. Папа очень быстро понял, что именно было поставлено на карту, и предпринял немедленные действия. Отправившись на север, он созвал церковный собор в Клермонте, где и объявил, что долг христианских рыцарей – отправиться на помощь собратьям на Востоке. После этого Урбан начал изнурительный поход с целью получить поддержку могущественных аристократов, прежде всего во Франции, уговаривая и убеждая их принять участие в большом походе, который должен был окончиться в Священном городе Иерусалиме. В час нужды на Востоке казалось, что церковь может объединиться⁶¹⁶.

Призыв к оружию возымел огромный успех. Большое количество христианских паломников отправилось посетить святыне уже за десятилетия до просьбы папы о помощи. В мире, где наблюдались тесные связи между Западной Европой и Константинополем, новости распространялись быстро. Из-за неурядиц в Малой Азии и на Среднем Востоке пути паломничества были закрыты, появились тревожные сообщения об успехах тюрок в Анатолии, которые сопровождались наглядными отчетами о страданиях христиан на Востоке. Многие из них были убеждены в том, что апокалипсис близок. Призыв Урбана к оружию получил большой отклик: в 1096 году десятки тысяч христиан отправились в Иерусалим⁶¹⁷.

⁶¹³ Frankopan, *First Crusade*, pp. 57–86.

⁶¹⁴ Там же, pp. 13–25.

⁶¹⁵ Bernold of Constance, *Die Chroniken Bertholds von Reichenau und Bernolds von Konstanz*, ed. I. Robinson (Hanover, 2003), p. 520.

⁶¹⁶ Frankopan, *First Crusade*, pp. 1–3, 101–113.

⁶¹⁷ Там же, в разных местах. О страхе перед Апокалипсисом см. J. Rubenstein, *Armies of Heaven: The First Crusade and the Quest for Apocalypse* (New York, 2011).

Множество имеющихся материалов показывают, что большинство из тех, кто отправился на Восток, были мотивированы верой и сообщениями об ужасах и зверствах, творившихся там. Крестовый поход запомнился как религиозная война, но его основные последствия были мирскими. Первое большое сражение между силами Европы за статус, богатства и престиж в далеких землях, вызванное перспективой богатой наживы, должно было вот-вот начаться. Ситуация изменилась таким образом, что у Запада внезапно появился шанс стать ближе к сердцу мира.

8. Путь на небеса

15 июля 1099 года Иерусалим пал к ногам рыцарей Первого крестового похода. Путешествие на Восток было ужасно изнурительным и сложным. Многие из тех, кто вышел в поход, никогда не добрались до Священного города, были убиты в бою, умерли от голода и болезней или оказались в плену. Когда крестоносцы добрались до Иерусалима, многие из них расплакались от счастья, потому что они наконец дошли до городских стен⁶¹⁸. Когда после шестинедельной осады стены города пали, нападающие пролили реки крови. По свидетельствам одного из очевидцев кровавой бойни, Иерусалим вскоре наполнился мертвыми телами, трупы складывались в курганы за городскими воротами. Никто и никогда еще не слышал о такой бойне⁶¹⁹. «Если бы вы были там, – писал один автор несколько лет спустя, – вы стояли бы по лодыжки в крови убитых. Что сказать? Никто из них не остался в живых. Не пощадили ни женщин, ни детей»⁶²⁰.

Новости об осаде Священного города распространились, как лесной пожар. Одна из них более других захватила общественное сознание: Боэмунд, сын норманнских легенд, который сделал себе имя в Южной Италии и Сицилии, стал звездой Первого крестового похода. Красивый мужчина с голубыми глазами, волевым подбородком и спортивной короткой стрижкой. Боэмунд проявил мужество и коварство в Западной Европе. Когда он вернулся с Востока в начале XII века, его чествовали как героя и повсюду осаждали потенциальные невесты⁶²¹.

Казалось, что Боэмунд всецело выступает за новый, формирующийся мир. С точки зрения латинских летописцев того времени, он был идеальным талисманом решительной передачи власти с Востока на Запад. Христианство было спасено храбрыми рыцарями, которые прошли тысячи миль до Иерусалима. Священный город был освобожден христианами – не православными греками или византийцами, а христианами Нормандии, Франции и Фландрии, которые составляли большую часть экспедиции. Мусульмане были изгнаны из города, который они контролировали столетиями. Мрачные предсказания грядущего апокалипсиса, которые слышались повсюду накануне Крестового похода, теперь сменились оптимизмом, самоуверенностью и честолюбием. В течение 5 лет от ожиданий скорого конца света Западная Европа дошла до идеи господства – новой эры!⁶²²

Были основаны новые колонии под управлением новых христианских хозяев. Это привело к существенному расширению европейского господства: Иерусалим, Триполи, Тир и Антиохия – все они оказались под контролем европейцев и управлялись в соответствии с набором законов, привезенных с феодального Востока. Это повлияло на все сферы жизни,

⁶¹⁸ Albert of Aachen, *Historia Iherosolimitana*, ed. and tr. S. Edgington (Oxford, 2007), 5.45, p. 402; Frankopan, *First Crusade*, p. 173.

⁶¹⁹ Raymond of Aguilers, *Historia Francorum qui ceperunt Jerusalem*, tr. J. Hill and L. Hill, *Le 'Liber' de Raymond d'Aguilers* (Paris, 1969), 14, p. 127. Об экспедиции и крестовых походах в целом – C. Tyerman, *God's War: A New History of the Crusades* (London, 2006).

⁶²⁰ Fulcher of Chartres, *Gesta Francorum Iherusalem Peregrinantium*, tr. F. Ryan, *A History of the Expedition to Jerusalem 1095–1127* (Knoxville, 1969), I.27, p. 122. Существует множество исследований о связи психического здоровья и ярости в бою, например, R. Ursano et al., 'Posttraumatic Stress Disorder and Traumatic Stress: From Bench to Bedside, from War to Disaster', *Annals of the New York Academy of Sciences* 1208 (2010), pp. 72–81.

⁶²¹ Anna Komnene, *Alexias*, tr. P. Frankopan, *Alexiad* (London, 2009), 13.11, pp. 383–384; о возвращении Боэмунда в Европу – L. Russo, 'Il viaggio di Boemundo d'Altavilla in Francia', *Archivio storico italiano* 603 (2005), pp. 3–42; Frankopan, *First Crusade*, pp. 188–189.

⁶²² R. Chazan, "'Let Not a Remnant or a Residue Escape': Millenarian Enthusiasm in the First Crusade', *Speculum* 84 (2009), pp. 289–313.

начиная с права собственности и сбора налогов и заканчивая властью короля Иерусалима. Средний Восток переделывали по модели Западной Европы.

Следующие пару столетий огромные усилия были направлены на то, чтобы удержать территории, завоеванные во время Первого крестового похода и сразу после него. Папство неоднократно пыталось произвести впечатление на рыцарство Европы и обязать его представителей защищать Святую землю. Служение королю означало служение Господу – такое сообщение было распространено повсюду. Это привело к тому, что на Восток отправилось огромное количество людей, некоторые из которых организовали орден тамплиеров – популярное новое течение, которое сочетало в себе воинскую службу, преданность и удивительное благочестие.

Дорога в Иерусалим сама по себе стала путем в небеса. В самом начале Первого крестового похода в 1095 году папа Урбан II заявил, что те, кто примет крест и присоединятся к походу в Святую землю, будут освобождены от всех грехов. В ходе кампании данное утверждение эволюционировало в следующее: те, кто пал в бою с неверными, уже на пути к спасению. Поход на Восток был способом в следующей жизни попасть прямо на небеса.

В то время как вести о триумфе христиан, папства и рыцарей шествовали от амвона к амвону, от кабака к кабаку в проповедях, песнях и стихах по всему христианскому Западу, в мусульманском мире реакция была в основном одна – апатия. Хотя были предприняты конкретные попытки расправиться с крестоносцами еще до захвата Иерусалима и сразу после него, сопротивление было локальным и ограниченным. Некоторые были озадачены такой политикой невмешательства. По слухам, судья в Багдаде ворвался к халифу, чтобы порицать отсутствие реакции на появление войск из Европы: «Как смее вы дремать в прекрасной и безопасной тени, – сказал он собравшимся, – вести жизнь, подобную легкомысленным садовым цветам, в то время как ваши братья в Сирии не имеют возможности сохранить даже своих верблюдов?» В Багдаде и Каире власти негласно попустительствовали происходящему. Скорее всего, такое отношение было основано на предположении, что христианские оккупанты могут оказаться лучше, чем их шиитские или суннитские противники, которые контролировали город. Хотя речь судьи из Багдада и выдавила из некоторых присутствующих слезу, многие остались в стороне и бездействовали⁶²³.

Успех Первого крестового похода не стал утешением для европейских и палестинских евреев. Они оказались свидетелями того, как якобы благородные крестоносцы совершали ужасающие акты насилия. В Рейнской области женщины, дети и старики были убиты во время внезапной вспышки антисемитизма в Европе. Евреи расплачивались за переориентацию трудовых ресурсов в Западной Европе и внимание к Востоку⁶²⁴. Кровожадность была напрямую связана с идеей о том, что евреи были ответственны за распятие Иисуса и то, что земли Израиля должны быть захвачены христианами Европы. Ничего не могло разрушить новые связи, созданные в Леванте.

Крестовый поход едва ли можно назвать историей триумфа, как об этом думали византийцы. За военным успехом Крестового похода с его символом – Боемундом лежит менее героическая история. Это история не о славных достижениях и впечатляющем успехе, а пример двуличия и предательства в масштабах империи. Все лидеры похода встречались лично с императором Алексеем I, когда вошли в столицу империи в 1096–1097 годах, и поклялись

⁶²³ al-Harawī, *Kitāb al-ishārāt ilā maʿrifat al-ziyārāt* in A. Maalouf, *The Crusade through Arab Eyes* (London, 1984), p. xiii. Также обратите внимание: Ibn al-Jawzī, *al-Muntaḥam fī tārikh al-mulūk wa-al-umam*, in C. Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives* (Edinburgh, 1999), p. 78. В целом см. здесь P. Cobb, *The Race for Paradise: An Islamic History of the Crusades* (Oxford, 2014).

⁶²⁴ Рассказы о страданиях – S. Eidelberg (tr.), *The Jews and the Crusaders* (Madison, 1977). См. M. Gabriele, 'Against the Enemies of Christ: The Role of Count Emicho in the Anti-Jewish Violence of the First Crusade', in M. Frassetto (ed.), *Christian Attitudes towards the Jews in the Middle Ages: A Casebook* (Abingdon, 2007), pp. 61–82.

на реликвиях Святого креста, что они передадут Византии все территории, ранее принадлежавшие ей, которые они захватят⁶²⁵. По мере того как поход затягивался, Боэмунд стал одержим тем, как выпутаться из этой ситуации и забрать завоеванное себе. Главной добычей стал великий город Антиохия.

Боэмунд воспользовался своим шансом, когда город был захвачен после изнурительной осады. В одном из самых драматичных противостояний эпохи он был захвачен в базилике Святого Петра. От него требовалось пояснить свой отказ передать город императору Византии, как то было обещано. Когда Раймонд Тулузский, самый могущественный из лидеров крестоносцев, торжественно напомнил ему: «Мы поклялись на Кресте Господнем, терновом венце и многих других священных реликвиях, что без согласия императора мы не удержим ни один город в его владениях», – Боэмунд просто заметил, что клятвы были аннулированы потому, что император Алексей не выполнил свою часть сделки, и затем он отказался продолжать поход⁶²⁶.

Образ Боэмунда – это пример блестяще проведенной в XII веке пропаганды, которая ставила его в самый эпицентр успеха Крестового похода, при этом нигде не встречалось никаких упоминаний о том, что предполагаемый герой даже не был у стен Священного города, когда тот пал. Примерно через год, проведенный в попытках решить дело о передаче Антиохии, армия крестоносцев отправилась в путь без него. Когда рыцари подошли к Иерусалиму, чтобы воздать хвалу Господу перед началом осады, при этом некоторые из них делали это босиком, Боэмунд находился в сотнях миль оттуда, властвуя над своей наградой, которую он заполучил благодаря упрямству и беспощадности⁶²⁷.

Позиция, которую занял Боэмунд в Антиохии и сопредельных регионах, обоснована тем, что в восточной части Средиземноморья были отличные возможности. С такой точки зрения захват им города был следующим шагом в притягательном процессе, который привлекал амбициозных, способных людей из Северной и Западной Европы десятилетиями и даже столетиями до этого. Крестовые походы запомнились как религиозные войны, но это также был трамплин для обретения существенного богатства и власти.

Отказ Боэмунда передать Антиохию, его агрессивное, даже злобное поведение впечатлили не только Византию. Сторонники императора Алексея распространяли по Европе ядовитые слухи. Были и те, кто изначально относился к походу без всякого энтузиазма, например Роджер Сицилийский, представитель старого поколения, который сам сделал себе состояние и не хотел, чтобы ему что-то угрожало. Согласно одному из арабских авторов, Роджер пренебрежительно относился к идее завоевания Иерусалима и пытался охладить тех, кто с энтузиазмом воспринял перспективы возникновения новых христианских колоний в Средиземноморье.

Выслушав планы по завоеванию Иерусалима, «Роджер поднял ногу и громко испортил воздух. “Во имя истинной религии, – сказал он, – вот в этом больше пользы, чем в том, что вы хотите сказать”». Он отмечал, что любые наступления на мусульман могут поставить под угрозу отношения с ведущими исламскими фигурами в Северной Африке, не говоря уже о религиозных проблемах, которые возникнут в самой Сицилии, где было значительное число мусульман, вызовут трения и создадут проблемы в торговле. Это приведет к потере доходов, и ситуация постепенно будет усугубляться, доходы с сельскохозяйственных земель будут

⁶²⁵ Frankopan, *First Crusade*, pp. 133–135, 167–171; J. Pryor, ‘The Oath of the Leaders of the Crusade to the Emperor Alexius Comnenus: Fealty, Homage’, *Parergon*, New Series 2 (1984), pp. 111–141.

⁶²⁶ Raymond of Aguilers, *Le ‘Liber’*, 10, pp. 74–75.

⁶²⁷ Frankopan, *First Crusade*, esp. p. 186ff.

снижаться, так как объем экспорта неизбежно упадет. «Если вы решили вести священную войну с мусульманами, – добавил он, – так и поступите. Но оставьте в покое Сицилию»⁶²⁸.

Для выражения такого беспокойства были все основания. Рынки Средиземноморья переживали не лучшие времена еще за несколько десятилетий до Крестового похода. Покупательная способность Константинополя резко упала в связи с большим финансовым кризисом. Только за 1094 год цена на индиго, продающееся в Александрии, упала больше чем на 30 %, и разумно было бы предположить, что примерно то же самое происходило с ценами на перец, корицу и имбирь, даже если источники не говорят об этом прямо⁶²⁹. Прибыльная торговля между Северной Африкой и Европой через Палестину (в 1085 году бразильскую древесину продавали с 150 %-ной прибылью) теперь, кажется, тоже испытывала трудности⁶³⁰. Внезапные скачки спроса всегда приводят к резким колебаниям цен, например, за норманнскими завоеваниями в Сицилии последовал резкий рост цены на пшеницу, а в середине XI века цены на лен сократились примерно вдвое из-за избытка предложения⁶³¹.

Такие колебания в ценах и благосостоянии меркнут перед теми переменами, которые произошли в Средиземноморье в результате Крестового похода. В X и XI веках, как писал североафриканский историк ибн Халдун, мусульманский флот имел такую власть над морями, что христиане не могли плавать там даже на плоту⁶³². Однако, несмотря на то что мусульмане долго господствовали на Средиземном море, они вот-вот должны были потерять контроль над водами из-за новых соперников: города-государства Италии стали последним дополнением к великим торговым сетям Востока.

На самом деле Амальфи, Генуя, Пиза и Венеция начали шевелиться еще до 1090-х годов. В случае с Венецией торговля рабами и другими товарами привела к тому, что она обрела прочные связи с городами на побережье Далмации, такими как Зара, Трогир, Сплит и Дубровник, которые служили «ступенями» к Адриатике и находящимся за ней землям. В этих городах развивались местные рынки, здесь путешественники могли получить безопасный ночлег и передохнуть в пути. Тот факт, что у итальянских общин были постоянные поселения торговцев в Константинополе, а также в остальных городах Византии, показывает их интерес к торговле с Восточным Средиземноморьем⁶³³. Это подстегнуло экономику самой Италии: в конце XI века в Пизе были сконцентрированы такие богатства, что епископ и горожане наложили ограничения на высоту башен, которые строили аристократы, желающие похвалиться своими доходами⁶³⁴.

Итальянские города-государства быстро поняли, что завоевание Иерусалима откроет потрясающие коммерческие возможности. Еще до того как крестоносцы добрались до Священного города, Генуя, Пиза и Венеция отправили свои корабли в Сирию и Палестину. Решение об отправке судов было принято в результате прямого запроса от папства на участие в мероприятии и продиктовано желанием защитить христиан от ужасных злодеяний, о которых рассказывали очевидцы и эмиссары из Византии⁶³⁵. Однако, хотя духовные побуждения были очень важны, скоро стало ясно, что помимо этого можно получить существенную материальную выгоду. После захвата Иерусалима крестоносцы оказались в шатком положе-

⁶²⁸ Ibn al-Athīr, *al-Kāmil fī l-taʾrīkh*, tr. D. Richards, *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kāmil fī l-taʾrīkh* (Aldershot, 2006), p. 13.

⁶²⁹ Jacoby, 'Byzantine Trade with Egypt', pp. 44–45.

⁶³⁰ S. Goitein, *A Mediterranean Society*, 1, p. 45.

⁶³¹ A. Greif, 'Reputation and Coalitions in Medieval Trade: Evidence on the Maghribi Traders', *Journal of Economic History* 49.4 (1989), p. 861.

⁶³² Ibn Khaldūn, *Dīwān al-mubtadaʾ*, tr. V. Monteil, *Discours sur l'histoire universelle (al-Muqaddima)*, (Paris, 1978), p. 522.

⁶³³ Frankopan, *First Crusade*, pp. 29–30.

⁶³⁴ E. Occhipinti, *Italia dei comuni. Secoli XI–XIII* (2000), pp. 20–21.

⁶³⁵ J. Riley-Smith, *The First Crusaders, 1095–1131* (Cambridge, 1997), p. 17.

нии. Они отчаянно нуждались в поставках продовольствия и восстановлении связей с Европой. Флоты городов-государств позволили им занять выгодное положение при переговорах с новыми хозяевами Святой земли. Их позиция была впоследствии усилена тем, что крестоносцам требовалось обеспечить безопасность побережья и портов Хайфы, Яффы, Акры и Триполи, где морская поддержка была особенно важна при осаде.

Условия были просто потрясающими – в обмен на защиту города-государства получали огромную выгоду. Так, например, в награду за участие в осаде Акры в 1100 году вновь прибывшим венецианцам было обещано, что в каждом городе, захваченном крестоносцами, появится церковь и рыночная площадь. Также они получали треть всей добычи, захваченной у врагов, и иммунитет от налогов. Это был прекрасный пример того, что один ученый называл классическим венецианским сочетанием «благочестия и жадности»⁶³⁶.

Когда в 1101 году была осаждена Кесария, генуэзцы оказались в идеальном положении и получили огромную добычу и благоприятные условия для торговли. Их позиция позже была вознаграждена королем Иерусалима Балдуином I.

Они получили впечатляющие налоговые льготы, наряду с другими юридическими и коммерческими правами, такими как, например, освобождение от королевской юрисдикции в делах, связанных с высшей мерой наказания. Также им даровали треть города Кесария, треть Арсуфа и треть Акры, вместе со щедрыми налоговыми отчислениями Акры. Король также обязался выплачивать Генуе ежегодный гонорар и треть добычи, которая будет получена в будущих завоеваниях, при условии военной поддержки с ее стороны⁶³⁷. Подобные соглашения показывали слабость положения крестоносцев на Востоке; но для городов-государств они оказались судьбоносными – из региональных городов они превратились в международную силу⁶³⁸.

Неудивительно, что такие головокружительные награды привели к возникновению конкуренции между Пизой, Генуей и Венецией. Амальфи не успел отправить корабли на Восток, поэтому этот город не был способен конкурировать с остальными и его исключили из большой игры. Это подстегнуло остальных соперников отправиться на новые рынки, получить концессии и хорошие торговые условия. Уже в 1099 году пизанцы столкнулись с венецианцами, причем последние потопили 28 из 50 кораблей флота Родоса. Заложники и захваченные суда затем были освобождены, чтобы показать великодушные победителей. Согласно более поздним источникам, венецианцы не только зашивали кресты в свои одежды (так было велено крестоносцам папой), он был отпечатан в их душах⁶³⁹.

Предысторией этой потасовки стало то, что в 1092 году Венеции были дарованы обширные торговые уступки по всей Византийской империи, как часть большого плана Алексея II по стимуляции экономики. Венецианцы поставили понтоны в Константинопольской гавани и были освобождены от налогов на экспорт и импорт⁶⁴⁰. Основной мотивацией венецианцев 7 лет спустя стало удержание пизанцев как можно дальше от этого рынка и,

⁶³⁶ The Monk of the Lido, *Monachi Anonymi Littorensis Historia de Translatio Sanctorum Magni Nicolai*, in *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Occidentaux* 5, pp. 272–275; J. Prawer, *The Crusaders' Kingdom: European Colonialism in the Middle Ages* (London, 2001), p. 489.

⁶³⁷ *Codice diplomatico della repubblica di Genova*, 3 vols (Rome, 1859–1940), 1, p. 20.

⁶³⁸ B. Kedar, 'Genoa's Golden Inscription in the Church of the Holy Sepulchre: A Case for the Defence', in G. Airaldi and B. Kedar (eds), *I comuni italiani nel regno crociato di Gerusalemme* (Genoa, 1986), pp. 317–335. Также см. M. – L. Favreau-Lilie, который утверждает, что этот документ был изменен позже, *Die Italiener im Heiligen Land vom ersten Kreuzzug bis zum Tode Heinrichs von Champagne (1098–1197)* (Amsterdam, 1989), p. 328.

⁶³⁹ Dandolo, *Chronica per extensum descripta, Rerum Italicarum Scriptores*, 25 vols (Bologna, 1938–1958), 12, p. 221. Также см. здесь: Monk of the Lido, *Monachi Anonymi*, pp. 258–259.

⁶⁴⁰ M. Pozza and G. Ravagnani, *I Trattati con Bisanzio 992–1198* (Venice, 1993), pp. 38–45. О датах концессий, которые ранее были датированы 1080-ми годами. см. P. Frankopan, 'Byzantine Trade Privileges to Venice in the Eleventh Century: The Chrysobull of 1092', *Journal of Medieval History* 30 (2004), pp. 135–160.

как следствие, сохранение привлекательных условий, о которых они договорились с императором. В рамках договора с Венецией пизанцы были вынуждены согласиться с тем, что они никогда не вступят в Византию «ради торговли, и не будут бороться с христианами ни в коем случае, кроме как по причине преданности Гробу Господню». По крайней мере, так доложили о произошедшем венецианцы⁶⁴¹.

Обеспечить выполнение данных договоров было проще на словах, чем на деле. В начале XII века византийский император даровал Пизе привилегии, которые не сильно уступали тем, что были дарованы Венеции, а может быть, являлись такими же щедрыми.

Несмотря на то что они получили набережную и места на якорной стоянке в столице империи, торговцам Пизы было даровано лишь снижение таможенных пошлин, а не полное от них освобождение⁶⁴². Это была попытка разбавить монополию, которая могла дать венецианцам чрезмерное преимущество перед соперниками⁶⁴³.

Борьба между городами-государствами Италии за торговое господство в Восточном Средиземноморье была яростной и безжалостной. Вскоре Венеция одержала безоговорочную победу, в основном благодаря географическому положению – город находился в Адриатике, путь до него был гораздо короче, чем до Пизы и Генуи. Также помогло и то, что якорные стоянки на этом маршруте были лучше, что делало его более безопасным, по крайней мере, по сравнению с коварным Пелопоннесом. Важным фактором стало то, что экономика Венеции была сильнее и более развита, так же как и то, что у города не было местных соперников, которые могли бы его потопить, в отличие от Пизы и Генуи, чья вражда не дала им торговать в Леванте, так как они конкурировали за господство над береговой линией, особенно на территории Корсики⁶⁴⁴.

Когда большая армия рыцарей ввязалась в битву, которую сейчас называют битвой на Кровавом поле, в 1119 году, это было только на руку Венеции. Поражение нанесло серьезный удар по жизнеспособности Антиохии как самостоятельного государства крестоносцев⁶⁴⁵. Так как Пиза и Генуя погрязли в своих собственных распрях, отчаянные призывы из Антиохии были направлены в сторону дожа Венеции. Антиохия молила о помощи во имя Христа. Была собрана могущественная сила. Как заметил один щедрый современник, венецианцы хотели «с помощью божьей воли расширить Иерусалим с прилегающими регионами для выгоды и во славу всего христианства»⁶⁴⁶. Нужно отметить, что призывы о помощи короля Балдуина II сопровождались обещаниями новых дополнительных привилегий⁶⁴⁷.

Венецианцы воспользовались этим, чтобы преподать византийцам урок. Новый император Иоанн II, который наследовал трон после своего отца Алексея II в 1118 году, решил, что внутренняя экономика страны полностью восстановилась, и отказался обновить концессии венецианцев, полученные более чем за 20 лет до этого. В результате, отправившись на восток к Антиохии, венецианский флот осадил Корфу и пригрозил продолжить, если импе-

⁶⁴¹ Monk of the Lido, *Monachi Anonymi*, pp. 258–259; Dandolo, *Chronica*, p. 221. Также см. D. Queller and I. Katele, 'Venice and the Conquest of the Latin Kingdom of Jerusalem', *Studi Veneziani* 21 (1986), p. 21.

⁶⁴² F. Miklosich and J. Müller, *Acta et Diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, 6 vols (Venice, 1860–1890), 3, pp. 9–13.

⁶⁴³ R.-J. Lilie, *Byzantium and the Crusader States, 1096–1204*, tr. J. Morris and J. Ridings (Oxford, 1993), pp. 87–94; 'Noch einmal zu den Thema "Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten"', *Poikila Byzantina* 4 (1984), pp. 121–174. Treaty of Devol, *Alexiad*, XII.24, pp. 385–396.

⁶⁴⁴ S. Epstein, *Genoa and the Genoese: 958–1528* (Chapel Hill, NC, 1996), pp. 40–41; D. Abulafia, 'Southern Italy, Sicily and Sardinia in the Medieval Mediterranean Economy', in D. Abulafia, *Commerce and Conquest in the Mediterranean* (Aldershot, 1993), 1, pp. 24–27.

⁶⁴⁵ T. Asbridge, 'The Significance and Causes of the Battle of the Field of Blood', *Journal of Medieval History* 23.4 (1997), pp. 301–316.

⁶⁴⁶ Fulcher of Chartres, *Gesta Francorum*, p. 238.

⁶⁴⁷ G. Tafel and G. Thomas, *Urkunden zur älteren handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, 3 vols (Vienna, 1857), 1, p. 78; Queller and Katele, 'Venice and the Conquest', pp. 29–30.

ратор не продлит соглашение. В конце концов, император сдался и возобновил привилегии, дарованные его отцом⁶⁴⁸.

Когда корабли дожа наконец достигли Святой земли, они имели такой же успех. Тщательно оценив ситуацию, венецианцы дали займ западным лидерам в Иерусалиме, чтобы они смогли собрать свои собственные войска и атаковать порты, которые были заняты мусульманами. Взамен они получили огромную награду. Венеция получила церковь, улицу и площадь приличных размеров в каждом городе государства. Также ей причиталась ежегодная плата, обеспеченная будущими налоговыми поступлениями в Тире, ведущем торговом центре региона. Когда в 1124 году после осады город пал, положение Венеции снова изменилось. Венецианцы получили расширенную концессию на всей территории Иерусалимского королевства. Этот итальянский город проделал огромный путь от города, имеющего лишь одну точку опоры, до великой силы. Многие поняли, что это может поставить под угрозу авторитет короны, и постарались смягчить некоторые моменты⁶⁴⁹.

Это было якобы время неистовой веры и религиозной одержимости, время самопожертвования во имя христианства. Но религия сосуществует с политикой и финансовыми вопросами, и церковные иерархи отлично это понимали. Когда византийский император Иоанн II попытался заявить о своих правах на Антиохию, папа издал обращение ко всем верующим, в котором говорилось, что любой, кто будет помогать византийцам, будет проклят навечно⁶⁵⁰. Данное обращение было направлено на то, чтобы удовлетворить союзников Рима, но не имело ни малейшего отношения к теологии и религиозной доктрине.

Однако лучшим примером смещения духовного и материального можно назвать следующий. В 1144 году Эдесса была взята мусульманами, и это стало очередным поворотом для крестоносцев. По всей Европе слышались призывы принять участие в том, что позже назовут Вторым крестовым походом. Во главе похода встал Бернанд Клервоский, харизматичный и энергичный деятель, который был достаточным реалистом, чтобы понимать, что прощение грехов и возможность спасения через страдания не убедят отправиться на Восток никого. «Для вас, торговцы, людей, которые повсюду ищут сделки, – писал он в письме, которое было распространено повсюду, – позвольте же мне указать преимущества этой возможности. Не пропустите их!»⁶⁵¹

К середине XII века итальянские города-государства Италии с большой выгодой пользовались завидным положением, которое они создали для себя на Востоке. Венеция имела право преимущественного доступа в Константинополь, равно как и в другие крупные города на побережье Византийской империи и Палестины, и ее торговые пути теперь простирались через Восточное Средиземноморье не только до Леванта, но и до самого Египта.

Некоторые относились к данной ситуации ревностно, как, например, Каффаро, один из самых известных историков Средневековья. Генуя «спала и страдала от безразличия», – писал он печально о 1150-х годах; это было «подобно кораблю, идущему по морю без штурмана»⁶⁵².

Здесь, конечно, содержится немалая доля преувеличения из-за неодобрительного отношения автора к могущественным семьям, которые управляли Генуей. На самом деле Генуя

⁶⁴⁸ Tafel and Thomas, *Urkunden*, 1, pp. 95–98; Lilie, *Byzantium and the Crusader States*, pp. 96–100; T. Devaney, “‘Like an Ember Buried in Ashes’: The Byzantine – Venetian Conflict of 1119–1126”, in T. Madden, J. Naus and V. Ryan (eds), *Crusades – Medieval Worlds in Conflict* (Farnham, 2010), pp. 127–147.

⁶⁴⁹ Tafel and Thomas, *Urkunden*, 1, pp. 84–89, а также здесь J. Prawer, ‘The Italians in the Latin Kingdom’ in Tafel and Thomas, *Crusader Institutions* (Oxford, 1980), p. 224; M. Barber, *The Crusader States* (London, 2012), pp. 139–142; J. Riley-Smith, ‘The Venetian Crusade of 1122–1124’, in Airaldi and Kedar, *I Comuni Italiani*, pp. 339–350.

⁶⁵⁰ G. Bresc-Bautier, *Le Cartulaire du chapitre du Saint-Sépulcre de Jérusalem* (Paris, 1984), pp. 51–52.

⁶⁵¹ Bernard of Clairvaux, *The Letters of St Bernard of Clairvaux*, ed. and tr. B. James and B. Kienzle (Stroud, 1998), p. 391.

⁶⁵² *Annali Genovesi de Caffaro e dei suoi Continuatori, 1099–1240*, 5 vols (Genoa, 1890–1929) 1, p. 48.

тоже переживала период процветания. Убедившись, что привилегии города во владениях крестоносцев возобновлены, Генуя выстроила отношения с Западным Средиземноморьем. В 1161 году был заключен договор с халифом Марокко из династии Альмохадов, который предоставил доступ к рынкам и защиту от нападений. К 1180-м годам на торговлю с Северной Африкой приходилось больше трети всей генуэзской торговой деятельности, к тому же у Генуи была обширная сеть складов и постоянных дворов, которые располагались по всему побережью, для поддержания торговли и обеспечения хорошего ведения дел⁶⁵³.

Генуя, Пиза и Венеция стимулировали рост городов, находящихся вокруг них, оказывая на них влияние, точно так же, как Киев на Руси. Такие города, как Неаполь, Перуджа, Падуя и Верона, быстро расширялись. Новые пригородные районы присоединялись с такой скоростью, что стены приходилось располагать все дальше и дальше от центра. Хотя оценить точное количество населения сложно ввиду отсутствия эмпирических данных, нет никаких сомнений в том, что в XII веке в Италии наблюдался всплеск урбанизации, выросли рынки, сформировался средний класс и увеличились доходы⁶⁵⁴.

Ирония заключалась в том, что основой для роста в век Крестовых походов были хорошие отношения между мусульманами и христианами как на Святой земле, так и в других землях. Несмотря на периодические столкновения, после завоевания Иерусалима в 1099 году резкое обострение конфликта произошло только в 1170-х годах. В целом крестоносцы научились иметь дело с большей частью мусульманского населения, которое встречалось на их пути, и теми, кто проживал дальше. Король Иерусалима регулярно удерживал своих лордов, предотвращая необдуманные поступки, набеги на караваны или соседние города, что могло вызвать неприятие местных лидеров или реакцию Багдада или Каира.

Некоторым вновь прибывшим на Святую землю было достаточно сложно это понять, и в результате они становились постоянным источником проблем, как отмечают местные наблюдатели. Новички не могли осознать, что торговля с неверными может осуществляться на каждодневной основе.

Постепенно они понимали, что все вокруг не такое черно-белое, как принято считать в Европе. Со временем предрассудки исчезли: люди, приехавшие с Запада, которые провели на Востоке какое-то время, казались «гораздо лучше, чем те, кто прибыл лишь недавно», писал арабский автор, который был потрясен грубостью и неотесанностью вновь прибывших, а также их отношением к тем, кто не исповедовал христианство⁶⁵⁵.

Аналогичные мысли ходили и среди мусульман. Одна из фетв (заявлений), выпущенная в 1140-х годах, призывала мусульман не ездить на Запад и не вести торговлю с христианами: «Если мы станем ездить в их страны, цена товаров повысится, и они заработают на нас огромные суммы денег, которые затем используют для борьбы с мусульманами и набеги на их земли»⁶⁵⁶. В общем и целом, несмотря на огненную риторику с обеих сторон, отношения были на удивление спокойными и обдуманными. Западная Европа испытывала любопытство в отношении ислама. Даже во времена Первого крестового похода понадобилось совсем немного времени, чтобы сформировать позитивное отношение к туркам-мусульманам. «Если бы турки твердо стояли в вере Христовой и христианстве, — с тоской писал автор

⁶⁵³ D. Abulafia, *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean* (London, 2011), p. 298. Также см. D. Abulafia, 'Christian Merchants in the Almohad Cities', *Journal of Medieval Iberian Studies* 2 (2010), pp. 251–257; O. Constable, *Housing the Stranger in the Mediterranean World: Lodging, Trade and Travel in Late Antiquity and the Middle Ages* (Cambridge, 2003), p. 278.

⁶⁵⁴ P. Jones, *The Italian City State: From Commune to Signoria* (Oxford, 1997), а также M. Ginatempo and L. Sandri, *L'Italia delle città: il popolamento urbano tra Medioevo e Rinascimento (secoli XIII–XVI)* (Florence, 1990).

⁶⁵⁵ Usāma b. Munqidh, *Kitāb al-iṭibār*, tr. P. Cobb, *The Book of Contemplation: Islam and the Crusades* (London, 2008), p. 153.

⁶⁵⁶ V. Lagardère, *Histoire et société en Occident musulman: analyse du Mi'yar d'al-Wansharisi* (Madrid, 1995), p. 128; D. Valérien, 'Ifriqiyan Muslim Merchants in the Mediterranean at the End of the Middle Ages', *Mediterranean Historical Review* 14.2 (2008), p. 50.

самых популярных рассказов о походах в Иерусалим (возможно, он намекал на прошлое сельджуков, до того как они приняли ислам), – вы не смогли бы найти более сильных, храбрых и искусных солдат»⁶⁵⁷.

Это было незадолго до того, как научные и интеллектуальные достижения мусульман начали разыскивать и поглощать ученые Запада, такие как, например, Аделард Батский⁶⁵⁸. Именно Аделард обыскал библиотеки Антиохии и Дамаска и привез копии алгоритмических таблиц, которые сформировали основы математики в христианском мире. Путешествие по этому региону позволило по-новому взглянуть на мир. Когда он вернулся домой, «обнаружил, что князья ведут себя по-варварски, епископы пьянствуют, судьи продажны, мещанаты ненадежны, клиенты и покупатели излишне льстят, те, кто дает обещания, не сдерживают их, друзья завидуют, но у всех огромные амбиции»⁶⁵⁹. Эти взгляды были обусловлены оптимистичной точкой зрения относительно того, что восточный мир гораздо более сложный, чем культурно ограниченный мир христианского Запада. Точку зрения Аделарда разделяли и другие – Дэниэл Морли, который переехал из Англии, чтобы учиться в Париже, в конце XII века. Он писал, что предполагаемые строгие интеллектуалы в этом городе просто обманщики, которые сидят «как статуи, притворяясь, что излучают мудрость, и хранят молчание». Поняв, что у этих людей учиться нечему, Даниил так быстро как мог перебрался в мусульманский Толедо, чтобы учиться у мудрейших философов мира⁶⁶⁰.

Идеи с Востока перенимались охотно, но несколько бессистемно. Петр Достопочтенный, аббат из Ключи, который был передовиком теологической и интеллектуальной мысли средневековой Франции, организовал перевод Корана, чтобы он сам и другие ученые могли лучше его понять и, по общему признанию, использовать для укрепления уже существующих представлений об исламе, как чем-то извращенном, позорном и опасном⁶⁶¹. Европейцы обращались за вдохновением не только к творениям мусульман. Тексты, написанные в Константинополе, тоже переводили на латынь. Так, например, комментарии к «Никомаховой этике» Аристотеля были переведены по заказу Анны Комниной, дочери Алексея I. Позже труды Фомы Аквинского составили основу христианской философии⁶⁶².

Таким образом, в основе экономического и социального расцвета Европы в XII веке лежала не только торговля с мусульманами. Судя по сохранившимся документам того периода, Константинополь и Византийская империя были главными партнерами по торговле с христианским Средиземноморьем, на них приходилась половина торгового оборота Венеции⁶⁶³. Стекло, изделия из металла, масло, вино и соль из Византии экспортировали на рынки Италии, Германии и Франции, но были и товары, которые доставляли издалека, которые искали и за которые можно было выручить хорошие деньги.

Согласно инвентарным и торговым спискам западноевропейских церквей, спрос на шелк, хлопок, лен и ткани, произведенные в Восточном Средиземноморье, в центре Азии и Китае, был просто огромным⁶⁶⁴. Города Леванта капитализировались на развивающихся

⁶⁵⁷ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum*, ed. and tr. R. Hill (London, 1962), 3, p. 21.

⁶⁵⁸ См. C. Burnett (ed.), *Adelard of Bath: An English Scientist and Arabist of the Early Twelfth Century* (London, 1987); L. Cochrane, *Adelard of Bath: The First English Scientist* (London, 1994).

⁶⁵⁹ Adelard of Bath, *Adelard of Bath, Conversations with his Nephew: On the Same and the Different, Questions on Natural Science and on Birds*, ed. and tr. C. Burnett (Cambridge, 1998), p. 83.

⁶⁶⁰ A. Pym, *Negotiating the Frontier: Translators and Intercultures in Hispanic History* (Manchester, 2000), p. 41.

⁶⁶¹ T. Burman, *Reading the Qurʾān in Latin Christendom, 1140–1560* (Philadelphia, 2007).

⁶⁶² P. Frankopan, 'The Literary, Cultural and Political Context for the Twelfth-Century Commentary on the *Nicomachean Ethics*', in C. Barber (ed.), *Medieval Greek Commentaries on the Nicomachean Ethics* (Leiden, 2009), pp. 45–62.

⁶⁶³ Abulafia, *Great Sea*, p. 298.

⁶⁶⁴ A. Shalem, *Islam Christianised: Islamic Portable Objects in the Medieval Church Treasuries of the Latin West* (Frankfurt-am-Main, 1998).

рынках, позиционируя Антиохию как торговый центр, откуда товары можно было отправлять на Запад, а также как производственный центр. Текстиль под названием «ткани Антиохии» так хорошо продавался и стал таким желанным, что король Генрих III Английский (годы правления 1216–1272) повелел устроить «Антиохийскую комнату» в каждой своей резиденции – в Лондонском Тауэре, Кларендонском и Уинчестерском замках и Вестминстере⁶⁶⁵.

Объемы поставок специй в Европу также увеличились. Они доставлялись в три основных узла – Константинополь, Иерусалим и Александрию, а затем отправлялись в города и общины Италии, на рынки Германии, Франции, Фландрии и Британии, где на продаже экзотических ингредиентов можно было сделать хорошие деньги.

В некотором смысле желание покупать дорогие предметы роскоши с Востока было примерно таким же, как желание кочевников приобретать рулоны китайского шелка: в мире Средневековья, как и сейчас, богатые люди хотели выделиться, хвастаясь своим статусом. Хотя торговля дорогими предметами охватывала лишь небольшую часть населения, она была важна, так как обеспечивала дифференциацию, а следовательно, социальную мобильность и рост устремлений населения.

Иерусалим выполнял тотемную роль центра христианского мира, при этом являясь самостоятельным торговым центром, хотя Акра и превосходила его в плане торговли. Список налогов, собранных в королевстве в конце XII века, в деталях показывает, что можно было купить в то время, а также демонстрирует, насколько большое внимание уделялось сложной канцелярии, которая не позволяла пропасть ценным доходам. Следовало фиксировать расходы, связанные с продажей перца, корицы, квасцов, лака, мускатного ореха, льна, гвоздики, алого дерева, сахара, соленой рыбы, ладана, кардамона, аммиака, слоновой кости и многого другого⁶⁶⁶. Многие продукты были произведены не на Святой земле, их привозили по торговым путям, которые контролировали мусульмане, включая путь через порты Египта, через которые, согласно арабскому трактату о налогах того периода, провозили огромное количество специй, тканей и предметов роскоши⁶⁶⁷.

Как ни странно, Крестовые походы не только послужили стимулом к развитию экономики и общества в Западной Европе, они также подстегнули мусульман, которые заметили, что новые рынки могут приносить большую прибыль. Одним из самых хитрых торговцев был Рамишт из Серафа в Персидском заливе, который сколотил состояние в самом начале XII века. Сообразив, что можно извлечь выгоду из растущего спроса, он выступил посредником, торгуя товарами из Китая и Индии. Только один из его помощников в год отгружал товаров на полмиллиона динаров. О его богатстве ходили легенды, так же как и о его щедрости. Он оплатил золотую водопроводную трубу в Каабе в Мекке, которая заменила старую, серебряную, и лично основал новую фабрику китайских тканей, «ценность которых сложно оценить». Согласно одному из источников того периода, именно этой тканью покрыли Каабу после того, как повредилась первая. За свои добрые поступки он заслужил редкую милость быть похороненным в Мекке. Надпись на его надгробии гласит: «Здесь лежит судовладелец Абул-Касим Рамишт. Пусть Аллах помилует его и тех, кто просит о милости для него»⁶⁶⁸.

⁶⁶⁵ Vorderstrasse, 'Trade and Textiles from Medieval Antioch', pp. 168–171; M. Meuwese, 'Antioch and the Crusaders in Western Art', in *East and West in the Medieval Mediterranean* (Leuven, 2006), pp. 337–355.

⁶⁶⁶ R. Falkner, 'Taxes of the Kingdom of Jerusalem', in *Statistical Documents of the Middle Ages: Translations and Reprints from the Original Sources of European History* 3:2 (Philadelphia, 1907), pp. 19–23.

⁶⁶⁷ C. Cahen, *Makhzumiyat: études sur l'histoire économique et financière de l'Égypte médiévale* (Leiden, 1977); Abulafia, 'Africa, Asia and the Trade of Medieval Europe', pp. 402–473.

⁶⁶⁸ S. Stern, 'Ramisht of Siraf: A Merchant Millionaire of the Twelfth Century', *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 1.2 (1967), pp. 10–14.

Богатства, поставленные на карту, неизбежно привели к усилению соперничества и новой главе в средневековой большой игре – борьбе за первенство в восточной части Средиземноморья. К 1160-м годам соперничество между итальянскими городами-государствами стала настолько острой, что на улицах Константинополя дрались венецианцы, генуэзцы и пизанцы. Несмотря на попытки императора Византии вмешаться, вспышки жестокости стали регулярным явлением. Это было, вероятно, результатом роста коммерческой конкуренции и, как следствие, падения цен: торговые позиции защищались при необходимости силой.

Эгоизм городов-государств порождал вражду со стороны жителей столицы, в основном из-за ущерба, наносимого городской собственности, и из-за того, что демонстрация «западных мышц» была заметна повсюду. В 1171 году император Византии ответил на растущее разочарование, заключив в тюрьму до тысячи венецианцев, полностью игнорируя их требования о возмещении, не говоря уже об извинениях за свои действия без предварительного объявления. Когда дож Витале Микель, отправившийся в Константинополь, не смог лично решить вопрос, ситуация в Венеции стала нездоровой. Толпы людей собрались, чтобы услышать хорошие новости, и их разочарование превратилось в злость, которая, в свою очередь, вылилась в насилие. Пытаясь скрыться от собственного народа, дож направился к монастырю Сан-Захария, но не успел до него добраться, его поймала и линчевала толпа⁶⁶⁹.

Византия уже не являлась союзником и покровителем Венеции, они стали полноценными соперниками и конкурентами. В 1182 году жители Константинополя напали на жителей итальянских городов-государств, которые проживали в столице империи. Многие из них, включая представителей латинской церкви, были убиты, их головы были привязаны к собакам, которые протащили их по всем улицам города⁶⁷⁰. Это были лишь первые проявления враждебности между христианами из двух частей Европы. В 1185 году Салоники, один из городов Византийской империи, был разграблен войсками из южной Италии. Запад запустил гарпун в сторону Восточного Средиземноморья еще во время первого крестового похода, теперь он отправился за своей жертвой.

Для некоторых, впрочем, напряженная атмосфера открыла новые возможности. В это же время в Египте зажглась новая звезда блестящего генерала Салаха ад-Дина аль-Айуби. Этот человек, более известный как Саладин, обладающий хорошими связями, проницательным умом и немалым очарованием, быстро понял, что из конфликта в Константинополе можно извлечь выгоду.

Он постарался снискать доверие византийцев. Для этого он пригласил патриарха греческой церкви Иерусалима в Дамаск и обращался с ним со всем великодушием, чтобы продемонстрировать, что не христиане с Запада, а именно он может стать союзником империи⁶⁷¹.

В конце 1180-х годов император Византии Исаак II уже был настроен положительно и написал «брату султану Египта, Саладину», чтобы поделиться последними разведанными, предупредить о слухах, которые его враги распускают без всяких на то оснований, и обсудить вопрос о применении военных сил против Запада⁶⁷². Антизападнические настроения бродили в Константинополе десятилетиями. Один из писателей середины XII века утверждал, что люди из Западной Европы ненадежные, хищные и готовы продать членов собственной семьи ради денег. Хотя многие так называемые паломники утверждали, что они

⁶⁶⁹ T. Madden, 'Venice and Constantinople in 1171 and 1172: Enrico Dandolo's Attitudes towards Byzantium', *Mediterranean Historical Review* 8.2 (1993), pp. 166–185.

⁶⁷⁰ D. Nicol, *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations* (Cambridge, 1988), p. 107.

⁶⁷¹ P. Magdalino, 'Isaac II, Saladin and Venice', in J. Shepard (ed.), *The Expansion of Orthodox Europe: Byzantium, the Balkans and Russia* (Aldershot, 2007), pp. 93–106.

⁶⁷² Ibn Shaddād, *Life of Saladin by Baha ad-Din* (London, 1897), pp. 121–122; G. Anderson, 'Islamic Spaces and Diplomacy in Constantinople (Tenth to Thirteenth Centuries c.e.)', *Medieval Encounters* 15 (2009), pp. 104–105.

благочестивы, писала дочь одного из императоров, ими движет только жадность. Они постоянно планировали захватить столицу империи, разрушить репутацию империи и навредить братьям-христианам⁶⁷³. Эти слова распространились и прочно закрепились в умах византийцев второй половины XII века, но прежде всего после 1204 года.

Эта точка зрения нашла отклик на самой Святой земле, где рыцари были настолько жестоки и безответственны, словно им надоело жить. В конце XII века ведущие фигуры снова и снова принимали необдуманные решения, предпочитали драться друг с другом вместо того, чтобы подготовиться к неминуемому приближению приливной волны. Все это сильно озадачило одного испанского путешественника-мусульманина того времени. Ибн Джубайр отмечал, насколько удивительно видеть, что «пламя раздора горит» между христианами и мусульманами, когда дело касается политики и войн, но когда речь заходит о торговле и путешествиях, они «приходят и уходят без помех»⁶⁷⁴.

Купцы могли быть уверены в своей безопасности, независимо от их вероисповедания и от того, мирное время или военное. Это, как писал один автор, было результатом хороших рабочих отношений. Взаимные налоговые соглашения и суровые наказания за их несоблюдение обеспечили сотрудничество. Латинские торговцы, которые не уважали соглашения и пересекали согласованные границы, даже всего-навсего на «расстояние руки», были вырезаны братьями-христианами, которые не хотели расстраивать мусульман и портить долговременные коммерческие связи. Ибн Джубайр был смущен и впечатлен одновременно: «Это один из самых приятных и удивительных обычаев (Запада)»⁶⁷⁵.

По мере того как иерусалимский двор замыкался на себе, внутренняя борьба между соперничающими группировками стала эндемичной, создавая идеальные условия для возникновения уверенных в себе, амбициозных фигур, которые обещали головокружительный успех и причинили ужасный вред христианско-мусульманским отношениям. Главным среди них стал Рено де Шатильон, который своими безрассудными действиями практически в одиночку разрушил Иерусалимское королевство.

Ветеран битвы на Святой земле, Рено понимал, что давление нарастало, а позиции Саладина в Египте усиливались, особенно после того, как он подчинил большие части Сирии, которые окружали христианское королевство. Попытки Рено смягчить угрозу были безуспешны. Его поспешное решение атаковать порт Акаба на Красном море вызвало почти истерическую реакцию арабских комментаторов, которые начали кричать, что Медина и Мекка в опасности, а апокалипсис и конец времен рядом!⁶⁷⁶

Такие шаги были не только враждебными, они позволили бы повысить престиж и популярность Саладина, если бы он нанес государству крестоносцев сокрушительный удар. Из всех христиан Востока, писал мусульманский автор того времени, Рено «самый вероломный и коварный... больше всего хочет причинять вред и совершать зло, нарушать твердые обещания и серьезные клятвы, нарушать свое слово». Саладин поклялся, «что заберет его жизнь»⁶⁷⁷.

И совсем скоро ему представился такой шанс. В июле 1187 года рыцари государства крестоносцев и войска Саладина встретились в битве при Хаттине. Саладин обхитрил и наголову разбил крестоносцев в ужасающей битве, в которой практически все христиане были или убиты, или захвачены в плен. Члены военных орденов, попавшие в плен, в част-

⁶⁷³ Anna Komnene, *Alexiad*, X.5, p. 277.

⁶⁷⁴ Ibn Jubayr, *Riḥlat Ibn Jubayr*, tr. R. Broadhurst, *The Travels of Ibn Jubayr* (London, 1952), p. 315.

⁶⁷⁵ Там же, а также C. Chism, 'Memory, Wonder and Desire in the Travels of Ibn Jubayr and Ibn Battuta', in N. Paul and S. Yeager (eds), *Remembering the Crusades: Myth, Image and Identity* (Cambridge, 2012), pp. 35–36.

⁶⁷⁶ Ibn al-Athīr, *Chronicle*, pp. 289–290; Barber, *Crusader States*, p. 284.

⁶⁷⁷ Barber, *Crusader States*, pp. 296–297; Imād al-Dīn, *al-Fatḥ al-qussī fī l-fatḥ al-qudsī*, tr. H. Massé, *Conquête de la Syrie et de la Palestine par Saladin* (Paris, 1972), pp. 27–28.

ности госпитальеры и тамплиеры, которые не желали сотрудничать с нехристианами, были казнены. Саладин лично отыскал Рено де Шатильона и обезглавил его. Был ли Рено главным виновников гибели крестоносцев – вопрос открытый, но из него получился удобный козел отпущения для поверженных латинян и победивших мусульман. Какой бы ни была правда, всего через два месяца Иерусалим мирно сдался мусульманам, после того как была достигнута договоренность о безопасности жителей города, его ворота распахнулись⁶⁷⁸.

Падение города было унижительным ударом для всего христианского мира и большим шагом назад во взаимоотношения Европы с восточными странами. При папском дворе новости восприняли плохо. Папа Урбан III, по всей видимости, упал замертво, услышав о поражении при Хаттине.

Его преемник, Григорий VIII, стремился разобраться в духовной составляющей. Священная земля пала, объявил он верующим, не только из-за «грехов ее жителей, но также и (из-за) наших собственных и всех христиан». Власть мусульман растет, предупреждал он, и так будет продолжаться, пока их не остановят. Он призвал королей, князей, баронов и целые города, которые спорили друг с другом, оставить разногласия и отреагировать на происходящее. Это было откровенное признание того, что, несмотря на разговоры о рыцарстве, мотивации, вере и благочестии, на самом деле крестоносцы были корыстны и заняты междоусобицами. Иерусалим пал, сказал папа, потому что христиане не смогли сражаться за то, во что верят. Их собственные грехи потопили их⁶⁷⁹.

Это провокационное и резкое послание имело незамедлительный эффект, вскоре после этого три могущественных деятеля Запада начали готовиться к карательному походу. Ричард I Английский, Филипп II Французский и могучий Фридрих Барбаросса, король Германии, император Священной Римской империи, пообещали восстановить Священный город, и появилась надежда, что есть шанс не только вернуть Иерусалим обратно, но и заново укрепить позиции христиан на Среднем Востоке. Усилия 1189–1192 годов, тем не менее, были безрезультатны. Фридрих утонул, пересекая реку в Малой Азии, за милю до предполагаемого поля боя. Среди руководителей похода разгорелись яростные споры, касающиеся стратегии, которые ставили армию в тупик. Ярким примером может послужить Ричард Львиное сердце, который вместо того, чтобы отвоевывать Иерусалим, хотел пойти захватывать Египет – гораздо более ценный и «вкусный» приз. Как и следовало ожидать, кампания не имела успеха и армия не смогла оказать давление на Иерусалим. Прежде чем отправиться домой, ее лидеры зачем-то обратили свое внимание на Акру, важный торговый центр Леванта, который не имел религиозного значения⁶⁸⁰.

По прошествии едва ли десяти лет была предпринята еще одна попытка восстановить Святую землю. На этот раз основой кампании должна была стать Венеция, перевоза людей на своих кораблях. Дож, который изначально не хотел участвовать в кампании, согласился после того, как его убедили в том, что расходы по созданию флота, который должен перевозить огромное количество войск, будут нести сами участники. Венецианцы также настояли на том, что основным назначением будущего флота будет Египет, а не порты, обслуживающие Иерусалим.

Это решение, по словам одного из непосредственных участников планирования, «держалось в строжайшем секрете, общественности было объявлено, что мы отправляемся за моря»⁶⁸¹.

⁶⁷⁸ Barber, *Crusader States*, pp. 305–313; T. Asbridge, *The Crusades: The War for the Holy Land* (London, 2010), pp. 342–364.

⁶⁷⁹ J. Riley-Smith, *The Crusades: A History* (London, 1987), p. 137.

⁶⁸⁰ J. Phillips, *The Crusades 1095–1197* (London, 2002), pp. 146–150; J. Phillips, *Holy Warriors: A Modern History of the Crusades* (London, 2009), pp. 136–165.

⁶⁸¹ Geoffrey of Villehardouin, 'The Conquest of Constantinople', in *Chronicles of the Crusades*, tr. M. Shaw (London, 1963), p. 35.

Предполагаемый поход был вызовом небес: всем, кто примет в нем участие, были обещаны духовное спасение и богатая добыча. О богатствах Египта ходили легенды. Живущие там люди были «приверженцами роскошной жизни», как писал один автор того времени, и благодаря «налогам с городов на побережье и континенте» были очень богаты. Это, со вздохом отмечал он, приносило им «огромный годовой доход»⁶⁸².

Венецианцы осознавали, что именно было поставлено на карту, так как традиционные пути на Восток, которыми они пользовались, были опасны и непостоянны. После волнений и последовавших за ними успехах Саладина, в Византии начался период нестабильности, а Венеция отчаянно искала выход на Александрию и порты в устье Нила, те места, которые традиционно оказывались неохраняемыми: до 1200 года на торговлю Венеции с Египтом приходилось примерно 10 %⁶⁸³. Венецию уже обошли Пиза и Генуя, они добились больших объемов торговли и выстроили лучшие торговые пути через Красное море, которые были предпочтительнее наземных путей к Константинополю и Иерусалиму⁶⁸⁴. Учитывая те риски, которые приняла на себя Венеция, согласившись на строительство огромного флота, вследствие которого другая работа приостанавливалась на два года, награда была невелика.

Вскоре стало ясно, что число тех, кто желал принять участие в походе, было существенно меньше предполагаемого. Это грозило Венеции незапланированными расходами. Обстоятельства оказались сильнее крестоносцев, и им пришлось импровизировать. В 1202 году флот прибыл в Зару, на побережье Далмации, город, который был причиной долговременного раздора между Венецией и Венгрией. Когда стало ясно, что атака неизбежна, разгневанные жители вывесили на стены города флаги, полагая, что произошло огромное недоразумение, и не веря в то, что христианское войско может напасть на христианский город без всякой на то причины, пойдя против приказов папы Иннокентия III. Город не пощадили, а венецианцы получили с крестоносцев то, что им причиталось⁶⁸⁵.

Пока крестоносцы решали, как оправдать свои действия, и спорили о том, что же делать дальше, отличная возможность возникла сама собой.

Один из претендентов на трон Византии предложил щедро наградить армию, если они помогут ему захватить власть в Константинополе. Войска, которые изначально плыли в Египет, считая, что отправляются в Иерусалим, оказались под стенами столицы Византии, оценивая варианты. Поскольку переговоры с фракциями внутри города затянулись, крестоносцы снова начали обсуждать, как захватить город и, прежде всего, как потом поделить его и всю остальную империю между ними⁶⁸⁶.

Венеция уже научилась ревностно охранять свои интересы в Адриатике и Средиземноморье и укрепила свои позиции, захватив контроль над Зарой. На этот раз появился шанс получить гораздо больший кусок – контролировать доступ на Восток. В конце марта 1204 года началась осада Нового Рима. Штурм начался в середине апреля. Лестницы, тараны и катапульты, которые должны были помочь сдерживать мусульман, вместо этого использовались против самого большого христианского города в мире. Корабли, которые были спроектированы и построены, чтобы блокировать гавани Египта и Леванта, сейчас применялись, чтобы отрезать доступ к знаменитому Золотому Рогу, прямо перед собором Святой Софии. Накануне битвы епископы уверили людей с Запада, что война является «праведным делом и

⁶⁸² William of Tyre, *Chronicon*, ed. R. Huygens, 2 vols (Turnhout, 1986), 2, p. 408; J. Phillips, *The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople* (London, 2004), pp. 67–68.

⁶⁸³ D. Queller and T. Madden, 'Some Further Arguments in Defence of the Venetians on the Fourth Crusade', *Byzantion* 62 (1992), p. 438.

⁶⁸⁴ T. Madden, 'Venice, the Papacy and the Crusades before 1204', in S. Ridyard (ed.), *The Medieval Crusade* (Woodbridge, 2004), pp. 85–95.

⁶⁸⁵ D. Queller and T. Madden, *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople* (Philadelphia, 1997), p. 55ff.

⁶⁸⁶ Tafel and Thomas, *Urkunden*, 1, pp. 444–452.

им непременно нужно атаковать (Византию)». Ссылаясь на споры о доктрине, которые возникали с удручающей регулярностью, когда на кону были другие, более важные вопросы для обсуждения, священнослужители заявили, что на жителей Константинополя можно напасть только за то, что они провозгласили, что «закон Рима ничего не стоит, и называли всех, кто в него верит, псами». Византийцы, по словам крестоносцев, были хуже евреев, «они – враги Господа»⁶⁸⁷.

Когда стены города были разрушены, последовали сцены хаоса. Жители Запада грабили и разрушали город. Находясь в религиозном исступлении, взвинченные ядовитыми словами, они разграбили и осквернили городские храмы. Они штурмовали сокровищницу храма Святой Софии, разворовали драгоценные сосуды с мощами святых и надругались над копьем, пронзившим Иисуса на кресте. Серебряные предметы и предметы из других благородных металлов, которые использовали для обряда евхаристии, были украдены. Лошадей и ослов завели в церковь, чтобы навьючить их награбленным добром. Некоторые из них поскальзывались на полированном мраморном полу, который был весь в «крови и грязи». Чтобы усугубить оскорбление, в кресло патриарха усадили проститутку, которая распевала непристойные песни.

По свидетельству одного из жителей Византии, крестоносцы были не кем иным, как предшественниками Антихриста⁶⁸⁸.

Сохранилось достаточно источников, которые говорят, что все это не преувеличение. Один из западных игуменов пошел к церкви Пантократора (Спаса Вседержителя), основанной в XII веке королевской семьей. «Покажите мне ваши самые могущественные реликвии, – приказал он, – или незамедлительно умрете». Он нашел сундук, полный церковных сокровищ, и «с готовностью запустил в него обе руки». Когда остальные спросили его, где он был и удалось ли ему что-либо украсть, он всего лишь улыбнулся, кивнул и сказал: «Мы хорошо поработали»⁶⁸⁹.

Неудивительно, что, когда один из горожан убежал из города, он бросился на землю, зарыдал и принялся упрекать стены в том, что «только они остались недвижимы, они не проливали слез, они не были повержены на землю, они оставались стоять прямо». Они словно издевались над ним – как же не смогли они защитить город? Сама душа города была зверски убита яростными войсками в 1204 году⁶⁹⁰.

Богатства Константинополя были распределены по церквям, соборам, монастырям и частным коллекциям по всей Европе. Статуи лошадей, которые гордо стояли на ипподроме, были погружены на суда и отправлены в Венецию, где их установили перед входом в собор Святого Марка. Бесчисленные реликвии и ценные предметы также были отправлены в этот город, где сегодня туристы восхищаются ими как произведениями христианского мастерства, а не военными трофеями⁶⁹¹.

Однако неприятностей как будто было недостаточно. Когда Энрико Дандоло, старый слепой дож, который приехал из Венеции, чтобы стать свидетелем нападения на Константинополь, умер через год, было принято решение похоронить его в соборе Святой Софии. Он стал первым человеком в истории, которого похоронили в этом великом соборе⁶⁹². Это

⁶⁸⁷ Robert of Clari, *La Conquête de Constantinople*, ed. P. Lauer (Paris, 1924), 72–73, pp. 71–72.

⁶⁸⁸ Niketas Khoniates, *Khronike diegesis*, ed. J. van Dieten, *Nicetae Choniatae Historia* (New York, 1975), pp. 568–577.

⁶⁸⁹ P. Riant, *Exuviae sacrae constantinopolitanae*, 2 vols (Geneva, 1876), 1, pp. 104–105.

⁶⁹⁰ Khoniates, *Khronike*, p. 591. О важной переоценке ущерба городу – T. Madden, 'The Fires of the Fourth Crusade in Constantinople, 1203–1204: A Damage Assessment', *Byzantinische Zeitschrift* 84/85 (1992), pp. 72–93.

⁶⁹¹ См. M. Angold, *The Fourth Crusade* (2003), pp. 219–267; а также D. Perry, 'The *Translatio Symonensis* and the Seven Thieves: Venetian Fourth Crusade *Furta Sacra* Narrative and the Looting of Constantinople', in T. Madden (ed.), *The Fourth Crusade: Event, Aftermath and Perceptions* (Aldershot, 2008), pp. 89–112.

⁶⁹² R. Gallo, 'La tomba di Enrico Dandolo in Santa Sofia a Constantinople', *Rivista Mensile della Città di Venezia* 6 (1927),

было очень символическое заявление, которое говорило о росте Европы. Столетиями люди смотрели на Восток, желая сколотить состояние или реализовать свои амбиции – духовные или материальные. Разграбление и захват самого большого и важнейшего города христианского мира показали, что европейцы не остановятся ни перед чем, чтобы получить то, что они хотят, стать ближе к тому месту, где находятся богатство и власть.

Хотя они и выглядели как люди, жители Запада вели себя как звери, с горечью писал один известный греческий священнослужитель, добавляя, что к византийцам они относились с ужасной жестокостью: насиловали девственниц, убивали невинных.

Разграбление города было таким жестоким, что один из современных ученых писал о «потерянном поколении» в период, который последовал за Четвертым крестовым походом, в то время как имперский аппарат Византии был вынужден осесть в Никее, в Малой Азии⁶⁹³.

В то же самое время жители Запада принялись делить между собой империю. После консультации с налоговыми регистрами в Константинополе появился новый документ под названием *Partitio terrarum imperii Romaniae* – «Разделение земель Римской империи», где было указано, кому достанутся те или иные земли. Это деление не было случайным или бессистемным. Это было тщательно спланированное, хладнокровное расчленение⁶⁹⁴. С самого начала такие люди, как Боэмунд, показали, что Крестовые походы, которые обещали защитить христианский мир, сделать работу Господа и спасти тех, кто примет крест, могут использоваться и для других целей. Разграбление Константинополя было очевидной кульминацией желания Европы объединиться и внедриться на Восток.

Как только Византия была разделена, европейцы под предводительством итальянских городов-государств Пизы, Генуи и Венеции бросились занимать стратегически и экономически важные регионы, города и острова. Флоты регулярно сталкивались у Крита и Корфу, так как каждая сторона стремилась получить контроль над выгодными базами и доступ к лучшим рынкам⁶⁹⁵. На суше тоже происходила ожесточенная борьба за территории и статус, особенно жестокая – на плодородных равнинах Фракии, житницы Константинополя⁶⁹⁶.

Очень скоро внимание вновь обратилось на Египет, который в 1218 году стал объектом очередного масштабного похода, целью которого было завоевать территорию от дельты Нила до Иерусалима. Франциск Ассизский присоединился к армии, которая направлялась на юг в надежде убедить султана аль-Камиля отказаться от ислама и принять христианство, хотя даже Франциск, личность харизматичная, не смог этого сделать, несмотря на то что у него была возможность побеседовать с правителем лично⁶⁹⁷. После взятия Думьята в 1219 году крестоносцы предприняли попытку захватить Каир при участии так и не обращенного аль-Камиля, данный поход обернулся катастрофой и закончился совершенно бесславно. Когда лидеры похода решили заключить соглашение и начали спорить между собой,

pp. 270–283; T. Madden, *Enrico Dandolo and the Rise of Venice* (Baltimore, 2003), pp. 193–194.

⁶⁹³ Michael Khoniates, *Michaelis Choniatae Epistulae*, ed. F. Kolovou (Berlin, 2001), Letters 145, 165, 100; T. Shawcross, 'The Lost Generation (c. 1204 – c. 1222): Political Allegiance and Local Interests under the Impact of the Fourth Crusade', in J. Herrin and G. Saint-Guillain (eds), *Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204* (Farnham, 2011), pp. 9–45.

⁶⁹⁴ TafelandThomas, *Urkunden*, 1, pp. 464–488; N. Oikonomides, 'La Decomposition de l'Empire byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée: à propos de la "Partitio Romaniae"', in *XV Congrès international d'études byzantines* (Athens, 1976), 1, pp. 3–22.

⁶⁹⁵ C. Otten-Froux, 'Identities and Allegiances: The Perspective of Genoa and Pisa', in Herrin and Saint-Guillain, *Identities and Allegiances*, p. 265ff; а также G. Jehei, 'The Struggle for Hegemony in the Eastern Mediterranean: An Episode in the Relations between Venice and Genoa According to the Chronicles of Ogerio Pane', *Mediterranean Historical Review* 11.2 (1996), pp. 196–207.

⁶⁹⁶ F. Van Tricht, *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople (1204–1228)* (Leiden, 2011), esp. pp. 157ff.

⁶⁹⁷ См. S. McMichael, 'Francis and the Encounter with the Sultan [1219]', in *The Cambridge Companion to Francis of Assisi*, ed. M. Robson (Cambridge, 2012), pp. 127–142; J. Tolan, *Saint Francis and the Sultan: The Curious History of a Christian-Muslim Encounter* (Oxford, 2009).

какой курс следует избрать перед лицом тяжелого поражения, стали поступать сообщения, которые казались просто чудом.

Новости говорили о том, что большая армия идет из Азии, чтобы помочь рыцарям справиться с египтянами. Сметая всех противников на своем пути, она направляется к крестоносцам на помощь. Идентифицировать подходящую на помощь армию оказалось довольно просто. Это были люди Пресвитера Иоанна, правителя обширного и феноменально богатого королевства, среди населения которого были уроженцы Амазонии, Брахмы, потерянные племена Израиля и целый ряд мистических и полумистических существ. Пресвитер Иоанн управлял государством, которое было не только христианским, но и ближе всех на земле к небесам. Письма, которые появились в XII веке, не оставили ни малейших сомнений в величии и славе его владений: «Я, Пресвитер Иоанн, царь царей, и я превосхожу всех остальных царей в богатстве, добродетели и могуществе... Молоко и мед свободно текут в наших землях, яд не причиняет никакого вреда, так же как и назойливое кваканье лягушек. Нет ни скорпионов, ни змей, шныряющих в траве». В этом царстве было огромное количество драгоценных камней, а также перца и эликсиров, которые исцеляли от болезней⁶⁹⁸. Слухов о прибытии Пресвитера Иоанна оказалось достаточно, чтобы повлиять на решения, принятые в Египте: крестоносцам нужно было просто успокоиться – и победа была обеспечена⁶⁹⁹.

Это стало первым уроком для европейцев в Азии. Крестоносцы не понимали, во что им верить, и придавали большое значение слухам, которые циркулировали тут десятилетиями со времен поражения султана Ахмада Санджара в Центральной Азии в 1140-х годах. Это происшествие дало начало запутанным и оптимистическим идеям о том, что могло лежать за пределами империи сельджуков. Сначала новости о войске, приближающемся со скоростью ветра, просочились через Кавказ. Слухи быстро стали правдой. Говорили, что «волхвы» идут на запад с крестами и палатками, из которых можно возвести переносную церковь. Победа христиан, казалось, была не за горами⁷⁰⁰. Один из ведущих клириков в Думьяте высказался вполне недвусмысленно, предсказав, что «Давид, царь двух Индий, торопится на помощь христианам вместе с самыми свирепыми народами, которые пожрут святотатственных сарацин как дикие звери»⁷⁰¹.

Вскоре стало ясно, насколько неправдивы были эти известия. Грохот со стороны востока издавали не войска под предводительством Пресвитера Иоанна или его сына «царя Давида» и не христианская армия, спешащая на помощь своим братьям. Это был шум, предвещающий приход чего-то совсем другого. То, что приближалось к крестоносцам и к Европе, не сулило путь в небеса, наоборот, впереди маячила прямая дорога в ад. С большой скоростью на запад продвигались монголы⁷⁰².

⁶⁹⁸ Dulumeau, *History of Paradise*, pp. 71–96.

⁶⁹⁹ M. Gosman, 'La Légende du Prêtre Jean et la propagande auprès des croisés devant Damiette (1228–1221)', in D. Buschinger (ed.), *La Croisade: réalités et fictions. Actes du colloque d'Amiens 18–22 mars 1987* (Göppinger, 1989), pp. 133–142; J. Valtrovà, 'Beyond the Horizons of Legends: Traditional Imagery and Direct Experience in Medieval Accounts of Asia', *Numen* 57 (2010), pp. 166–167.

⁷⁰⁰ C. Beckingham, 'The Achievements of Prester John', in C. Beckingham and B. Hamilton (eds), *Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes* (Aldershot, 1996), pp. 1–22; P. Jackson, *The Mongols and the West* (London, 2005), pp. 20–21.

⁷⁰¹ F. Zarncke, 'Der Priester Johannes II', *Abhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Phil. – hist. Kl.* 8 (1876), p. 9.

⁷⁰² Jackson, *Mongols and the West*, pp. 48–49.

9. Путь в ад

Волнения, которые ощущались в Египте, пришли с другой стороны земли. В конце XI века монголы были одним из многочисленных племен, живущих на северной границе Китая и степного мира. Один из современников описал их как «животных, которые не руководствуются верой или законом, просто переходя с места на место так же, как пасутся животные»⁷⁰³. Согласно другому автору, «они считали грабеж, жестокость, аморальное поведение и дебош признаками мужественности и совершенства». Их внешность также считалась отвратительной: так же, как и гунны в IV веке, они носили «шкурки собак и мышей»⁷⁰⁴. Такими были описания поведения кочевых племен со слов сторонних наблюдателей.

Хотя монголы казались порождениями хаоса, кровожадными и абсолютно ненадежными, их восхождение было результатом отнюдь не отсутствия порядка, совсем наоборот, безжалостное планирование, хорошо налаженная организация и четкий набор стратегических целей стали ключом к созданию самой большой империи в истории. Вдохновителем такой резкой перемены в жизни монголов был вождь по имени Темучин. Мы знаем его по его титулу и прозвищу «универсальный правитель», или, возможно, «жестокий правитель» – Чингиз или же Чингиз-хан⁷⁰⁵.

⁷⁰³ Het#um, Patmich# T#at#arats#, *La flor des estoires de la terre d'Orient*, in *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Arméniens* 1, p. x.

⁷⁰⁴ 'Ata-Malik Juvaynī, *Ta#rīx-i Jahān-Guṣā*, tr. J. Boyle, *Genghis Khan: The History of the World-Conqueror*, 2 vols (Cambridge, MA, 1958), 1, 1, pp. 21–22.

⁷⁰⁵ О значении слова «Чингиз» как титула см. I. de Rachewiltz, 'The Title Činggis Qan / Qayan Re-examined', in W. Hesse and K. Sangster (eds), *Gedanke und Wirkung* (Wiesbaden, 1989), pp. 282–288; T. Allsen, 'The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China', in *The Cambridge History of China*, 15 vols (Cambridge, 1978), 6, p. 321ff.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.